Digitized by Google

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ И ПЕРЕВОДОВЪ

АДМИРАЛА ШИШКОВА

Россійской Императорской Академіи Президента и разныхъ ученыхъ обществъ Члена.

ЧАСТЬ XIV.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Императорской Россійской Академіи.

1831.

ПЕЧАТАНО:

По опредѣленію Императорской Россійской Академіи.

Маія 12 дня 1817 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Четырнатцатой части.

Страп.

Стран.

СОБРАНІЯ
ЯЗЫКОВЪ и НАРѢЧІЙ,
съ примѣчаніями на оныя. *)

1. БОГЪ.

Первое семейство.

1. По Славенски . . . . . . Богъ
2. — Сербски . . . . Богъ
3. — Вендски . . . . Богъ
4. — Сорабски . . . . . . Богъ
5. — Кашубски . . . . . . Богъ
6. — Польски . . . . Богъ (bog).

*) Сравнительный Словарь (изъ коего собранія сіи почерпнуты), начатый собственною рукою Императрицы Екатерины Великой, и потомъ, по Ея порученію продолжаемый и доконченный Палласомъ, состоитъ въ двухъ частяхъ, и содержитъ въ себѣ 273 слова, изъ которыхъ каждое названо на двухъ стахъ языкахъ. Выбирая изъ сего Словаря сіи названія, мы для показанія час-

7. по Славено-Венгерски . . буг.
8. — Богемски . . . . боог. (bûh).

то примѣчаемаго, даже между самыми отдаленнѣйшими языками, единства и связи, раздѣляемъ ихъ на разные корни или семейства, то есть, причисляемъ къ одной и той же семьѣ всѣ тѣ слова, которыя коренными буквами сходствуютъ между собою, или суть очевидные отрывки одного отъ другаго. Такимъ образомъ составляется цѣпь словъ, подобная изобрѣтенной Лафатеромъ цѣпи лицъ, въ которой первое лице есть образъ Аполлона, а послѣднее образъ лягушки. Не взирая на сіе крайнее различіе красоты съ безобразіемъ, всѣ промежуточныя лица, смотря на нихъ по порядку отъ верха къ низу, или отъ низа къ верху, одно на другое похожи. Такъ точно и въ семействѣ или цѣпи словъ, хотя бы первое изъ нихъ не имѣло ни малѣйшаго сходства съ послѣднимъ, но тѣ, которыя находятся между ими, покажутъ, что всѣ онѣ суть не иное что, какъ одно и тоже слово, чрезъ прехожденіе отъ одного народа къ другому постепенно измѣнявшееся За первымъ семействомъ слѣдуетъ второе, третіе, и такъ далѣе, сколько ихъ окажется. Разсматривая порознь сіи различныя, то есть, разныхъ корней семейства, мы постараемся замѣчать, какое каждое изъ нихъ имѣетъ начало, и нѣтъ ли между ими чего-либо

по Тунг.:

9. по Чапогирски . . буга́.
10. въ Енисейс. области. буга.
11. въ Барбузин. округ. . быга.
12. въ Верхне-Ангарскомъ буга, бурханъ.
13. — Монгольски . . . . бурха́нъ.
14. — Калмыцки . . . . . бу́рханъ.
15. — Брацки . . . . . . бурханъ.
16. по Моторски . . . . . бурханъ.
17. — Полабски . . . . . бусацъ *).

общаго. Замѣчанія сіи могутъ послужить къ нѣкоторому открытію слѣдовъ первобытнаго языка, особенно сохраняющагося (какъ мы то послѣ увидимъ) въ родственныхъ именахъ, таковыхъ, какъ *отецъ, мать*, и проч. Также, сколь ни различны бываютъ сіи семейства, изъ коихъ каждое имѣетъ свое особое начало, но часто сіи начала ихъ происходятъ отъ смежныхъ между собою понятій, наиболѣе находимыхъ въ словахъ Славенскаго языка; а потому замѣчанія сіи не для него единаго, но для всѣхъ вообще языковъ могутъ быть полезны. Впрочемъ мы говоримъ это не по пристрастію къ своему языку, но по многимъ весьма яснымъ доказательствамъ. Всякъ можетъ это увидѣть, кто безъ предубѣжденія обратитъ на то свое вниманіе.

*) Мы послѣднія изъ сихъ словъ, *бурханъ*, *бур-*

*

ПРИМѢЧАНІЕ.

Первоначальное понятіе, отъ котораго происходитъ сіе семейство словъ (или лучше сказать одно и тоже слово въ разныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ съ нѣкоторыми измѣненіями повторяемое), различнымъ образомъ толкуютъ. Ломоносовъ думаетъ, что понятіе о *Богѣ* произошло отъ понятія о *движеніи*, яко величайшемъ дѣйствіи въ природѣ, поелику всѣ небесныя свѣтила вращаются, движутся. Посему утверждаетъ онъ, что въ нашемъ языкѣ слово *Богъ* отъ *бѣгъ*, равно какъ и въ Нѣмецкомъ *Gott* (Богъ) отъ *geht* (идетъ, движется) происходитъ. Хотя словопроизводство сіе, по извлеченію своему изъ толь важнаго понятія, довольно вѣроятно; однакожъ въ языкѣ нашемъ находятся другія подобозвучныя слова, которыя гораздо простѣе, и потому удобнѣе могли подать поводъ къ

канъ и проч., потому причисляемъ къ сему семейству, что 1-е, начинаются онѣ съ того же слога *бу*, и 2-е, что на одномъ и томъ же языкѣ (Верхне-Ангарскомъ) бога имянуютъ двумя названіями *буга* и *бурханъ*. Слѣдовательно сіе послѣднее могло измѣниться изъ перваго.

сему названію. Разсмотримъ сіе обстоятельство. Поелику страхъ надъ человѣческимъ сердцемъ сильнѣе дѣйствуетъ, нежели всякая другая страсть *); то люди, а особливо грубые, не просвѣщенные вѣрою, легко могли представлять себѣ въ Богѣ болѣе страшное, грозное, въ громахъ и молніяхъ изображающееся, нежели милосердое и благотворное существо; а потому, согласно съ трепетомъ чувствъ своихъ, и произвели имя его отъ словъ, изъявляющихъ нѣкій ужасъ, всемогуществомъ его внушаемый. Въ нашемъ языкѣ чувствованіе страха или ужаса часто выражается буквою *у*, напримѣръ мы говоримъ: *у! какъ страшно! у! какая темень!* и проч. отселѣ слова: *бука*, *букашка*, *буки*, *азбука*, *буква*, *буйство*, *быкъ*, и проч. Въ выраженіи: *не ходи туда, тамъ сидитъ бука!* слово *бука* означаетъ нѣчто страшное, ужасное. *Быкъ* **) и *букашка*, одинъ величиною и силою, а другая дикостію сложенія своего, наводятъ нѣкоторый страхъ. Имя *азбука* составлено изъ словъ *азъ* (нынѣ сокращеннаго въ *я*) и *бука* (то есть нѣчто великое, важное).

---

*) Замѣтимъ здѣсь, что и самое слово *страсть* произведено отъ слова *страхъ*, яко сильнѣйшаго въ человѣкѣ чувства.

**) См. семейство словъ подъ симъ названіемъ.

*) По всѣмъ симъ вѣтвямъ, произведеннымъ отъ буквы *у*, изъявляющей чувствованіе страха, могло произойти вышеозначенное семейство, содержащее въ себѣ слово сіе въ разныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ различно произносимое, какъ то: *буга*, *бугъ*, *Богъ*, *бигъ*, и проч.

---

*) Азбука наша (по другимъ нарѣчіямъ *букеица*) письменами или буквами своими, по порядку читаемыми, составляетъ нѣкоторый полный смыслъ, содержащій въ себѣ наставленіе тому, кто начинаетъ ихъ произносить, напоминая и твердя юному ученику о важности своей и пользѣ обучаться языку; она говоритъ: *азъ*, *буки*, *вѣди*, *глаголь*, *добро*, *есть*, *живетъ*, *земля*, *иже*, *како*, *люди*, *мыслете*, *нашъ*, *онъ*, *покой*, *рцы*, *слово*, *твердо*, и проч, то есть: „я есмь нѣчто великое, вѣдай, глаголаніе добро есть, живете на землѣ и какъ люди мыслете, нашъ это покой, рцы слово твердо," и проч. Мы нынѣ вмѣсто того, чтобъ при началѣ обученія юношей толковать и вперять въ нихъ сіе полезное наставленіе, приневоливаемъ ихъ, отводя отъ началъ своего языка, произносить имена буквъ нашихъ по иностранному: *а*, *бе*, *ве*, *ге*, *де*, и проч., дабы они не слыхавъ никогда о буквѣ *азъ* или *глаголь*, при чтеніи въ храмахъ Божіихъ таковыхъ выраженій, какъ *азъ глаголю вамъ*, не разумѣ-

Второе семейство.

1.	по Семоядски	Тимскаго рода . . .	нэбъ, нубъ.
2.		Нарымской округи . .	нубъ, нумъ.
3.		Юрацкаго берега . .	нубъ.
4.		по рѣкѣ Кетѣ . . .	номъ.
5.		Томскаго округа . .	номъ.
6.		Обдорскаго округа .	нумъ, нумъ-хай
		Пустозерскаго окр. .	тяуй-нумъ.
7.	по	Остяцки, по рѣкѣ Тазѣ	номъ.
8.	—	Тангински	нумъ.
9.	—	Камашински . . .	нумъ.
10.	—	Карассински . . .	нобъ, шееро.
11.	—	Черемиски	юму.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Семейство сіе очевидно есть Славенское слово *небо*, которое и у насъ часто пріемлется въ одинакомъ смыслѣ съ словомъ *Богъ*, какъ напримѣръ вмѣсто: *о Боже*! говоримъ иногда: *о небо*! понятія смежныя; мы представляемъ себѣ небо жилищемъ Божіимъ: и такъ легко могло статься, что другіе народы подъ именемъ *неба*, измѣняя оное въ *нэбъ*, *нубъ*, *нумъ*, *номъ*, и проч.

ли что читаютъ. Послѣ сего остается только намъ принять Латинскія письмена: и тогда, выкинувъ свои *ж*, *ц*, *ч*, *ш*, *щ*, *ю*, *я*, (въ ихъ азбукахъ не достающія) превратимъ мы древнѣйшій и богатѣйшій языкъ

стали разумѣть прямо *Бога*. Сюда же принадлежитъ Италіянское слово *nume*, означающее языческое божество. Мы увидимъ повтореніе сего названія также и въ другихъ семействахъ. Здѣсь же замѣтимъ еще, что въ Карассинскомъ языкѣ называютъ *Бога* двумя словами *нобъ* и *теере*. Послѣ нужно намъ будетъ сіе припомнить. Также надлежитъ замѣтить въ нѣкоторыхъ языкахъ составленія имянъ изъ двухъ семействъ, какъ то здѣсь по Семоядски въ Обдорскомъ округѣ *нумъ-хай*, въ Пустозерскомъ *тяуй-нумъ*. Приложенныя къ слову *нумъ* имена *хай* и *тяуй* относятся, первое къ третьему, а второе къ шестому семейству. (См. оныя слова).

Третіе семейство.

1.	По Исландски	гудъ	gud
2.	— Датски	гудъ	gud
3.	— Шведски	гудъ	gud
4.	— Голландски	готъ	(god)
5.	— Фризски	годъ	(god)
6.	— Германски	готъ	(gott)
7.	— Цимбрски	гитшъ	

свой (могу смѣло сказать, праотецъ всѣхъ языковъ) въ новое и скудное нарѣчіе. Тогда то будемъ на немъ славные писатели и знатоки своего языка!

8. по Англо-Саксон. . . годъ } god.
9. — Англински . . . годъ }
10. — Готійски . . . гуфъ.
11. — Нижне-Герман. . годъ.
12. — Тевтонски . . . готе, котъ, діетъ.
13. (по Кам.) у южныхъ Камч. . кутъ.
14. (по Кам.) по рѣкѣ Тигилѣ . кутха.
15. — Телеутски . . . кутай.
16. — Кангатски . . . хутай.
17. — Бухарски . . . худай.
18. (по Татарски) Мещеряц. покол. . худаи.
19. (по Татарски) Чацкаго рода . . худай.
20. (по Татарски) по Чюлимѣ . . . худай.
21. (по Татарски) по Енисеѣ . . . худай.
22. (по Татарски) около Кузнецка . ходай.
23. (по Татарски) на Барабѣ . . . кутай.
24. (по Татарски) Башкирскаго плем. ходай, тенгри.
25. — въ Тобол. округѣ . худай, тянгли.
26. — Еврейски . . . худа, хутья.
27. — Курдски . . . . худи.
28. — Авгански . . . . худай.
29. — Персидски . . . худа, хутья.
30. — Койбальски . . . худай.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Аделунгъ производитъ слово свое *gott*, (Богъ) или отъ *gut* (добро, благо), или отъ Скандинавскаго *одинъ*, тожъ означающаго Божество; но естьли бы онъ зналъ Славенскій языкъ, то нашелъ бы въ немъ оба сіи сло-

ва, равно приличныя къ произведенію отъ нихъ имени Божія; ибо *годъ* значитъ у насъ первое, время, въ которое солнце совершаетъ кругъ свой; второе, рокъ или судьбу, какъ то въ семъ или подобномъ смыслѣ принимается иногда слово *година*: третіе, тожъ какъ и Нѣмецкое *gut* или Голландское *god*, то есть, добро или благо, какъ то явствуетъ изъ словъ *годенъ*, *негоденъ*, *пригожъ*, и проч. Скандинавскому слову *одинъ*, въ Славенскомъ языкѣ соотвѣтствуетъ слово *единъ* (въ просторѣчіи *одинъ*), отъ котораго также понятіе о Богѣ могло быть почерпнуто, поелику онъ *единъ всеблагій*, всемогущій, и проч, такъ мы разумѣемъ его иногда подъ однимъ словомъ *Творецъ* или *Господь*. Замѣтимъ и здѣсь, что въ нѣкоторыхъ языкахъ называютъ Бога двумя разными именами, какъ то: по нижне-Германски *готъ* и *діетъ*, по Татарски *худай* и *тянгри*. Мы, находя сіи вторыя имена также и въ другихъ семействахъ, не пропустимъ сдѣлать на то свои примѣчанія.

Четвертое семейство.

1.	по Чювашски	. . . .	тбра.
2.	по Вогул.	по рѣкѣ Чюсовой . . .	таромъ.
3.		въ Верхотурской окр. . .	тармъ.
4.		около Чердыма	торомъ.
5.		около Березова	торымъ.

6.	по Остяц.	около Березова	торо́мъ.
7.		около Нарыма	тормъ.
8.		по рѣкѣ Юганѣ. . . .	торомъ.
9.		Лумпокольск. покол. . .	торомъ.
10.		Вассюганск. рода . . .	тормъ.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Во второмъ семействѣ видѣли мы, что Богъ по Карассински называется двумя словами *нумъ* и *теере*. *) Вѣроятно, что сіе второе слово, по единству коренныхъ буквъ *тр*, принадлежитъ къ сему четвертому семейству. Сіе обстоятельство так-

*) Сіи двоякія разныхъ корней названія часто примѣчаются. Онѣ происходятъ отъ слѣдующихъ причинъ: обыкновенно одно и тоже слово, переходя отъ народа къ народу, повторяется съ нѣкоторыми большою частію въ гласныхъ буквахъ измѣненіями, какъ мы видимъ то во всѣхъ исчисляемыхъ нами семействахъ; но случается, что изъ говорящихъ однимъ и тѣмъ же языкомъ народовъ, одинъ смотрѣлъ на одну и ту же вещь съ одной, а другой съ другой стороны, и потому дали ей два имя (иногда три, четыре, и болѣе), хотя изъ того жъ языка взятыя, однако жъ различныя, такъ напримѣръ, мы говоримъ *безпутство* (отъ *путь*), а Поляки *bezdroznost* (отъ *дорóга)*; по нашему *полѣнница* (отъ *полѣно)*, а по нѣкоторымъ другимъ нарѣчіямъ *drewárniza* (отъ *древо*); по нашему *темница* (отъ *тем-*

же и другихъ языковъ словами подтверждается. По Латински, тожъ по Италіянски, земля называется *terra;* по Французски *terre* (см. подъ словомъ *земля* семейство сихъ языковъ). Французъ Левекъ производитъ слово свое *terre* отъ Славенскаго глагола *тереть, тру* (по Латински *tero*), потому что всѣ живущія на землѣ твари хо-

---

ноты), а по ихъ *jèzha* (то есть *яга*, отъ глагола *емлю*, беру, равно какъ и Французы отъ *prendre* произвели *prison);* по нашему *вѣтвь* (отъ *вѣянія*, потому что качается отъ вѣтра), а по ихъ *mladika* (отъ младости, поелику всегда бываетъ моложе своего стебля), и такъ далѣе. Изъ сихъ двухъ разныхъ названій, одни языки или нарѣчія послѣдуютъ одному, а другіе другому названію, и чрезъ то дѣлаются разныя семейства; но бываетъ и то, что одинъ изъ нихъ языкъ или нарѣчіе принимаетъ и употребляетъ оба сіи названія, которыхъ сходство состоитъ не въ корняхъ ихъ (или коренныхъ буквахъ), но въ единствѣ или смежности изъявляемыхъ ими понятій; ибо отъ *пути* или *дороги*, отъ *полѣна* или *древа*, отъ того ли что въ *темницѣ темно*, или отъ того что въ нее *берутѣ и сажаютѣ*, и проч., произведемъ мы вѣтви, значенія ихъ не перестанутъ чрезъ то сходствовать между собою.

дятъ по ней, *трутъ* ее ногами. Словопроизводство сіе основывается больше на сходствѣ звуковъ, нежели на правдоподобіи. Напротивъ, когда мы возмемъ Славенское слово *твердь*, и сличимъ оное съ другихъ языковъ словами *тора*, *таромъ*, *terra*, и пр. то увидимъ, что оно, повторяемое разными народами, могло, по смежности понятій, принято быть иными за *бога*, другими за *небо*, третьими за *землю*. Нѣмецкой, Англинской, Голландской, Датской, Шведской, и другіе языки тожъ самое подтверждаютъ; ибо естли мы отнимемъ отъ слова *твердь* двѣ первыя буквы (отрывки часто въ семействахъ словъ примѣчаемые), то произойдутъ ихъ слова: *erde*, *earth*, *aard*, *joord*, *jord*, означающія землю.

Пятое семейство.

1. По Латински . . . . деусъ. deus.
2. — Гречески . . . . . ѳеосъ. θεός.
3. — Гишпански . . . діосъ. dios.
4. — Португальски . . деосъ. deos.
5. — Латышски . . . . дэсъ.
6. — Литовски . . . . діэвасъ.
7. — Кривинго-Ливон. діэвасъ.
8. — Италіянски . . . діо. dio, iddio.
9. — Старо-Франц. . . део, дексъ.
10. — Ново-Франц. . . . дьіо. dieu.
11. — Неаполитан. . . . ддіо.

12. По Валезански . . . ди.
13. — Кельтски . . . . . діу, ю.
14. — Вальски . . . . . . діу.
15. — Бретански . . . . дуэ.
16. — Басконски . . . . дувъ.
17. — Корнвальски . . . діа.
18. — Эрзо-Шотланд. . діа.
19. — Ирландски . . . . ія.
20. — Индостан. въ Бенг. діота.
21. — Цыгански . . . . девéлъ.
22. — Самкрушански . . діота.
23. — Старо-Персид. . дъятунъ.
24. — Сингальски . . . . девьô.
25. Кит. { въ пров. Хиньхеу . діу.
26. Кит. { у жив. въ Японіи . денихе.

Шестое семейство.

1. По Китайски . . . . тьенъ, тянъ.
2. — Тонкински . . . . тьенху.
3. — Турецки . . . . . тангри.
4. Тат. { около Казани . . . тянгри.
5. Тат. { Ногайскаго покол. . тянгри.
6. — Карассински . . . тенгри.
7. — Якутски . . . . . тáнгара.
8. — Зырянски . . . . іенъ.
9. — Пермякски . . . . іене-лэнъ.
10. — Армянски . . . . энъ.
11. — Арински . . . . . эсъ.
12. — Ассански . . . . эсъ, эшъ.

13. — Инбацки . . . эсъ.
14. — Лумпокольски . эчъ *).

ПРИМѢЧАНІЕ.

Хотя и раздѣлили мы сіи два семейства на пятое и шестое; но весьма вѣроятно, что составляютъ онѣ одно и тоже. Главное различіе дѣлаютъ въ нихъ начальныя буквы *д* и *т*; но сіи буквы легко одна за другую произносятся. Оба сіи семейства могутъ происходить (какъ то видимъ мы и въ другихъ семействахъ) отъ Славенскаго слова *день* (см. собраніе языковъ подъ симъ словомъ). Многія причины подаютъ поводъ къ сему заключенію: 1-е, существующее между всѣми составляющими сіи два семейства языками сходство звуковъ, которое показываетъ, что всѣ онѣ повторяютъ одно и тоже слово, долженствующее непременно происходить отъ слова, содер-

*) Послѣдніе изъ сихъ семи языковъ хотя и кажутся отдаленными отъ первыхъ, но легко могли изъ *тьенъ*, откинувъ первоначальную букву, сдѣлаться *іенъ*, *энъ*, *эсь*, и проч., подобно какъ въ первомъ изъ сихъ двухъ семействъ видимъ, что изъ Эрзо-Шотландскаго *dia* сдѣлалось Ирландское *іа*. Сему найдемъ мы множество примѣровъ.

жащаго въ себѣ коренное или первоначальное понятіе. 2-е, Слово *день* весьма приличествуетъ къ разумѣнію подъ нимъ Бога; ибо въ главномъ смыслѣ своемъ означаетъ противную темнотѣ или ночи свѣтлость, свѣтозарность. Подобнымъ образомъ, относя понятіе о свѣтлости къ Божеству, изъ имени *свѣтъ* произвели мы слово *святъ*, *святый* (Лат. *sanctus*, Итал. *santo*, Франц. *saint*, вѣроятно отсюду же.) 3-е, Нѣкоторыя языческія Божества показываютъ, что имена ихъ къ симъ же семействамъ принадлежатъ, и тожъ самое изъявляютъ, какъ то *Діана* (сходствующее съ нашимъ *денница*) и *Зевесъ*. *) 4-е, Въ извѣстной Французской книгѣ, *Monde primitif*, сказано: „le mot Dieu designoit au sens propre la lumiere." т. е. слово *Dieu* (Богъ) въ собственномъ смыслѣ означало свѣтозарность.

Седмое семейство.

1. По Еврейски . . . . элоа, егова.
2. — Халдейски . . . . эла́а, элогу.
3. — Арабски . . . . алла́а.

---

*) Зевесъ по Гречески пишется Ζεὺς. Буква z часто выговаривается какъ *дз*. Поляки вмѣсто *день* пишутъ и говорятъ *дзень*, (dzień). Буквы *v* и *u* вездѣ пишутся одна за другую: и такъ Греческое Ζεὺς и Латинское *Deus* очевидно есть одно и тоже.

4. По Мальтійски . . . . . алла.
5. — Трухменски . . . . . аллá.
6. — Хивински . . . . . . аллаá.
7. — Малайски . . . . . . алláа.
8. — Тат. Ногайск. р. Каз. въ Кав. аллá.
9. — Ассирійски . . . . . . ала.
10. — Явански . . . . ала.
11. — Мангиmански . . . . . алаmалла.
12. — Жидовски . . . . аилъ, элъ.
13. — Сирійски . . . . илъ.
14. — Кази-Кумыцки . . . . . саалъ.
15. — Ингушевски . . . . . . дяла.
16. — Чеченгински . . . . . . дяли.
17. — Тушетски . . . . . . дáле.
18. — Юкагирски . . . . . . коилъ.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Къ сему семейству не подходитъ ни какое извѣстное мнѣ Славенское или другихъ языковъ слово; а потому и не могу я ничего вѣроятнаго сказать о началѣ и происхожденіи онаго.

Осмое семейство.

1. По Чухонски . . . . . юмала.
2. — Эстляндски . . . . . юммалъ.
3. — Корельски . . . . . . юмала.
4. — Олонецки . . . . . . юмалъ.
5. — Лопарски . . . . . . юбмелъ.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Словà семейства сего очевидно составлены (какъ мы подобное тому видѣли ужè въ примѣчаніи на второе семейство) изъ двухъ именъ. Первое *юм* (сократившееся изъ *нэб*, *нуб*, въ *юм* (какъ то изъ втораго семейства явствуетъ), второе изъ имени предъидущаго (седмаго) семейства *элоа*, *аллаа*, и проч. Отселѣ *юмала*, и также Нѣмецкое *himmel*, небо (см. собраніе языковъ подъ симъ словомъ). Отсюду же имя *Юпитеръ*, составленное изъ *ю*, отрывка отъ *нумъ*, и слова *Питеръ*, измѣненнаго изъ *pater*, отецъ. Есть и въ другихъ малочисленныхъ семействахъ нѣкоторые признаки Славенскихъ словъ, какъ напримѣръ Имеретинское *горомти*, Карталинское *гмерти*, Суанетское *гербетъ*, легко могущія происходить отъ *громъ*, *гремѣть*, какъ и мы говоримъ иногда *громовержецъ*.

Девятое семейство.

1.	По Ново-Гвинейски	. . . . .	вашъ.
2.	на островахъ	Таннѣ	етýо.
3.		Малликоло	етýа.
4.		Вангоо	етуà.
5.		Дружества	ету.
6.		Общества	етуа.
7.		Кокосовыхъ	етуа.
8.		Маркизовыхъ	етуо.
9.		Сандвича	итуа.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Смотри происхожденіе сихъ именъ въ собраніи языковъ подъ словомъ *отецъ*.

2. НЕБО.

Первое семейство.

1. По Славенски . . . . . небо, небеса.
2. — Славено-Венгерски . небо.
3. — Сербски . . . . небо.
4. — Вендски . . . . небо.
5. — Кашубски . . . . . . небо.
6. — Малороссійски . . . небо.
7. — Богемски . . . . небе (nebe).
8. — Польски . . . . нѣбо (niebo.
9. — Иллирійски . . . . . неббо.
10. — Сорабски . . . . . . небо. небіо.
11. — Полабски . . . . . . небуи.
12. — Кельтски . . . . . . нефи.
13. — Вальски . . . . неевъ.
14. — Брешански . . . . . . нефъ, эфъ.
15. по Самояд. Юрацкаго . . . . . . нубъ.
16. по Самояд. Обдорскаго округа . нумъ, номынъ.
17. по Самояд. Томскаго округа . . нумъ фынде.
18. по Самояд. Пустозерскаго окр. нуняра.
19. — Койбальски . . . . . нумъ.
20. — Вогульски въ Верх. ок. нумма.
21. — Тавгински . . . . . нумунде.
22. — Тангутски . . . . . намъ-кей.
23. — Черемисски . . . . . юма.

24. Остяк. { около Березова . . . нумъ-торомъ.
25. Остяк. { Лумпокол. покол. . . нумъ-торомъ.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Выше сего видѣли мы, что самыя сіи слова *нобъ*, *нубъ*, *нумъ*, и проч., означающія здѣсь *небо*, тамъ означали *Бога* (см. подъ словомъ *Богъ* второе семейство, гдѣ въ примѣчаніи нашемъ сказали ужè мы тому причину). Здѣсь видимъ также сложное изъ двухъ словъ имя *нумъ-торомъ*, изъ которыхъ первое *нумъ* относится къ сему, а второе *торомъ* къ послѣдующему за симъ второму семейству. (См. подобное же соединеніе именъ во второмъ и осмомъ семействахъ подъ словомъ *Богъ*).

Второе семейство.

1. По Вогульски по р. Чюс. . таромъ.
2. — Остяцки Вассюг. рода. торомъ-іомъ.
3. — Карассински . . . . . . теере, титъ.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Мы ужè сдѣлали замѣчанія свои на сіи слова (см. четвертое семейство подъ словомъ *Богъ*.) О второмъ же словѣ *Титъ* не можемъ мы ничего достовѣрнаго сказать.

Третіе семейство.

1. по Самояд.	Нарымскаго окр. . .	шитъ.
2. по Самояд.	по рѣкѣ Кетѣ . . .	шита.
3. по Самояд.	Тимскаго рода . . .	шитъ.
4.	По Камашински . .	ши, урахъ.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Происхожденіе сего семейства не извѣстно мнѣ: и такъ замѣтимъ только, что второе слово *урахъ* сходствуетъ съ Греческимъ *ураносъ*, тожъ значащимъ *небо*, и что баснословное имя *титанъ*, а можетъ быть и собственныя *титъ*, *титусъ* (изъявляя какъ бы нѣкія относящіяся къ небу существа) принадлежатъ къ сему семейству.

Четвертое семейство.

1.	По Китайски	тьянъ, тянъ.
2.	— Тонкински	тьенъ.
3. по Татар.	по Чюлимѣ	тенгри.
4. по Татар.	по Енисеѣ	тенгери.
5. по Татар.	около Кузнецка . ,	тенгери.
6.	Телеутски	тенгери.
7.	По Калмыцки	тянгри.
8.	— Монгольски	тынгари.
9.	— Брацки	тингари.
10.	— Тунгус. въ Нер. об.	тингери.
11.	— Тонкински	тьено, блои.

12. По Якутски . . . . менга-шангара.
13. — Кривинго-Ливон. . дангусъ.
14. — Литовски . . . . . дунгусъ.
15. — Латышски . . . . . деббесъ.
16. — Зырянски . . . . . іень-ешъ.
17. — Коряцки . . . . . . янъ, хаянъ.
18. — Арински . . . . . . эсъ.
19. — Котовски . . . . . . еишъ.
20. — Ассански . . . . . . эшъ.
21. — Лумпокольски . . . ечъ.
22. — Инбацки . . . . . . есъ.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Здѣсь также примѣчаются одинакія названія съ шестымъ семействомъ подъ словомъ *Богъ*.

Пятое семейство.

1. По Латински . . . цэлумъ. (coelum).
2. — Италіянски . . чьело. (cielo).
3. — Неаполитан. . . чіело. (cielo).
4. — Гишпански . . сіэлъ. (cielo).
5. — Валезански . . челъ.
6. — Ново-Франц. . . сьелъ. (ciel).
7. — Древне-Франц. . цео, ціаксъ.
8. — Албански . . . кіелъ.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Семейство сихъ языковъ подходитъ къ Славенскому слову *сіяло* (отъ глагола

сіять), могшему легко подать поводъ къ названію симъ именемъ неба, на коемъ *сіяютъ* солнце, луна и звѣзды. Мы не утверждаемъ сего точно; однако же не можемъ и отрицать, видя, что разные разсѣянные по лицу земли языки во многихъ названіяхъ своихъ сближаются съ Славенскимъ языкомъ, который какъ по Исторіи, такъ и по симъ замѣчаніямъ, оказывается весьма древнимъ.

Шестое семейство.

1. —	По Еврейски . . .	шамаіимъ
2. —	Жидовски	шумаймъ.
3. —	Халдейски . . .	шумаіо, шмая.
4. —	Сирійски	шемаіо.
5. —	Арабски	шемья.
6. —	Ассирійски . . .	шимми.
7. —	Мальтійски . . .	сама.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Можетъ быть, и сіе семейство произошло отъ Славенскаго слова *шумъ*, по тому соображенію: что громъ и бури, яко весьма *шумныя* дѣйствія, пріемлемъ мы за нисходящія съ неба. (См. подобное же сему въ концѣ примѣчаніе на осмое семейство подъ словомъ *Богъ*). Впрочемъ мы заключаемъ сіе, какъ уже и выше сказали,

единственно по примѣчанію многихъ иноязычныхъ словъ происходящими отъ Славенскаго языка.

Седмое семейство.

1. По Готійски . . . гиминсъ.
2. — Англо Саксон. . гевнъ.
3. — Англински . . . гевенъ. (heaven).
4. — Тевтонски . . . гимилъ.
5. — Нижне-Герман. . гиммелъ.
6. — Германски . . . гиммель. himmel).
7. — Цимбрски . . . гимель.
8. — Датски . . . . гиммель. (himmel).
9. — Исландски . . . гиммень.
10. — Шведски . . . гиммель. (himmel).
11. — Голландски . . гемель. (hemel).
12. — Фризски . . . геммель.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Смотри о происхожденіи семейства сего въ примѣчаніи на осмое семейство подъ словомъ *Богъ*.

3. ОТЕЦЪ.

Первое семейство.

1. По Славенски . . отецъ, отче.
2. — Славяно-Венгер. отецъ.
3. — Иллирійски . . отацъ.

4. По Богемски . . отекъ, татикъ.
5. — Сербски . . отецъ, тата, баба.
6. — Малорос. . . отецъ, тато, батько.
7. — Польски . . . . . . ойцѣцъ.
8. — Сорабски . . . . . вотца, нанъ.
9. — Вендски . . . . . оца.
10. — Латышски . . . . . тэсъ.
11. — Кривинго-Ливон. . . тэсъ. *)
12. — Литовски . . . . . тэвасъ.
13. по Татар. (Ногайскаго поколѣнія ата.
14. Рода Казагъ въ Кавказѣ ата.
15. Чацкаго рода . . . ата.
16. — Хивински . . . . ата.
17. — Киргизски . . . . ата.
18. — Трухменски . . . ата.
19. по Татарски. (около Казани . . . атаи.
20. Мещеряц. пок. . . атаи.
21. Башкир. плем. . . . атаи.
22. въ Тоболь. окр. . . атаи.
23. По Чюлимѣ . . . . атай, баба.
24. около Кузнец. . . . атай.
25. — Албански . . . . . ате.
26. — Венгерски . . . . атья, апа.
27. — Лопарски . . . . . аттье.
28. — Чувашски . . . . атте, атеи.
29. — Басконски . . . айта.

---

*) Очевидные отрывки отъ слова *отецъ*, измѣнившіе, по откинутіи начальной буквы *о*, букву *ц* въ *с*.

30. По Тевтонски . . аттта.
31. — Готійски . . . аттта.
32. — Полабски . . . аида.
33. — Аварски . . . етень.
34. — Бухарски . . . ашу, пядяръ.
35. — Кельтски . . . атъ.
36. — Ирландски . . атеръ.
37. — Эрзо-Шотлан. . аферъ.
38. — Латински . . . патеръ. (pater).
39. — Эллински . . . патиръ. } πατὴρ.
40. — Ново-Греч. . . . патиръ. }
41. — Италіянски . . падре. (padre).
42. — Неаполитан. . . патре, папа́.
43. — Гишпански . . падре. (padre).
44. — Португал. . . . пай.
45. — Древне-Фран. . піэре, пэре.
46. — Ново-Фран. . . перъ. (pere).
47. — Валезански . . пару.
48. — Персидски . . педеръ, педаръ.
49. — Англо-Сак. . . фадеръ. (faeder).
50. — Англински . . фадеръ. (father)
51. — Датски . . . . фадеръ. (fader).
52. — Исландски . . . фадеръ.
53. — Шведски . . . фадеръ. (fader).
54. — Голландски . . фадеръ. (vader).
55. — Германски . . фатеръ. (fater).
56. — Нижне-Герман. . фадеръ, фааръ.
57. — Цимбрски . . ватаръ.
58. — Старо-Пер. . . федре.
59. — Осетски . . . фидъ, абу.

60. По Дугорски . . . фиде.
61. — Китайски . . фу, тіа.
62. — Тонкински . . фу, ха.
63. — Кашубски . . . тата.
64. — Брешански . . . тать.
65. — Бальски . . . . таадъ.
66. — Корнвал. . . . таазъ.
67. — Фризски . . . тоте.
68. — Волошски . . . тать, паринте.
69. — Корельски . . . тато, туатто.
70. — Олонецки . . . тато.
71. — Канарски . . . танди.
72. — Варугжски . . тандри.
73. — Зырянски . . . бать, батя.

Второе семейство.

1. По Кубачински . . або.
2. — Еврейски . . . абъ.
3. — Жидовски . . . аби.
4. — Халдейски . . . абу.
5. — Сирійски . . . або.
6. — Арабски . . . . аббъ, эббе.
7. — Мальтійски . . абъ.
8. — Лезгин, рода Дидо обіо.
9. — Телеутски . . . аба́.
10. — Кушьгазибъ-Абасс. яба.
11. — Камашински . . аба́.
12. — Койбальски . . . аббада.
13. — Тайгински . . . абыдда.

14. По Моторски . . . . аббеда.
15. — Калмыцки . . . абу, бабай.
16. — Лумпокольски . . абъ.
17. — Инбацки . . . . объ.
18. — Ассански . . . опъ.
19. — Котовски . . . опъ.
20. — Корядки на р. Тиг. епе.
21. — Чюкоцки . . . . аппа.
22. — Сингальски . . . аппаа.
23. Камчад. { у среднихъ . . . апачъ.
24. по рѣкѣ Тягилѣ. . ипихъ.
25. у южныхъ . . . ипипъ.
26. — Пеелски . . . . абидеръ.
27. — Курдски . . . . бабъ.
28. — Ассирійски . . . ба́ба.
29. — Турецки . . . . ба́ба.
30. — Татарски по Енис. баба.
31. — Кангатски . . . бабамъ.
32. — Брацки . . . . . баабаи.
33. Инд. { въ Бенгалѣ . . . баабъ.
34. въ Деканѣ . . . баабъ.
35. — Малабарски . . . бава.
36. — Майски . . . . баппа, паппа.
37. — Явански . . . . паппа.
38. — Корагински . . . папа.
39. — Корядки . . . . пепе.
40. — Тангутски . . . . па.
41. — Акушински . . . пу.
42. — Кази-Кумыцки . . пу.

Третіе семейство.

1.	По Ламутски . . .	ама́.
2.	— Чапогирски . . .	ама́.
3.	— Манжурски . . .	ама.
4.	— Магидански . . .	амма.
5.	по Тунгуски въ Енисейск. окр.	ами.
6.	въ Баргузинскихъ	ами.
7.	въ верхне-Ангарск.	ами́.
8.	около Якутска . .	ами́.
9.	въ Мангазейск. окр.	аминь.
10.	въ Нерчинской обл.	аминь.
11.	около Охотска . .	амму.
12.	— Андійски	има.
13.	— Карталински . .	ма́мма.
14.	— Имирешински . .	мума.
15.	— Суанетски . . .	му.
16.	— Ново-Зеландски .	машуашеине.
17.	— Ново-Каледонски .	машоре.
18.	— На островѣ Таннѣ.	мадуа-шане.
19.	— На островахъ Друж.	мадуа.
20.	— ———— Общест.	медуа-шяне.
21.	— ———— Маркиз.	мадуа.
22.	— ———— Сандв.	модуа-шанне.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Здѣсь тоже коренныя буквы суть *ам* и съ перестановкою *ма*.

Четвертое семейство.

1.	По Чеченски . . .	да.
2.	— Ингушевски . .	да.

3. — Тушетски . . . дада.
4. — Цыгански . . . дади, дадъ.
5. Лезгинск. { рода Анцугъ . . деде́.
6. рода Джаръ . . деде́.
7. рода Хунзахъ . дади.
8. — Вотяцки . . . дадяй.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Хотя и раздѣлили мы сію многочисленность разсѣянныхъ по земному шару языковъ на четыре семейства; но по краткому составу и единозвучію словъ ихъ можемъ почитать оныя за одно и тоже семейство; ибо главное основаніе всѣхъ ихъ состоитъ въ соединеніи первоначальной гласной буквы *а* съ послѣдующими за нею согласными *б*, *д*, *м*, *н*, *п* *т*, производя изъ оныхъ слоги: *аб*, *ад*, *ам*, *ан*, *ап*, *ат*; или извращая ихъ въ *ба*, *да*, *ма*, *на*, *па*, *та*; или же чрезъ повтореніе складывая ихъ въ *ба́ба*, *да́да*, *ма́ма*, *на́на*, *па́па*, *та́та*, съ нѣкоторыми въ произношеніи буквъ или въ окончаніяхъ словъ измѣненіями, всегда при переходѣ одного и того же слова отъ народа къ народу примѣчаемыми. Такимъ образомъ въ первомъ семействѣ видимъ названія отцу: *атъ*, *ата*, *отецъ*, (или атецъ) *)

*) Буквы *а* и *о* часто произносятся одна за другую; мы пишемъ *отецъ*, *отца*, а произно-

атеръ, *фатеръ*, *патер*, *падре*, *перъ*, *) и проч. также: *тата*, *тато*, *таадъ*, и проч. Во второмъ семействѣ: *абъ*, *або*, *аби*, *абу*, *объ*, *опъ*, *апла*, *аббада*, и проч. также: *бабъ*, *баабъ*, *баба*, *бабамъ*, *бапла*, *па*, *папа*, *пепе*, и проч. Въ третьемъ: *ама*, *амма*, *ами*, *аминь*, *амму*, и проч.; также: *мамма*, *мума*, *маторе*, *мадуа*, и проч. Въ четвертомъ: *да*, *дадъ*, *дада*, *дади*, *деде*, *дадяй*, и проч. Изъ семействъ сихъ легко усмотрѣть можно единообразное почти у всѣхъ народовъ повтореніе сего слова долженствуетъ идти отъ начала первобытнаго языка (см. въ собраніи сочиненій моихъ: опытъ разсужденія о первоначаліи, единствѣ и разности

симъ иногда *атецъ*, *атца*; говоримъ *расти* и *рость*, *раждаю* и *рожу*, *собака* и *сабака*, *расказъ* и *росказни*, и проч.

*) Французское слово *pere* (отецъ), сократясь изъ Латинскаго *pater*, хотя и потеряло коренной слогъ *at*, но въ произведенныхъ отъ него вѣтвяхъ *patrie* (отечество), *paternel* (отеческій), и проч., опять къ оному возвращается. Отселѣ можемъ видѣть, что какъ ни различны Французское слово *patrie*, или Латинское *patria*, съ Славенскимъ *отечество*, но онѣ составляютъ двѣ отрасли, отъ одного и того же корня произрастшія; ибо корень ихъ есть слогъ *ат* (at), отъ коего произошли и *отецъ* и *pater*.

языковъ, часть V. стран. 291, и продолженіе о томъ же, часть XI, стран. 28). Сколь ни отдаленны и темны для насъ времена Адамовы; но по сей лѣсницѣ можемъ восходить къ онымъ. Какія были самонужнѣйшія имена для Адама и первоначальнаго потомства его? Безсомнѣнія родственныя *отецъ*, *мать*, *братъ*, *сестра*, *дитя*, *дѣдъ*, *бабка*, *дядя*, и проч. Могла ли семья Адамова для сихъ названій придумывать длинныя, многосложныя слова? Отнюдь нѣтъ; ибо какъ родъ человѣческій тогда еще младенчествовалъ, то и языкъ его по всей вѣроятности подобенъ былъ языку младенцевъ, которые сперва начинаютъ говорить односложными звуками: *ба*, *ма*, *та*, и проч., покуда дойдутъ до словъ: *батюшка*, *матушка*, *тетушка*, и проч. Можетъ быть отъ начала первыхъ временъ, когда отца называли *ата*, между симъ словомъ и словомъ *отечество* прошло нѣсколько вѣковъ. И такъ изо всего явствуетъ, что всѣ нынѣшніе народы, въ сихъ четырехъ семействахъ исчисленные, и составляющіе почти всѣхъ обитателей земныхъ, называютъ *отца* тѣмъ же самымъ словомъ, какимъ Адама называли дѣти его, внучата и правнучата. *)

*) Нѣкоторые производятъ имя *Адамъ* съ Еврейскаго языка, утверждая, что на немъ озна-

Хотя въ нѣкоторыхъ языкахъ слово сіе отъ первоначальнаго выговора или звука весьма измѣнилось, какъ напримѣръ, отъ *ата* Латышское *тэсъ* или Французское *pere*, но мы уже при сихъ словахъ замѣтили, и при другихъ вездѣ видимъ, что коренныя буквы *ат* или *аб* или *ам*, не смотря на прочія къ нимъ присовокупленія буквъ, не престаютъ въ нихъ сохраняться. Сверхъ сего надлежитъ примѣчать, что разные слоги сіи (то есть, корни или коренныя буквы) въ иныхъ языкахъ всѣ означаютъ отца, въ другихъ или мать или

чаетъ оно *красную землю*; но можетъ ли это быть вѣроятно? первое, какимъ образомъ сблизить не просто землю, но какую-то *красную землю* съ именемъ перваго человѣка? второе, имена Адамовой семьи не могутъ происходить ни съ какого языка, поелику оныя долженствовали существовать задолго прежде, нежели народы и языки ихъ стали одинъ отъ другаго различаться именами, чему не возможно было иначе случиться, какъ по раздѣленіи первобытнаго народа на многіе другіе. Слово *Адамъ* есть не иное что, какъ соединеніе слоговъ или словъ *ад* и *ам*, изъ коихъ каждое означало, какъ и нынѣ во многихъ языкахъ означаетъ *отца*.

иное какое родственное имя *). Покажемъ сему многіе примѣры:

КОРЕНЬ *АБ*.

Мы въ первомъ семействѣ видимъ, что по Еврейски, Сирійски, и на многихъ дру- языкахъ отца называютъ *абъ*, *або*, и проч. Къ сему же корню безъ всякаго сомнѣнія причисляются и слѣдующихъ языковъ слова:

Лат. abba Греч. авва **)	тоже, что *pater* или *патиръ*, т. е. отецъ.
Лат. abbas Ит. abate Фран. abbé Анг. abbot	абатъ т. е. священникъ, духовной отецъ. Равно какъ и мы всякой духовной особѣ придаемъ названіе отецъ.

*) Мы увидимъ подтвержденіе сему при разсматриваніи именъ: *мать*, *сынъ*, *дочь*, *братъ*, *сестра*, и проч.

**) Тѣжъ самыя имена даются животнымъ или вещамъ по какому нибудь сходству съ человѣкомъ. Такъ напримѣръ, наше *баба* (свинцовая гиря), Англинское *baboon* (толстая обезьяна), Латинское *amma* (птица сова), Датское *amme* (винная бочка), и проч., по уподобленію съ толстою *бабою*. т. е. женщиною или кормилицею. Въ нѣкоторыхъ языкахъ изъ именъ сихъ сдѣланы глаголы, по Еврейски *amma*, по Датски at opamme, по Латински *mammare*, значитъ также и

Лат.	abamita:	прабабка.
—	abavus:	прапрадѣдъ.
Ит.	avolo, avola:	дѣдъ, бабка.

КОРЕНЬ *БА*.

Рус. 1-е, баба (тоже что бабка или бабушка, т. е. отцова или материна мать); 2-е, баба (въ просторѣчіи тоже что женщина); 3-е, баба (толстая свинцовая гиря, которою бьютъ сваи).

Итал. babbo: тоже что *padre*, отецъ.
Англ. babe, baby: дитя (также и кукла).
Нѣм. bube: мальчикъ.

Англ. baboon
Итал. babbuino } толстая обезьяна.
Фран. babouin

Фран. to babble
Фран. babiller } болтать, говорить пустое, подобно дѣтямъ или бабамъ.
Нѣм. babbeln
Лат. — babare

кормить младенца грудью, потому что существительныя имена сіи означаютъ у нихъ кормилицу. Наше слово *бобы* вѣроятно, измѣня букву *а* въ *о*, произошло отъ слова *бабы*, потому что выпуклость содержащихся въ шелухѣ ихъ плодовъ такъ изъ подъ ней видна, какъ у *бабъ* (женщинъ) изъ подъ платья выкуплость ихъ грудей.

*

Англ.	babbling	болтанье, пустозвяканье, дурачество, глупость. Подобно какъ и мы говоримъ: *бабьи враки*.
——	babish	
Лат.	baburra	

КОРЕНЬ *АМ*.

Лат. amma: мать, няня (также и птица сова).
—— amita: тетка.
Нѣм. amme: женщина заступившая мѣсто матери.
—— hebamme: повивальная бабка.
—— säugamme: кормилица.
Дат. amme: кормилица. (Также и большая винная бочка).

КОРЕНЬ *МА*.

На многихъ языкахъ дѣти называютъ матерей своихъ: *мама*, *маминька*, *тата*, *татта*, *татап*, и проч. На иныхъ подъ сими именами разумѣютъ приставляемыхъ къ смотрѣнію за дѣтьми женщинъ, какъ и у насъ *мамка*, *мамушка*. На иныхъ женскія груди, какъ то:

Фр.	mamelle, tetton	женская грудь, титька.
Ит.	mamella, tetta, poppa.	
Лат.	mamilla	

Фр. mamelon, сосецъ у титьки.
Нѣм. muhme, тетка.

КОРЕНЬ *АТ*.

Мы видѣли уже́ коренной слогъ сей, произведшій на многихъ языкахъ имя *отца*;

но онъ же въ сложеніи съ другимъ (какъ то Греческимъ тоже значащимъ *авва*) произвелъ Латинскія *atavus*, *atavia*, прапрадѣдъ, прапрабабка. Отселѣ же, чрезъ отнятіе первоначальной буквы *а*, произошли слова: наше *тетя* или *тетка* (сюда же должно причислить и *теща*), Французское *tante*, Италіянское *zia* (измѣнившее *t* въ *z*), и проч. Также и слово *титька* или *титя* (близкое по звуку и смежности понятій съ словомъ *дитя́*) на многихъ языкахъ повторяемое, какъ то: по Греч. *τιτθή*, по Нижне-Герм. *titte*, по Англо-Саксон. *tit*, по Англин. *teat*, по Франц. *tetton* (отколѣ произведенъ глаголъ *teter*, сосать грудь), по Итал. *tetta*, *zizza*, по Нѣмец. *zitze*, по Шведски *tisse*, и проч.

КОРНИ: *ДА*, *НА*, *ПА*.

Отъ повторенія каждаго изъ сихъ слоговъ произошли также многія имена: мы говоримъ *дядя*, *дятька*, *дѣтина*, *дѣдъ*, *дѣдушка*, *няня*, *нянька*, *няньчить*, и проч. по Латински *dida* значитъ кормилицу. Въ дѣтскомъ языкѣ подъ словами *папа*, *папинька*, разумѣется отецъ. Католицкая верховная въ духовенствѣ особа называется *Па́па*. Отсюду же наше *попъ*, Латинскія *popa* (жрецъ), *pupillus* (Франц. *pupile*, сирота), *pupa* (маленькая дочь), Французское *poupée*, Нѣмец-

кое *puppe* (кукла), Италіянское *poppa* (иначе *tetta*, титьки), и такъ далѣе.

Во всѣхъ сихъ названіяхъ видимъ мы, что оныя состоятъ изъ односложныхъ звуковъ, иногда просто повторяемыхъ (какъ то: *баба*, *мама*, и проч.), иногда съ перестановкою буквъ) какъ то: *абба*, *авва*, *амма*, и проч.), иногда слагаемыхъ изъ разныхъ звуковъ (какъ то изъ *ди* и *тя* въ *дитя*, и проч.). Притомъ же надлежитъ принимать за утвержденную на здравомъ разсудкѣ истину, что доколѣ первобытный народъ не былъ раздѣленъ и составлялъ единое семейство, до тѣхъ поръ не имѣлъ онъ надобности ни себя, ни языкъ свой называть какимъ либо именемъ. Надобность сія произошла отъ разселенія его въ разныя страны, дабы чрезъ то отличаться одному отъ другаго; но и тогда, при раздѣленіи своемъ, понесъ онъ повсюду съ собою одинъ и тотъ же языкъ, который хотя съ протеченіемъ долгаго времени и долженствовалъ становиться различнымъ, однако жъ не преставалъ сохранять въ себѣ начала прежняго (какъ мы то и нынѣ видимъ въ нарѣчіяхъ). Онъ размножался, измѣнялся; но человѣку, одаренному разумомъ и мыслями, не свойственно было встрѣчавшимся зрѣнію, или слышанію, или уму его, новымъ

предметамъ придумывать имена безъ уподобленія сихъ предметовъ съ тѣми, кои онъ зналъ и умѣлъ ужé называть ихъ. Отселѣ во всѣхъ языкахъ, а особливо въ Славенскомъ, видимъ мы, что слово раждалось отъ слова, и первое изъ нихъ пустило тысячи другихъ. Сіе производство ихъ одного изъ другаго не могло иначе дѣлаться, какъ постепенно: сперва *рука*, а потомъ *рукавица*, *рукопись*, и проч.; сперва *вода*, а потомъ *водка*, *неводъ*, и проч.; сперва *гора*, а потомъ *горожу*, *городъ*, и проч. Такимъ образомъ возрасталъ языкъ; но съ другой стороны онъ же не могъ всегда оставаться въ одноммъ и томъ же видѣ, по причинѣ: 1-е, разнаго произношенія одного и того же слова, всегда при переходѣ изъ устъ въ уста нѣсколько измѣняющагося; 2-е, по взиранію людей на одну и туже вещь съ разныхъ сторонъ, и потому называющихъ ее разными именами; 3-е, по смѣшиванію близкихъ между собою понятій и принятію ихъ одно за другое; и наконецъ 4-е, по извлеченію изъ кореннаго понятія различныхъ вѣтвей, получающихъ опредѣлительное значеніе свое чрезъ употребленіе и навыкъ. Все сіе видѣли мы въ объясненіяхъ нашихъ прежде, и послѣ увидимъ.

Соображая съ сими разсужденіями выше-

означенныя семейстаа словъ, единообразно повторяемыхъ столькими, почти по всему земному шару разсѣянными языками, не льзя усумниться, чтобъ сіи повторенія, какъ лучи отъ солнца, не текли отъ источника своего, первобытнаго языка, во всѣ страны и народы. Вникающимъ въ корни словъ великая разность языковъ не воспрепятствуетъ намъ находить между всѣми оными соединяющую ихъ единоплеменность. Подробнѣйшее разсмотрѣніе сего поведетъ насъ къ ближайшему познанію человѣческаго ума, составлявшаго тотъ языкъ, отъ котораго произошли всѣ другіе; оно при всей ихъ разности откроетъ въ нихъ много общаго, принесетъ всѣмъ имъ пользу, и принудитъ слѣпотствующій навыкъ молчать предъ здравымъ разумомъ.

4. МАТЬ.

Первое семейство.

КОРЕНЬ *АМ.*

1. По Инбацки . . . амъ.
2. — Лумпольски . . амъ.
3. — Котовски . . . ама.
4. — Басконски . . ама.
5. — Юкагирски . . ама.
6. — Ассански . . . ама.

7.	—	Малабарски . .	амме.
8.	—	Ассирійски . .	имма.
9.	—	Халдейски . . .	иму.
10.	—	Арабски . . .	умле.
11.	—	Еврейски . . .	эмъ.
12.	—	Жидовски . . .	емъ.
13.	—	Сирійски . . .	емъ
14.	—	Мальтійски . .	емъ.
15.	—	Чувашски . . .	амши.
16.	по Вог.	по рѣкѣ Тазѣ . .	амелъ.
17.		Вассюганскаго рода	евелъ, евемъ.
18.		около Нарыма . .	амъ, амба, анке.
19.	—	Эстляндски . .	эмма.
20.	—	Чухонски . . .	емя, енне.
21.	по Лезг.	рода Джаръ . . .	евелъ.
22.		рода Хунзагъ . . .	ебелъ.
23.		рода Анцугъ . . .	евелъ, ебелъ.
24.	—	Аварски . . .	евелятлъ.
25.	—	Мордовски . . .	авай.
26.	—	Мокшански . .	авацъ, тедяй.
27.	—	Черемисски . .	абяй.
28.	—	Осетски . . .	эмадъ, мадъ.
29.	по Семоядски	Томскаго округа .	евелъ.
30.		Нарымскаго округа	евебъ.
31.		по рѣкѣ Кетѣ . .	евемъ.
32.		Тимскаго рода . .	евебъ, амма.
33.		Мангазейск. округ.	евя.
34.	—	Тангински . .	емма, имамъ.
35.	—	Койбальски . .	имадь.
36.	—	Моторски . .	иммеда.
37.	—	Брацки . . .	еме, ебы.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Измѣненіе буквъ изъ *ам* въ *им*, *ом*, *эм*, *ев*, *еб*, какъ ни велико, а особливо послѣднихъ, однако жъ сходство именъ во многихъ языкахъ (какъ то: *амме*, *емя*, *имма*, и проч.), или разное произношеніе въ одномъ и томъ же (какъ то: *эмадъ* и *мадъ*, *еме* и *ебы*) показываютъ единство сего семейства. Имена *евебъ* сходствуютъ съ Нѣмецкимъ словомъ *weib* (женщина), и кажется оба происходятъ отъ *баба*. Слогъ *ев* въ словахъ *евебъ*, *евя*, и проч., являетъ, что имя Адамовой жены *ева* легко могло принадлежать къ сему семейству, означающему мать, равно (какъ мы ужѐ выше объяснили), что и слово *Адамъ* значило отецъ.

Второе семейство.

КОРЕНЬ МА.

1. По Славенски . . . мать, матерь.
2. — Славено-Венгерски мать.
3. — Сербски . . . . мати, майка.
4. — Вендски . . . . мати.
5. — Богемски . . . . мате, матка.
6. — Иллирійски . . . матерь, майка.
7. — Кашубски . . . матка.
8. — Польски . . . матка.
9. — Мало-Россійски . мать, неня.
10. — Латински . . . матерь. (mater).

11. По Еллински . . . митиръ.
12. — Ново-Гречески . митера (μητηρ).
13. — Тевтонски . . . муатеръ.
14. — Германски . . . мутщеръ. (mutter).
15. — Неаполитански . матре.
16. — Италіянски . . мадре. (madre).
17. — Испански . . . мадре. (madre).
18. — Ирландски . . . магеръ.
19. — Эрзо-Шотланд. . маферъ.
20. — Роман. и древ.-Фр. майре.
21. — Ново-Французск. . меръ. (mere).
22. — Валезански . . . маре.
23. — Готійски . . . модеръ.
24. — Англо-Саксон. . . модеръ, медеръ.
25. — Нижне-Герман. . модеръ, мооръ.
26. — Англински . . . модеръ. (mother).
27. — Цимбрски . . . мутеръ.
28. — Датски . . . . модеръ. (moder).
29. — Исландски . . . моодеръ.
30. — Голландски . . . мудеръ.
31. — Персидски . . . мадеръ.
32. — Дугорски . . . . маде.
33. — Бухарски . . . мадяръ.
34. — Армянски . . . майръ.
35. — Пеельски . . . мадé.
36. — Старо-Персидск. медіеге.
37. На островѣ Таннѣ . мадуа-ене.
38. — островахъ Друж. мадуа-фафенне.
39. — — — — Общест. мадуа-вагеине.

40. На островахъ Сандвича мадуа-вигейне.
41. — — Маркиз. мадуа.
42. По Тамульски . . . мата.
43. — Индост. въ Бенгал. пуцмата.
44. — Самшкрушански . мятя.
45. — Кельтски . . . ма.
46. Бретански . . . мамъ.
47. Португальски . май.
48. Латышски . . . мате.
49. Кривин.-Ливон. . мате.
50. Литовски . . . мотина.
51. Волотски . . . майка.
52. Албански . . . мамма, нанна.
53. Корельски . . . мамо, муамо.
54. Олонецки . . . мамо.
55. Зырянски . . . мамо.
56. Пермякски . . . мамъ.
57. Фризски . . . мемъ.
58. Вотяцки . . . мумы, нуной.
59. Авгански . . . муръ.
60. Армянски . . . майръ.
61. Коряцки . . . мемме.
62. Тангутски . . . ма.
63. Индѣйски въ Мул. ма.
64. Индаст. въ Декан. ма.
65. Малайски . . . ма.
66. Явански . . . ма.
67. Савуански . . . ма.
68. Китайски . . . му.

69. по Сіамски . . . . ме.
70. — Тонкински . . ме.
71. — Корнвальски . . мамъ.
72. — Вальски . . . . мамъ, мамуидъ.
73. — Суздальски . . масья.
74. — Сорабски . . . мачъ.
75. — Полабски . . . машъ.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Хотя и раздѣляемъ мы сіи семейства на разныя, но сіе токмо для подобранія словъ по ближайшему ихъ сходству; впрочемъ очевидно, что всѣ оныя суть одно и тоже семейство; ибо вся разность ихъ состоитъ въ перестановкѣ буквъ изъ *ам* въ *ма*, или изъ *ан* въ *на*, и проч., съ приставкою къ тому, или измѣненіемъ прочихъ буквъ.

Третіе семейство.

КОРНИ *АН*, *НА*.

1.		По Хивински	ана.
2.		— Турецки	ана́, нине́.
3.		около Казани	ана́, анай.
4.		рода Казаг. въ Кавк. .	ана.
5.	по Татарски.	Ногайскаго покол. . .	ана, нене.
6.		Чацкаго рода	анай, эняй.
7.		въ Тобл. окр.	ана, иняй.
8.		Башкир. плем. . . .	анна, иняй.
9.		Мещеряц. покол. . .	анакай.
10.		по Чюлимѣ	инеи.
11.		Около Кузнецка . . .	инбеи.

12.		на Баробѣ	иня.
13.		— Венгерски	анья.
14.		— Чухонски	енне, емя.
15.	Вогул. Ост.	по рѣкѣ Чюссов. . .	анкомъ.
16.	Вогул. Ост.	Около Березова . . .	анкъ, ангу.
17.	Вогул. Ост.	Около Березова . .	анга, аными.
18.	Вогул. Ост.	по рѣкѣ Юганѣ . . .	анке, есъ.
19.		— Телеутски	енья.
20.	Тунгуски.	въ Нерчин. обл. . . .	энни, они.
21.	Тунгуски.	въ Енис. округ. . .	анни.
22.	Тунгуски.	въ Мангаз. окр. . .	энни.
23.	Тунгуски.	Барбуз. округ.	ани.
24.	Тунгуски.	Верхне-Ан. окр. . .	они.
25.	Тунгуски.	Около Охоцка . .	енму.
26.		— Алт.-абассин. . . .	аншохъ.
27.		— Черкес-Кабарар. . .	яна, сяна.
28		— Кушгаз.-Абассин. .	янъ.
29.		— Ламутски	ання́.
30.		— Чапогирски	ани́.
31.		— Манжурски	энѣ.
32		— Магидански	ина.
33		— Ингушевски	нана.
34.		— Тушетски	нана..
35.		— Чеченгски	наана.
36.		— Кази-кумыцки . . .	нину
37.		— Тавгински	нѣнымма.
38.		— Акушински	нешъ.
39.	Семояд.	Юрацкаго берега .	не́ванъ.
40.	Семояд.	Пустозер. округа .	нѣбѣ.
41.	Семояд.	Обдорскаго округа	небе.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Хотя сіи послѣднія четыре названія и далеко отошли отъ прочихъ, однакожъ сближая ихъ: *ана*, *анай*, *эняй*, *иняй*, *инбей*, немудрено было изъ оныхъ превратиться имъ въ *нешѣ*, *неванѣ*, и *небе*.

Четвертое семейство.

КОРЕНЬ *ДА* или *ДЕ*.

1. По Карталински . . . деда.
2. — Имеретински . . . дида.
3. — Суанетски . . . . ди.
4. — Цыгански . . . . . дай, дей.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Сіе малое семейство кажется совсѣмъ отлично отъ другихъ; но не смотря на великую отдаленность его, оно къ нимъ же принадлежитъ; ибо при очевидномъ повтореніи одного и того же слова столькими языками, надлежитъ думать, что и сіи четыре заимствовали оное отъ того жъ начала. Въ самомъ дѣлѣ, во второмъ семействѣ находимъ мы имена: *матерь*, *мадре*, *мадерѣ*, *мадуа*, *мадее*, и проч., оттолѣ не безъ основанія заключать можемъ, что и сіе четвертое семейство есть не иное что, какъ отрывокъ отъ втораго, откинувшій слогъ *ма*, и оставшійся при

послѣднемъ ихъ слогѣ, измѣняя оный въ *ди*, *дай*, *дей*, и проч., чему также и при другихъ словахъ можемъ находить многіе примѣры.

Взглянемъ теперь на всѣ четыре слова (Богъ, небо, отецъ, мать), и сличимъ сходство, примѣчаемое въ ихъ семействахъ. Мы увидимъ, что нѣкоторые народы подъ тѣми же самыми именами разумѣютъ *Бога*, подъ какими другіе *небо* или *отца*, какъ то второе и первое семейство, также шестое и четвертое подъ словами *Богъ* и *небо*, или девятое и первое подъ словами *Богъ* и *отецъ*. Сіе показываетъ, что первообразное слово, при переходѣ отъ одного народа къ другому, не могло всегда оставаться въ одинакомъ видѣ, но измѣнялось и въ буквахъ и въ значеніяхъ; однакожъ измѣненіе сіе было такое, что слѣдъ онаго и поднесь видѣнъ изъ сохраняющихся въ семъ словѣ коренныхъ буквъ и смежности понятій въ означаемыхъ ими предметахъ; ибо хотя одни народы подъ тѣмъ же названіемъ разумѣютъ *Бога*, подъ какимъ другіе *небо*, третьи *отца*; но имена сіи часто сливаемъ мы въ одно понятіе: въ восклицаніи напримѣръ *о небо*! или въ молитвѣ *Отче нашъ иже на небеси*, подъ словами *небо* и *отче* разумѣемъ Бога. Разсматривая семейства

словъ подъ названіями *отецъ* и *мать*, видимъ во всѣхъ языкахъ одинакіе звуки, разнообразимые токмо перестановкою буквъ, или повтореніемъ тѣхъ же слоговъ, составляющихъ у разныхъ народовъ разныя имена, но всегда однако жъ означающія родство, такъ что иные подъ именами *аба*, *баба*, *ама*, *мама*, *дада*, *дѣдя*, и проч., разумѣютъ отца, а другіе мать, бабку, дѣда, дядю, и проч. подобныя разсматриванія и замѣчанія въ языкахъ нужны для точнѣйшаго познанія ихъ происхожденія, сходства и разности.

5. СЫНЪ.

1. По Славенски . . . . . сынъ.
2. — Славено-Венгерски . сынъ.
3. — Иллирійски . . . сынъ. (sin).
4. — Богемски . . . . . сынъ. (syn).
5. — Сербски . . . . . . сынъ.
6. — Вендски . . . . . . сынъ.
7. — Сорабски . . . . . сынъ.
8. — Польски . . . . . . сынъ.
9. — Малороссійски . . сынъ.
10. — Суздальски . . . . . сынъ.
11. — Тевтонски . . . . . сунъ.
12. — Готійски . . . . . сунусъ.
13. — Англо-Саксонски . . суна.
14. — Английски . . . . . сонъ. (son).

15. По Цимбрски . . . . . сонъ.
16. — Шведски . . . . . сонъ.
17. — Германски . . . . . зонъ. (sohn)
18. — Голландски . . . . . зоонъ. (soon)
19. — Литовски . . . . . сунусъ.
20. — Датски . . . . . . сэнъ.
21. — Нижне-Германски . зэнъ.
22. — Фригски . . . . . . энъ.
23. — Полабски . . . . . сэнка.
24. — Исландски . . . . . сонуръ
25. — Китайски . . . . . су.
26. — Пермякски . . . . . зонъ.
27. — Авгански . . . . . . суай.
28. — Басконски . . . . . семеа, ило.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Всѣ прочіе языки далеко отъ сихъ отходятъ; между тѣмъ однако жъ примѣчается нѣкоторое сходство съ подобными же въ другихъ языкахъ именами, какъ то: Кашубское *вутрокъ* съ нашимъ *отрокъ*, Малайское *анакъ* съ нашимъ *юнокъ* (юноша), Цыганское *чаво* съ нашимъ *чадо*, Халдейское *баръ* съ нашимъ *парень*, Мальтійское *бинъ* съ нашимъ *сынъ*, Мокшанское *сідрацъ* съ Французскимъ *soeur* (или нашимъ *сестра*), Мордовское *цюра* съ Польскимъ *цурка* (или нашимъ *дщерь*), Остяцкое *пахъ* или *пачъ* съ Французскимъ *page* (пажъ), Инбацкое

былъ, *пулъ* съ Нѣмецкимъ *bube*, Лумпокольское *фалла* съ Италіянскимъ *figlio*, или Францускимъ *fils* и такъ далѣе.

6. ДОЧЬ.

1.	По Славенски . .	дочь, дочерь, дщерь.
2.	— Славено-Венгер.	дочь.
3.	— Сербски . .	дочь.
4.	— Суздальски . .	дочь.
5.	— Мало-Россійс.	дочка.
6.	— Богемски . .	дчера, дчи.
7.	— Иллирійски .	кжерь (chier).
8.	— Сорабски . .	джовка.
9.	— Полабски . .	жаука.
10.	— Кашубски . .	сурка.
11.	— Польски . .	цурка.
12.	— Эллински . .	тигатеръ.
13.	— Ново-Греческ.	өигатеръ.
14.	— Готійски . .	даутаръ.
15.	— Англо-Саксон.	доторъ.
16.	— Английски .	датеръ.
17.	— Тевтонски .	дотеръ.
18.	— Нижне-Герман.	дохтеръ.
19.	— Германски . .	тохтеръ.
20.	— Цимбрски . .	тохтеръ.
21.	— Датски . .	доттеръ.
22.	— Исландски .	дооттеръ.
23.	— Шведски . .	доттеръ.
24.	— Голландски .	догтеръ.

*

25. По Фризски . . догтеръ.
26. — Литовски . . дукте.
27. — Кривинго-Ливон. тюта.
28. — Чюхонски . . тютере.
29. — Эстляндски . тюттеръ.
30. — Корельски . тютеръ.
31. — Олонецки . . тютеръ.
32. — Лопарски . . дактаръ, нейта.
33. — Мордовски . техтеръ.
34. — Мокшански . тяйтеръ.
35. — Черемисски . юдеръ.
36. — Персидски . духтаръ.
37. — Суанетски . зурагъ.

ПРИМѢЧАНIЕ.

Въ этомъ семействѣ словъ, хотя нѣкоторыя изъ нихъ и кажутся весьма отдаленными отъ другихъ, но сблизя тѣ изъ оныхъ, въ которыхъ буквы менше измѣнились, можно тотчасъ единство ихъ примѣтить. Напримѣръ Эллинское *тюгатерЪ* далеко отходитъ отъ Славенскаго *дочь*; но ежели сiе *тигатерЪ* сблизимъ съ Германскимъ *тохтерЪ*, или Тевтонскимъ *дотерЪ*, а сiи съ Славенскимъ *дочерь* или *дщерь*, то не много останется разности. Суанетское *зурагЪ* не похоже на *дочь* но когда снесемъ его съ Кашубскимъ *сурка*, или съ Польскимъ *цурка* (измѣнившимися изъ *дщерька*,

дочка), то всякое сомнѣніе о единствѣ происхожденія ихъ исчезаетъ. Можно и далѣе простерть сіи замѣчанія, а именно: Эллинское *тигатеръ* (сближающееся, какъ мы выше сего видѣли, съ Славенскимъ *дочерь*) въ Ново-Греческомъ измѣнилось въ *гіатера*: отселѣ, чрезъ измѣненіе согласныхъ буквъ, могли произойти Гишпанское *гія* (hija), Албанское *бія*, Воложское фіика; а отсюда Латинское *filia*, Италіянское *figlia*, Французское *fille*, и проч., составившія совсѣмъ особое семейство, едва примѣтнымъ образомъ соединяющееся съ первымъ. Вездѣ видимая связь и происхожденіе языковъ одного отъ другаго отнюдь не дѣлаютъ замѣчанія сего невѣроятнымъ. Въ Лопарскомъ языкѣ *дочь* называется двумя сословами: *дактаръ* и *нейта* (въ Семоядскихъ нарѣчіяхъ *ніета, нео, неню, не, нипъ*, и проч. Также и здѣсь находимъ мы подобныя же слова, означающія близкія къ тому родственныя имена, какъ то: Латинскія *nepos*, *neptis* (племянникъ, внучка), Италіянское *nipote*, Французскія *neveu, niece* (племянникъ, племянница).

7. БРАТЪ.

1. По Славенски . . брать.
2. — Славено-Венгер. . брать.

3. По Иллирійски . брать.
4. — Сербски . . брать.
5. — Вендски . . брать.
6. — Кашубски : . брать.
7. — Польски . . брать.
8. — Мало-Россійс. брать.
9. — Богемски . . братръ.
10. — Сорабски . . братръ.
11. — Ирландски . братэръ.
12. — Эрзо-Шотлан. браферъ.
13. — Вальски . . браадъ.
14. — Кельтски . . браотъ.
15. — Корнвальски . бредаръ.
16. — Полабски . . брудатцъ.
17. — Готійски . . бротаръ, бротръ.
18. — Англо-Саксон. бродеръ. (broder)
16. — Англински . бротеръ. (brother)
20. — Тевтонски . бруадеръ, бруотеръ.
21. — Нижне-Герман. бродеръ броорь.
22. — Германски . брудеръ. (bruder)
23. — Датски . . бродеръ. (broder)
24. — Шведски . . бродеръ. (broder)
25. — Фризски . . браудееръ.
26. — Исландски . бродуръ. (brodur)
27. — Цимбрски . продеръ, проадеръ.
28. — Голландски . бруръ. (broer)
29. — Персидски . брауаръ.
30. — Курдски . . буридеръ, бра.
31. — Пеелвски . . беруръ.

32. По Индѣйск. въ Мульт. берагъ.
33. — Латышски . . брались.
34. — Кривинго-Ливон . брались.
35. — Литовски . . . бролисъ.
36. — Латински . . . фратеръ. (frater).
37. — Неаполитански . фратре.
38. — Италіянски . . фрателло. (fratello).
39. — Роман. и древ.-Фр. фратре, фадринъ.
40. — Ново-Французски фреръ. (frere).
41. — Валезански . . фаруцъ.
42. — Бретански . . бреръ.
43. — Басконски . . . фрэдеа, фрэ.
44. — Бухарски . . . бюрядяръ.
45. — Цыгански . . . брале.
46. — Авгански . . . уруръ.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Въ единствѣ семейства сего нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Буквы *б*, *п*, *ф* (ph), легко могутъ быть произносимы одна вмѣсто другой: отселѣ слова: *братъ*, *братэръ*, *брудеръ*, *продеръ*, *фратеръ*, или переставляя буквы *бурядеръ*, *бюрядяръ*, или сокращая *бреръ*, *фреръ*, или измѣняя *уруръ*, *бралисъ*, *фрале*, ясно показываютъ въ себѣ одно и тоже слово. Имена прочихъ языковъ далеко отходятъ отъ сего семейства и весьма между собою различествуютъ. Суздальское *збранъ* по слогу *бра* сближается съ словомъ

братъ; Венгерское *батья* могло также чрезъ выпускъ буквы *р* сдѣлаться изъ *братья*; но Греческое *адельфосъ*, Еврейское и Арабское *ахъ*, Турецкое *кардашъ*, Вотяцкое *чужмортъ*, Мокшанское *алай*, Чювашское *пичей*, Корельское *велли*, и пр., имѣютъ разныя начала и неизвѣстно откуда происходятъ.

8. СЕСТРА.

Первое семейство.

1.	По Славенски .	сестра.
2.	— Славено-Венг.	сестра.
3.	— Иллирійски .	сестра.
4.	— Богемски . .	сестра.
5.	— Сербски . .	сестра.
6.	— Полабски .	сестра.
7.	— Мало-Россійс.	сестра.
8.	— Кашубски .	сіо̂стра.
9.	— Польски . .	сіо̂стра. (siostra).
10.	— Англински .	систеръ. (sister).
11.	— Англо-Саксон.	свустеръ. (swuster).
12.	— Готійски . .	свистаръ. (swistar).
13.	— Тевтонски .	суѳстеръ, суе.
14.	— Нижне-Герм.	сюстеръ. (süster).
15.	— Шведски . .	сюстеръ. (syster).
16.	— Германски .	швестеръ. (schwester).
17.	— Цимбрски .	сбестеръ.
18.	— Датски . .	сѣстеръ.

19. По Исландски . . . сыстеръ.
20. — Голландски . . . сюстеръ. (zuster).
21. — Фризски . . . . сэстеръ.
22. — Корельски . . . . сусере, сизяръ.
23. — Олонецки . . . . сизаръ.
24. — Мордовски . . . . сазбръ.
25. — Чюхонски . . . . сэзаръ, сіаръ.
26. — Эстляндски . . сессаръ.
27. — Вотяцки . . . . сузеръ, сурзы, ако.
28. — Черемиски . . шужаръ, изюдюръ, акай.
29. — Латински . . сороръ. (soror).
30. — Италіянски . . сорелла. (sorella).
31. — Неаполитански соре, со.
32. — Ром. и древ.-Фр. сероръ, сюэръ.
33. — Ново-Францус. сіоръ. (soeur).
34. — Волошски . . соръ.
35. — Пермякски . . сой.
36. — Зырянски . . сочъ.
37. — Литовски . . сесуо.
38. — Сорабски . . шотря, соча.
39. — Кельтски . . жоаэръ.
40. — Валезански . . шеразъ.
41. — Бретански . . гоаръ.
42. — Вальски . . . хуаръ.
43. — Корнвалски . . горъ.
44. — Курдски . . . хоръ.
45. — Авгански . . хуръ.
46. — Персидски . . хваръ, хогаръ.

47. По Дугорски . . . хорра.
48. — Сирійски . . . . хашъ.
49. — Ассирійски . . . . . ха́ша.
50. — Арабски . . . . ахшъ, ухшъ.
51. — Еврейски . . . . аходъ.
52. — Жидовски . . . ахошъ, ахосъ.
53. — Халдейски . . . . ахвусу.
54. — Осетски . . . . хо, еху.
55. — Алшекезекъ-Абас. ахше.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Разсмотримъ сіе семейство. Какъ ни далеко Славенское *сестра* отъ Осетскаго *хо*, однакожъ переходъ отъ одного произношенія къ другому показываетъ, что оба сіи слова сдѣлались разными не отъ разнаго изобрѣтенія оныхъ, но отъ повторенія многими устами тогожъ самаго первоначально даннаго имени. Разность сія произошла отъ различнаго произношенія буквъ *с*, *ш*, *ж*, *г*, *х*. Измѣненіе ихъ вездѣ примѣчается. Германецъ изъ нашего *сестра*, или по другимъ языкамъ *систеръ*, *сюстеръ*, и пр., сдѣлалъ *швестеръ* (*schwester*). Въ Романскомъ и другихъ языкахъ измѣнились сія названія въ *сюэръ*, *серорь*, *сороръ*, *соре*, *со*, и пр. Кельтянинъ вмѣсто *сюэръ* сталъ говоришь *жоаэръ*, Бретанецъ *гоаръ*, которое Курдскій обитатель сократилъ въ *хоръ*, а Осетскій въ *хо*. Цѣпь сія очевидна и вѣроятна; но мо-

жетъ еще и далѣе быть продолжена. Въ примѣчаніи на имена, означающія *брата*, сказали мы, что Еврейское и Арабское *ахъ*, не извѣстно откуда происходятъ; но здѣсь не можемъ оставить безъ замѣчанія: 1-е, что звуки (какъ ужѐ мы выше сего видѣли) *хорра*, *хоръ*, *хо*, *ехy*, *хата*, *хатъ*, не иное что суть, какъ измѣненіе буквы *с* (чрезъ *ш*, *ж*, *г*, въ *х*. 2-е, Осетинцы (также и Черемисы) тожъ самое подтверждаютъ, называя *сестрѣ* двумя словами *сузеръ* и *ако*, изъ которыхъ первое согласуется съ 40 верхними, а второе съ 15 нижними языками. 3-е, изъ *хата*, *хитъ* не мудрено было чрезъ перестановку буквъ сдѣлаться словамъ *ахтъ*, *ахотъ*, *ахте*, и пр. Слѣдственно цѣпь сихъ названій и здѣсь еще не прерывается. Сверхъ сего тѣжъ самые звуки, подъ которыми здѣсь разумѣется *сестра* въ иныхъ языкахъ означаютъ *брата* (какъ то: по Еврейски, Арабски и Мальтійски *ахъ*, по Халдейски *ахью* по Ассирійски *ахўна*, по Монгольски Брацки и Калмыцки *аха*, на иныхъ многихъ языкахъ *ахамъ*, *ага*, *аганъ*, *акки*, и пр.), въ другихъ *сына* (какъ то: по Турецки *агунъ*, по Татарски въ разныхъ нарѣчіяхъ *аулъ*, *улъ*, *аглы*, *аглу*, и пр.), въ третьихъ *дочь* (какъ то: по Вогульски въ разныхъ нарѣчіяхъ *аги*, *эггемъ*, *аа*, и пр.); по Чеченски и

Тушетски *іоге*; на островахъ Малликоло; общества, Сандвича, дружества: *томигене*, *магене*, *тагене*, и пр. Вогуляне около березова *сестру* называютъ *іегъ-аги*, т. е. отцова дочь. Сіе смѣшеніе родственныхъ именъ еще яснѣе усмотрятся изъ слѣдующихъ языковъ.

Второе семейство.

1. По Телеутски . . . . . сынинъ.
2. — Бухарски . . . . . сингни.
3. — Киргизски . . . . . сенелъ.
4. — Татар. Мещеряц. пок. сенелъ.
5. — —— около Казани . сынылъ.
6. — —— Башкирск. плем. сенгламъ.
7. — —— въ Тобол. окр. сынгламъ.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Сими именами, по видимому происходящими отъ Славенскаго слова *сынъ*, *) называютъ большую сестру; меншую же именуютъ вышеозначенными подъ словомъ *дочь* звуками: *эге*, *агиши*, *агасъ*, *акинъ*, *экинъ*, *акинтъ*, и пр.

---

*) Мы говоримъ *отъ Славенскаго*, по нынѣшнему его прозвищу; но безъ сомнѣнія тотъ языкъ, отъ котораго и Славяне и другіе народы заимствовали сіе слово, былъ перво-

Третіе семейство.

1.	По Имерешински	дачкимъ.	сестра.
2.	— Суанетски. .	дачуръ.	
3.	— Карталински	да.	
4.	— Акушински .	дуשци.	
5.	— Калмыцки .	едечи (больш. сестра).	

ПРИМѢЧАНІЕ.

Имена сія повидимому также происходятъ отъ Славенскаго слова *дочь*, *дочерь*, *дщерь*.

Четвертое семейство.

1.	По Кабашин.	пабамъ.	сестра.
2.	— Мокшанс.	папя.	
3.	— Лопарски	обба.	
4.	— Киргизски	апа.	
5.	— Магиданс.	пагалы-бабые	
6.	— Семоядъ. Нар. окр.	аба, нанья.	большая сестра.
7.	— Вогул. около Нар.	попо.	
8.	— Остяц. около бер. Оби.		
9.	— Семоядъ. Юрац. бер.	папа.	меншая сестра.
10.	— —— Обдорск. окр.	папау.	
11.	— Вогул. по рѣкѣ юг.	ай-опи.	

быпный, безъимянный, поелику понятіе о *сынѣ*, а слѣдственнно и названіе оному, долженствовало существовать въ первоначальнѣйшія, Адамовы времена, когда ни народъ, ни языкъ, будучи одинъ, не имѣлъ еще надобности называться разными именами.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Имена сіи приближаются къ нашимъ *баба*, *папа*, *батя*, тожъ означающимъ родство.

Пятое семейство.

1. По Семояд. въ Пустоз. окр. еняняу.
2. — —— въ Томскомъ округѣ няннья.
3. — —— по рѣкѣ Кетѣ . няньа.
4. — Семояд. Тимскаго рода нянья.
5. — Карассински . . . . ненння.
6. — Тавгински . . . . . нгафумама.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Изъ нашихъ подходящихъ къ сему словъ *мама*, *няня*, хотя послѣднее не точно означаетъ родственницу, однакожъ женщину заступающую нѣкоторымъ образомъ мѣсто матери. Сверхъ сихъ встрѣчаются означающія *сестру* слѣдующія имена: По Татарски Мещеряцкаго поколѣнія, большая сестра *тятяй* (меншая же, какъ мы ужѐ видѣли, *сенелъ*), по Китайски *дзѣдзѣ* (однозвучныя съ нашими *тятя*, *сынъ*, *дядя*). По Албански *мотре* (схожее съ нашимъ *матерь*). По Сингальски *сагудари*, по Малайски *соудара-парамлуанъ* (сходныя съ нашими *государыня*, *сударыня*). Возможно ли, что бъ всѣ сіи сходства, какъ въ звукахъ сихъ именъ,

такъ и въ согласномъ разумѣніи подъ оными родства, были не переходъ словъ отъ одного языка къ другому, но только случайныя стеченія?

9. МУЖЪ.

Первое семейство.

1.	По Славенски . .	мужъ.
2.	— Славено-Венгер.	мужъ.
3.	— Сербски . . .	мужъ.
4.	— Сорабски . .	мужъ, манжелски.
5.	— Полабски . .	мужъ.
6.	— Суздальски . .	мужъ.
7.	— Вендски . . .	можа.
8.	— Польски . . .	монжъ, малженокъ.
9.	— Богемски . . .	мужъ (muz).
10.	— Иллирійски . .	муусъ (muus).
11.	— Корельски . .	міяжъ.
12.	— Чюхонски . .	міэсъ, мизъ.
13.	— Эстляндски .	меесъ.
14.	— Олонецки . .	месъ.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Въ единствѣ семейства сего нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія: буква *ж* чрезъ *ш* легко могла измѣниться въ *с*, и произвесть имена: *мужъ*, *мушъ*, *мусъ*, и проч.

Второе семейство.

1.	По Нижне-Герман. . . .	маннъ.
2.	— Германски	маннъ.
3.	— Шведски	маннъ.
4.	— Цимбрски	маннъ.
5.	— Датски	мандъ.
6.	— Исландски	манне.
7.	— Голландски	манъ.
8.	— Фризски	мэнъ.
9.	— Духорски	моине.
10.	— Тевтонски	гомманъ.
11.	— Готійски	гума.
12.	— Англо-Саксонски . . .	гума.
13.	— Вогульски около берез.	гумъ.
14.	— —— въ Верхотур. окр.	хумъ.
15.	— —— по рѣкѣ Чюссов.	комъ.
16.	— Валлезански	амусъ.
17.	— Осетски	емой, мой.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Хотя и раздѣляемъ мы языки сіи, равно какъ и ниже сего слѣдующіе, на разныя семейства, однако жъ находимъ между ими примѣтную связь: 1-е, потому что всѣ слова оныхъ, кромѣ очевидности сходства ихъ, начинаются съ той же первоначальной буквы *м* (обстоятельство, которое скорѣе могло произойти отъ повторенія съ различными произношеніями того жъ

самаго слова, нежели отъ простой случайности); да, мы уже при первомъ семействѣ замѣтили, что даже и въ Славенскихъ нарѣчіяхъ слово *мужъ* легко могло измѣниться въ *мушъ* и *мусъ*; а здѣсь видимъ, что Польское *мужъ*, произносимое *монжъ*, сближается съ Германскими *маннъ*, *манъ* и что Валлезанское *омусъ* и Тевтонское *гомманъ* (коренными частями своими *мусъ* и *манъ* то жъ самое означающія), показываютъ, что оба слова сіи суть не иное что, какъ одно изъ другаго измѣнившееся. 3-е, *мужъ* и *человѣкъ* во многихъ языкахъ пріемлются одно за другое. Мы, напримѣръ, говоримъ *знаменитый мужъ* вмѣсто *знаменитый человѣкъ*. Малороссіяне вмѣсто *мужъ*, говорятъ *человикъ*. Корельское слово *міяжъ* и Олонецкое *месъ* означаютъ какъ *мужа*, такъ и *человѣка*. Отселѣ Валлезанскому *омусъ*, или Тевтонскому *гомманъ*, означаюшимъ *мужа*, соотвѣтствуютъ во многихъ другихъ языкахъ слова́, означающія *человѣка*. (см. еще дальнѣйшіе тому доводы подъ словомъ *человѣкъ*).

—

Третіе семейство.

1. По Латински . . маритусъ, виръ.
2. — Италіянски . . марито.
3. — Неаполитански . марито.

4. По Испански . . маридо.
5. — Португальски . маридо.
6. — Роман. и древ.-Фр. маиришъ.
7. — Ново-Францус. . мари.
8. — Черемисски . . мара.
9. — Мордовски . . мирдя.
10. — Персидски . . мертъ, аръ.
11. — Курдски . . . мертъ, жинаминъ.
12. — Арабски . . . марати.
13. — Армянски . . . мартъ, аиръ.
14. — Карталински . кмари.
15. — Чечейгски . . маарь.
16. — Ингушевски . . маарь.
17. — Тушетски . . маарь.
18. — Акушински . . мургулъ.
19. — Индейс. въ Мульш. маршъ.
20. — Бухарски . . мярдъ, аръ.
21. — Турецки . . . эръ.
22. — Тат. около Каз. иръ.
23. — —— Мещер. пок. ире.
24. — —— Башкир. пл. иръ.
25. — —— Ногайс. пок. иръ.
26. — —— въ Тобол. ок. иръ.
27. — —— Чацкаго р. еръ.
28. — —— по Чюлимѣ еръ.
29. — —— по Енисеѣ ери.
30. — —— р. Каз. въ Кав. іеринъ.
31. — —— На Барабѣ іеремъ.
32. — Камгатски . . аринъ.

33.	По Телеутски	ери.
34.	— Хивински . . .	иръ.
35.	— Киргизски	еръ.
36.	— Трухменски . . .	еръ.
37.	— Якутски	еръ.
38.	— Монгольски . . .	ере.
39.	— Калмыцки	ере́.
40.	На островѣ Таннѣ .	ерроманъ.
41.	По Литовски . . .	вирасъ.
42.	— Латышски . . .	виросъ.
43.	— Кривинго-Ливон. .	вирсъ.
44.	— Венгерски . . .	фирфи, фирче.
45.	— Ирландски . . .	фаръ.
46.	— Зырянски	вересъ.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Въ семействѣ семъ видно, что слова: *мара́*, *мари́*, *мартъ*, *мертъ*, и проч., откинувъ первоначальную букву *м*, сократились въ *аръ*, *иръ*, *еръ*, *ери*, и проч. Сіи сокращенія даже въ одномъ и томъ же языкѣ примѣчаются, какъ то: въ Персидскомъ *мертъ* и *аръ*, въ Армянскомъ *мартъ* и *аиръ*, въ Бухарскомъ *мярдъ* и *аръ*. Сюда же безсомнѣнія должно причислить и Латинское *виръ*, съ словами другихъ языковъ *вирасъ*, *вересъ*, *фирче*, *фаръ*, и проч.; ибо какъ *маръ*, или *фаръ*, и *аръ*, такъ и *виръ* и *иръ*, суть видимыя сокращенія. Теперь слѣдуетъ во-

просъ: сіе третіе семейство одно ли есть съ двумя первыми, или особое отъ нихъ? кажется одно и тоже, первое потому, что продолжаетъ начинаться съ той же первоначальной буквы *м*, и второе, что поелику слово *мужъ* въ иныхъ языкахъ означаетъ вмѣстѣ какъ просто человѣка, такъ и человѣка женатаго, а въ другихъ оба сіи значенія въ одномъ и томъ же словѣ не совмѣстны, то и надлежало ихъ различить окончаніями *анъ* и *аръ*. Мы яснѣе увидимъ сіе подъ словомъ *человѣкъ*. Здѣсь замѣтимъ еще Курдское *жинаминъ*, которое кажется составлено изъ Славенскаго *жена* и Германскаго *манъ* (измѣнившагося изъ *мужъ*), такъ какъ бы по нашему сказать *женомужъ*, то есть женатой человѣкъ. Мы входимъ въ подробности сихъ замѣчаній для того наиболѣе, чтобъ изъ многаго числа ихъ лучше увидѣть и удостовѣриться въ связи и ходѣ всѣхъ языковъ.

10. ЧЕЛОВѢКЪ.

Первое семейство.

1. По Славенски . . . . . человѣкъ.
2. — Славено-Венгер. . . чловѣкъ.
3. — Сербски . . . . . . человѣкъ.
4. — Малороссійски . . человѣкъ.

5. По Суздальски . . человѣкъ.
6. — Богемски . . . чловѣкъ.
7. — Сорабски . . . чловѣкъ.
8. — Польски . . . чловѣкъ.
9. — Вендски . . . чловикъ.
10. — Кашубски . . чловикъ.
11. — Иллирійски . . ціовѣкъ.
12. — Полабски . . . чаріолъ.
13. — Латышски . . цилвексъ.
14. — Кривинго-Ливон. цилексъ.
15. — Литовски . . цмогусъ.
16. — Кубачински . . че.
17. — Аварски . . . чи, адамъ, генатъ.
18. — Кази-кумыцки . чу.
19. — Акушински . . чу.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Сіе первое семейство есть совсѣмъ особое отъ ниже слѣдующихъ, основанное на разномъ съ ними понятіи. Оно происходитъ отъ имени *слово*, поелику въ человѣкѣ отличительное отъ прочихъ тварей свойство есть даръ слова. Отселѣ названіе *словекъ* (т. е. словесникъ, словесная тварь) измѣнилось въ *цловекъ*, *чловѣкъ* и *человѣкъ*. Односложныя слова *че*, *чи*, *чу*, вѣроятно суть отрывки отъ онаго. Аварское *генатъ* легко могло сдѣлаться изъ Славенскаго *женатъ*, разумѣя подъ симъ *чело-*

вѣка, равно какъ и мы подъ словомъ *мужъ*, забывая иногда *женатаго*, разумѣемъ только *человѣка*. Литовское *цмогусъ* по начальной буквѣ своей *ц* принадлежитъ къ сему семейству, но по слѣдующему непосредственно за оною слогу *мог* къ семейству подъ словомъ *мужъ*.

Второе семейство.

1. По Латински . . . гомо. (homo)
2. — Италіянски . . омо. (uomo)
3. — Неаполитански . оммо.
4. — Португальски . . омень.
5. — Испански . . . омбре. (hombre).
6. — Роман. и древ. Фр. юме.
7. — Ново-Францус. . оммъ (homme).
8. — Валлезански . . оммоуцъ.
9. — Воложски . . . омъ.
10. — Лопарски . . . улмутсъ.

Третіе семейство.

1. По Цимбрски . . маннъ.
2. — Готійски . . . манна.
3. — Англински . . мянъ. (man)
4. — Мордовски . . ломанъ.
5. — Мокшански . . ломанъ.
6. — Ново-Гвинейски сононманъ.
7. На островѣ Таннѣ ерромаанъ.
8. По Корельски . . міяжъ, инегмине.

9. По Чухонски . . . ингеминъ.
10. — Эстляндски . . иннимесе.
11. — Олонецки . . месъ.
12. — Датски . . . мандъ, менеске.
13. — Исландски . . мадуръ, манессків.
14. — Англо-Саксон. . менискъ.
15. — Малайски . . . манузьа.
16. — Тевтонски . . мениско, менишъ.
17. — Варужски . . манушъ.
18. — Цигански . . манушъ, ромъ.
19. — Тамульски . . манушенъ.
20. — Старо-Персид. мешіо, мереше.
21. — Шведски . . . менниша.
22. — Голландски . . мантъ. (man)
23. — Фризски . . . меншь.
24. — Нижне-Герман. минтъ.
25. — Сингальски . . минига.
26. — Малабарски . . маниценъ.

Четвертое семейство.

1. По Персидски . мардъ, адемъ.
2. — Пермякски . . мартъ, мортъ.
3. — Зырянски . . мортъ.
4. — Армянски . . мартъ, мардъ.
5. — Пеелвски . . мардъ.
6. — Суанетски . . маре.
7. — Индост. въ Бен. муурдъ.
8. — — въ Деканѣ мурдъ, манушъ.
9. — Курдски . . . муруфъ, адемъ.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Выше сего замѣтили мы, что *мужъ* и *человѣкъ* во многихъ языкахъ пріемлются одно за другое, и что слоги или корни *муж*, *ман*, *мар*, при всѣхъ измѣненіяхъ своихъ во всѣхъ языкахъ изъявляютъ одинакое понятіе, то есть означаютъ почтеннаго лѣтами или женатаго человѣка (какъ то въ Славенскомъ *мужъ*, въ Нѣмецкомъ *mann*, и проч.), или только женатаго (какъ то во Французскомъ *mari*, въ Италіянскомъ *marito*, и проч.), или просто человѣка (какъ то въ семъ четвертомъ семействѣ). Сіе согласіе между столь многими языками показываетъ, что слоги *муж*, *ман*, *мар*, суть не особые и различные корни, но одинъ и тотъ же. Мы уже отчасти видѣли единство ихъ, но разсмотримъ здѣсь еще болѣе, который изъ нихъ есть первоначальный, изъ коего другіе измѣнились. Кажется два послѣдніе *манъ* и *маръ* происходятъ отъ Славенскаго *мужъ* по ниже слѣдующимъ причинамъ: 1-е, послѣдственность измѣненія отъ него виднѣе. Снесемъ первое семейство (подъ словомъ *мужъ*) съ третьимъ (подъ словомъ *человѣкъ*), мы найдемъ въ словахъ сихъ двухъ семействъ весьма близкое сходство, какъ въ звукахъ, такъ въ значеніяхъ, а именно: изъ *мужъ* (произнося *мушъ*)

выходятъ имена: *мешіо*, *меншъ*, *маниша*, *матъ*, и проч. 2-е, снесемъ тожъ первое семейство (подъ словомъ *мужъ*) со вторымъ (подъ словомъ *человѣкъ*), мы найдемъ, что тожъ самое слово *мужъ*, измѣняясь постепенно въ *муусъ*, *оммоуцъ*, *меншъ*, *манъ*, произвело имена: *гомо*, *оммъ*, *гоманъ*, *ломанъ*, и проч. (буква *г*, или иностранная *h*, не во всякомъ языкѣ выговаривается. Французъ произноситъ *omme*, а пишетъ *homme*, съ членомъ же *l'homme*, откуда въ другихъ языкахъ стали говорить *ломанъ*), 3-е, очевидно, что Латинское *homo*, Французское *homme*, и проч., хотя чрезъ сокращеніе свое и потеряли коренной слогъ *муж* (измѣнившійся потóмъ какъ мы ужé видѣли, въ *муз* и *ман*), удержавъ изъ онаго, по откинутіи буквы с, только букву *m*, или *mo*, *me*, и сдѣлавшись изъ словъ *муусъ*, *оммоуцъ*, *омусъ*, словами *homo*, *homme*; однако же въ другихъ нарѣчіяхъ, и даже въ нихъ самихъ, оба сіи измѣненія (*мус*, *ман*) опять примѣчаются, какъ то: въ Португальскомъ *омень*; въ производныхъ отъ *homo* Латинскихъ, Французскихъ, и проч., именахъ *humanitas*, *humanité*, etc. (человѣчество). Здѣсь опять видѣнъ коренной слогъ *man*, а въ слѣдующихъ Латинскихъ: *mas* (мужъ), *masculinitas* (мужеское поколѣніе); Италіян-

скихъ: *maschio* (муской), maskolino, etc. (мужескій); Французскихъ: *masculin*, *male*, etc. (тожъ мужесскій), видѣнъ слогъ *мус*. 4-е, о измѣненіи слоговъ *муж*, *ман* въ *мар*, мы выше сего упоминали, но замѣтимъ и здѣсь, что Латинское *mas* (мужъ) въ родительномъ падежѣ дѣлается *maris*, откол ѣ вѣроятно произошли слова ихъ *maritus*, *marito*, *mari* и проч., означающія тожъ *мужа*. Наконецъ 5-е: имена, какими въ Иностранныхъ языкахъ называютъ *мужа* и *человѣка*, коренными слогами своими *man*, *mar*, не показываютъ, какою заключающеюся въ нихъ мыслію подали они поводъ къ составленію сихъ именъ. Изъ сего непремѣнно слѣдуетъ, что сіи коренные слоги ихъ не суть ихъ собственные, но вошедшіе къ нимъ изъ другаго языка, измѣнившіеся, и чрезъ то затьмившіе коренное свое значеніе. Напротивъ того Славенскій корень *муж*, въ словѣ *мужъ* совмѣщаетъ въ себѣ оное; ибо происходитъ, имѣетъ начало свое, отъ глагола *могу*, *мочь*, пустившаго отъ себя вѣтви *мощь*, *могущество*, и проч. Названіе *мужъ*, происходя отъ сей мысли, свойственно человѣку мужескаго пола, поелику оный отличается отъ женскаго тѣлесною *мощію* (т. е. крѣпостію, силою), и при сложеніи тѣла своего, одаренный словомъ и ра-

зумомъ, господствуетъ надъ всѣми животными. Слово *мускулы* (по нашему мышцы) вошло въ языкъ нашъ съ Латинскаго *musculus*, или Французскаго *muscles*; но оно, вѣроятно, тожъ происходитъ отъ слова *мужъ*, поелику означаетъ тѣ составы въ нашемъ тѣлѣ, посредствомъ напряженія которыхъ раждается въ насъ *мощь*, сила. Ломоносовъ, олицѣвляя подземный огонь, сказалъ о немъ:

Напрягся мышцами и рамена подвигнулъ,
И тяготу земли превыше облакъ вскинулъ.

Пятое семейство.

1. По Халдейски . . . . . . енашъ.
2. — Сирійски . . . . еношо.
3. — Ассирійски . . . . . . наша.
4. — Семояд. Обдорск. окр. еннече.
5. — — Мангазейск. окр. . енмече.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Съ семействомъ симъ сближается Славенское слово *юноша*.

На многихъ языкахъ *человѣкъ* называется *боіе*, *бáіе*, *боя*, *бей*, и проч., а на другихъ подобными же именами называютъ мальчика или юношу, какъ то: по Еврейски *бобъ*, по Нѣмецки *bube*, по Шведски *babe* по Англински *baby* или *boy*, по Италіянски *bambino*, и проч.

Также на многихъ языкахъ *человѣкъ* называется *адамъ*, *адемъ*, *адямъ*, *удомъ*, и проч. Мы въ другомъ мѣстѣ истолковали уже значеніе сего сложнаго слова. См. примѣчаніе подъ словомъ *отецъ*.

НѢЧТО О СЛОВОПРОИЗВОДСТВѢ.

Словопроизводство (то есть открытіе въ словахъ того первоначальнаго понятія отъ котораго онѣ произведены, и которое слѣдственно съ большею или меньшею ясностію въ себѣ заключаютъ) есть наука, столь же для основательнаго познанія языка необходимая, какъ въ Геометріи доказательство. Когда скажутъ мнѣ, что въ прямочертномъ треугольникѣ три угла равны двумъ правымъ, то знаніе мое основано будетъ только на довѣренности къ тому, кто мнѣ это сказалъ; но когда тожъ самое докажутъ мнѣ, тогда постигну я сіе собственнымъ моимъ умомъ, и никто уже́ меня въ томъ не разувѣритъ. Такъ точно и въ языкѣ: доколѣ въ словѣ не вижу я понятія, отъ котораго оно происходитъ, до тѣхъ поръ оно для меня чуждо, пустозвучно. Я не знаю, почему означаетъ оно эту, а не другую вещь или мысль. Такъ мнѣ сказали, и я этому вѣрю. Вотъ все мое знаніе. Но когда я самъ увижу, какое понятіе съ какимъ смежно, а потому какъ и соотвѣтствующія имъ названія однѣ отъ другихъ рождались, тогда откроется мнѣ и мысль человѣческая, составлявшая языкъ, и самъ языкъ во всей своей силѣ. Я узнаю, гдѣ навыкъ исказилъ его по невѣжеству, и гдѣ здравый разумъ измѣнялъ нѣсколько слова́ его, дабы, смягчая въ нихъ грубое иногда стеченіе буквъ, сдѣлать ихъ благо-

гласнѣйшими. Тогда, хотя и не возможно всего введеннаго невѣжественнымъ навыкомъ исправить (ибо сила его велика, и часто самъ разумъ долженъ ему уступать), однако жъ по крайней мѣрѣ я узнаю слѣды сего искаженія, безъ того отъ меня закрытые. На семъ основаніи излагается здѣсь малый опытъ сего словопроизводства. Можетъ быть иныя сужденія мои найдутся погрѣшительными, но многія другія ясностію и очевидностію своею сами за себя говорятъ. Я на пустыя возраженія не смотрю, но впрочемъ радъ признаться въ моихъ ошибкахъ когда оныя доказаны будутъ; ибо я для пользы языка, а не для тщеславія пишу.

СЛОВОПРОИЗВОДСТВО.

БИЛО: (Въ уменшительномъ *бильцо*, по стариннымъ лѣчебникамъ значитъ *пульсъ*, и происходитъ отъ глагола *бить* или *биться*, потому что онъ *бьется*, ударяетъ въ приложенную къ нему руку. *Пульсъ* взято съ Латинскаго отъ *pulso*, толкаю, стучу; но *толкаю* и *бью* суть смежныя понятія. И такъ вольнѣ намъ свое бросать, а чужое, ничемъ не лучшее, принимать, и чрезъ то уменшать богатство своего языка.

БЛЕКНУТЬ: БЛЕСКЪ: БЛѢДНѢТЬ: БЛЯГИРЬ: БЛЯХА: Всѣ сіи слова происходятъ отъ прилагательнаго *бѣлый*, поелику всѣ выражаютъ общее понятіе о *бѣлизнѣ*. Каждое изъ нихъ произошло чрезъ сокращеніе: *бляха* изъ *бѣляха*, *блѣднѣть* изъ *бѣледнѣть* (т. е. становиться бѣлымъ), *блекнуть* изъ *бѣлекнуть* (тожъ становиться бѣлымъ), *блескъ* изъ *бѣлескъ* (т. е. нѣчто бѣлое), *блягиръ* изъ *бѣлягирь*; (ибо сіе последнее слово означаетъ блѣдножелтую краску изъ перезженныхъ бѣлилъ). Сюда же принадлежатъ Французскія слова: *blanc*, *blanquette*, *blanchir*, *belle*, etc.; Латинскія: *bellus*, *blancus*, etc.; Англинскія; *blanc*, *bleaching*,

имъ всякую плавающую на нихъ вещь несутъ, *ведутъ*, влекутъ.

ВОЛКЪ: (Звѣрь). Нѣкоторые производятъ имя сіе отъ глагола *волоку*, потому что волки часто таскаютъ, *увлекаютъ* изъ стада овецъ. Но мнѣ кажется ближе происходитъ оно отъ имени *вой*, поелику о голосѣ сихъ звѣрей всегда говорится: *волкъ воетъ*. И такъ изъ причастія *воющій* легко могло сдѣлаться имя *воикъ* (по Сербски *вукъ*), и потомъ, измѣняя букву *и* въ *л*, стали говорить *волкъ*.

ВОЛОСЪ: Измѣнившееся изъ *вылазъ*, отъ глагола *вылезаю* (т. е. выхожу, выростаю), равно какъ и *борода* отъ подобнаго же глагола *бреду*; ибо *лезу* и *бреду*, оба означаютъ шествіе, движеніе. Подъ словами *волосы лезутъ* разумѣется, что они совсѣмъ выходятъ вонъ изъ головы.

ВОНЗИТЬ: См. Нога.

ВОРОБЕЙ: Сокращенно *врабій*. Происходитъ отъ *вόробъ*, т. е. хищеніе, хищникъ. *Пустить* войски *на воробъ* (Несторъ. лѣтопис.), т. е. на грабежъ, на разореніе непріятеля.

ВЫСПРЕННОСТЬ: Сокращенно *выспрь*. Составлено изъ словъ: *высота* и *паре́ніе*.

ВѢНЕЦЪ: Иначе *вѣнокъ*. Безсомнѣнія изъ *віенецъ*, отъ глагола *вію*, *вить* (буква *ѣ* сокращена изъ буквъ *іе*).

ГАДАТЬ: Происходитъ отъ слова *годъ*, означающаго понятіе, 1-е, вообще о времени: *и все множество людей бѣ молитву дѣя внѣ, въ годъ ѳуміама* (Лука 1, 10), т. е. во время жертвоприношенія. 2-е, приспѣвшее или наставшее время, иначе называемое словомъ *пора́*, какъ то: пора ѣхать, пора спать, и проч. *жена егда рождаетъ, скорбь имать, яко пріиде годъ ея* (Іос. XVI, 21), т. е. пришла пора, настало время родинъ. 3-е, извѣстное, опредѣляемое солнечнымъ движеніемъ время: *одинъ годъ, два года*, и проч. Отселѣ вѣтви: *погодить, перегодить* (т. е. дать пройти нѣкоторому времени), *пригодится* (т. е. придетъ годъ, пора, время, въ которое то, что теперь кажется намъ не надобно, будетъ надобно). — Отселѣ же *гада́ть* (измѣнившееся изъ *года́ть*), т. е. вопрошать о будущемъ, не извѣстномъ времени. Также и другія вѣтви: *угадать, выгодать, выгода, погода, годно, негодно, угодить*, и проч.

ГВОЗДИЧКА: См. гвоздь.

ГВОЗДЬ: Имя измѣнившееся изъ имени *хвость* (т. е. хвостъ), поелику сіе желѣзное орудьице состоитъ изъ двухъ частей, а именно: изъ такъ называемой *шляпки* и *хвостика*, изъ которыхъ послѣдняя нижняя часть принята за цѣлое, и отъ слова *хвость* или *хвостикъ* сдѣлалось имя

гвоздь или *гвоздикъ*. Напротивъ того *грибъ*, образомъ своимъ точно сходствующій съ *гвоздемъ*, получилъ названіе свое не отъ нижней, но отъ верхней части; ибо онъ состоитъ изъ подобнаго же хвостика, называемаго корешкомъ, и шляпки, по которой названъ *грибъ*, отъ слова *горбъ*, поелику шляпка сія обыкновенно бываетъ *горбатая*. Отселѣ нѣкоторой цвѣтокъ, по подобію съ *гвоздемъ*, называемъ мы *гвоздичка*, тогда какъ Богемцы или Чехи тотъ же самый цвѣтокъ, по подобію съ *грибомъ*, называютъ *гребичекъ* (т. е. грибочикъ).

ГИНУТЬ: Сгинуть, сгинулъ, и проч. Слово въ просторѣчіи употребляемое, вмѣсто исчезнуть, пропа́сть. Глаголъ сей очевидно сокращенъ изъ глагола *гибнуть*, почти тожъ значеніе имѣющаго.

ГЛУБИНА: Тожъ сокращенное изъ *голубина*, поелику вода на *глубокихъ* мѣстахъ имѣетъ цвѣтъ *голубой* или синій и потому всегда говорится *синее море*; цвѣты синій и голубой близки между собою.

ГНѢЗДО́: Вѣроятно есть сложное имя изъ глаголовъ *гнѣту* и *зижду*; ибо оное дѣйствительно есть такое *зданіе*, которое птица, какъ во время дѣланія онаго, такъ и во время сидѣнія на немъ, сперва утаптывая *созидаетъ*, и потомъ сидя нѣкоторымъ образомъ *гнѣтетъ* его. Слово сіе и

на другихъ языкахъ примѣтнымъ образомъ есть тоже самое съ нѣкоторыми измѣненіями, какъ то:

По Нѣмецки . . . . . . nest.
По Нижне-Саксонски . . nest.
По Англински . . . . . nest.
По Шведски . . . . . . naesta.
По Бретански . . . . . nezza.
По Вальски . . . . . nitu.
По Латински . . . . . nidus.
По Италіянски . . . . . nido;

но другіе языки не показываютъ кореннаго значенія сего слова, между тѣмъ какъ Славенскій показываетъ оное.

ГОЛУБИ́КА: (Ягода). Тожъ по *голубому* цвѣту своему.

ГОЛУБЬ: (Птица): Тожъ дикіе голуби, иначе называемые *вяхери*, всегда бываютъ *голубаго* цвѣта; прочіе получили по нимъ свое названіе.

ГО́ЛОДЪ: Сокращенно *гладъ*. Отъ нарѣчія *голо*, т. е. тоще, пусто. Подъ словами *голя́ки*, *голы́дьба*, разумѣютъ бѣдныхъ, ничего не имѣющихъ людей. Отселѣ и *голодъ* означаетъ не имѣніе пищи. Вѣроятно частица *одъ* измѣнилась изъ слова *ядь* (яства, пища), такъ что изъ *голоядь* сдѣлалось *голодъ*.

ГОРО́ХЪ: (Овощь). На Малороссійскомъ нарѣчіи *грохъ*, потому что сухой *грохочетъ*,

что есть катаясь или сыплясь дѣлаетъ шумъ, называемой *грохотомъ*.

ГРАНИЦА: Въ нѣкоторыхъ старинныхъ книгахъ писалось *храница* отъ глагола *хранить*, поелику въ ней (или говоря во множественномъ числѣ), въ нихъ соумѣщается, или ими опредѣляется, и слѣдовательно *хранится* какая либо отдѣляемая отъ другихъ земля или область. Богемцы пишутъ hraniza. Нѣмецкое gränze сюда же принадлежитъ.

ГРАЧЬ: Имя данное сей птицѣ звукоподражательно ея крику, въ которомъ слышится произношеніе *гра*, а потому и говорится: *грачь граетъ*, т. е. кричитъ *гра*.

ГРИБЪ: См. Гвоздь.

ГУЛЪ: Буква *у* вмѣшена здѣсь звукоподражательно въ слово *гласъ*, или лучше сказать въ корень онаго *гл*.

ГУЛЬ: Сокращенное изъ *голубь*; ибо симъ звукомъ скликаютъ голубей, повторяя оный *гуль-гуль-гуль*.

ГУСЬ: Имя, данное сей птицѣ звукоподражательно голосу ея, въ которомъ слышатся звуки *го-го-го*, почему и говорится *гусь гогочетъ*.

ДЁРГАТЬ и ДРЕГÁТЬ: Въ словахъ сихъ примѣчается какъ единство буквъ, такъ и смежность понятій, поелику *дреганіе* ногою есть не иное что, какъ *дерганіе*.

ДИТЯ́: и ТИ́ТЯ: Въ сихъ двухъ словахъ примѣтны какъ близость звуковъ, такъ и смежность понятій; ибо *дитя́* (младенецъ) питается всегда *титею* (грудью) матери своей.

ДОЛГЪ: Такъ слово сіе у насъ пишется и выговаривается, но въ другихъ Славенскихъ нарѣчіяхъ пишется оно съ нѣкоторыми измѣненіями корня, какъ то по Иллирійски и Кроатски *dug*, по Чехски и Польски (съ принятіемъ, какъ и у насъ, буквы *л*) *dlug*, и проч. и такъ предстоитъ сомнѣніе, который корень есть не поврежденный, *дуг*, или *длуг*, или *долг*? Мнѣ кажется первый по слѣдующимъ причинамъ: мы имѣемъ слово *недугъ*, означающее *немощь*. Отрицательная частица у сихъ обѣихъ словъ не перемѣняетъ ихъ значенія, а потому, отъемля оную отъ каждаго изъ нихъ, не употребительное *дугъ* долженствуетъ то же значить, что употребительное *мощь* (иначе сила, крѣпость). Прилагательное *дюжій* (то есть мощный, сильный, крѣпкій) подтверждаетъ оное. Когда же корень *дуг* означаетъ *силу*, то ужé по смежности понятій могъ онъ перейти и къ означенію *бремени* или *тягости*; ибо *бремя* есть не иное что, какъ гнѣтущая насъ *сила*; но и *долгъ* (обязанность непремѣннаго исполненія) есть также не иное что, какъ лежа-

щая на насъ тягость, бремя, сила, *дугъ*, или, по измѣненію корня, *долгъ*. Мы говоримъ, на примѣръ: *долгу на мнѣ столько-то*. Предлогъ *на* ясно показываетъ, что мы подъ словомъ *долгъ* разумѣемъ нѣкое возлежащее на насъ бремя.

ДРЕГА́ТЬ: см. ДЕ́РГАТЬ.

ЕДА́: *Еда можетъ слѣпецъ слѣпца водити?* (Лук. VI, 39). Сокращеніе изъ *егда* или *когда*.

ЕДВА: Составлено и сокращено изъ словъ: *есть диво*. См. *чуть*.

ЖНУ: ЖМУ: МЖУ: См. Мигать.

ЗАМО́КЪ: и ЗА́МОКЪ: Составляютъ одно и тоже слово, однимъ токмо удареніемъ различаемое. Смежность понятій между сими двумя значеніями состоитъ въ томъ, что понятіе о *замкѣ́* перенесено къ понятію о *за́мкѣ* по тому соображенію, что въ старинныя времена *за́мки*, (т. е. зданія, до́мы), составляя родъ нѣкоторыхъ крѣпостей или твердынь, строились обыкновенно на горахъ, и обносились вокругъ стѣною или оградою съ воротами, которыя по ночамъ запирались. Отселѣ, сходственно съ глаголомъ *замыкать*, произошли имена *замо́къ* и *за́мокъ*.

ЗАНОЗА: См. нога.

ЗВѢЗДА: Нѣкоторые составляютъ слово сіе изъ словъ *свѣтъ зда*; ибо подъ словомъ *здо* разумѣется крыша, кровля дома.

Хотя словопроизводство сіе весьма согласуется съ смысломъ, выражаемымъ симъ наименованіемъ; однакожъ есть другое, простѣйшее, и потому вѣроятнѣйшее. Слово сіе въ другихъ Славенскихъ нарѣчіяхъ пишется и говорится *hwesda* (гвѣзда). Нетрудно было буквѣ *г* измѣниться въ букву *s* (соотвѣтствующей нашимъ *ѕѣло* или *ѕемля*); ибо стоило только первую изъ нихъ оборотить на другую сторону, что бъ вышла вторая. И такъ легко могло у насъ изъ *гвезда* сдѣлаться *звѣзда*. Слово же *гвезда* могло произойти отъ слова *гвоздь*, поелику въ ясную осеннюю ночь небо такъ усыпано бываетъ звѣздами, что кажется какъ бы убито было свѣтлыми, сіящими *гвоздями*.

ЗЕМЛЕ́НИКА: (ягода). Потому, что низко растетъ къ *землѣ*.

ЗЕРНЕ́ТКА: (По иностранному *пилюля*). Отъ *зерно*, поелику походитъ на круглое зерно.

ЗМѢЯ́: Въ нѣкоторыхъ старинныхъ книгахъ вмѣсто *змѣя* написано *змлея*, изъ чего явствуетъ, что слово сіе, означая ползающую брюхомъ по *землѣ* тварь, сперва изъ *землея* сократилось въ *змлея*, а потомъ въ *змѣя*.

ЗѢНИ́ЦА: Слово сіе сокращено выпускомъ изъ него буквы *р*: вмѣсто *зрѣница* (отъ глагола *зрю*) стали говорить и писать *зѣница*, иначе *зрачокъ*. Отселѣ же про-

стонародное *зѣнки*, вмѣсто *зрѣнки* или *зрачки*.

ИНОГДА: По старинному *оногда*. Сокращенное изъ словъ ИНАго ГоДА, или ОНАго ГоДА (съ измѣненіемъ буквы *а* въ *о*).

КАДЬ: Кадка, и проч. Здѣсь очевидно буква *т* измѣнилась въ *д*. По коренному смыслу *кать*, т. е. вещь, которую по круглости ея удобно *катать*, *катить*. Вѣроятно измѣненіе сіе нужно было для того, что бъ въ множественномъ *кáдки*, *кáдокъ*, отличить отъ *кáтки кáтокъ*; на примѣръ: *сани кáтки; путь гладокъ, кáтокъ*.

КВАКАТЬ: Слово, составлено звукоподражательно голосу утокъ и лягушекъ. Сумароковъ весьма хорошо вложилъ въ уста сихъ послѣднихъ подобный крику ихъ стихъ: *О какъ, о какъ, намъ къ вамъ, къ вамъ, Боги, не гласить!*

КЛЕ́ЧИТЬ: Слово сіе значитъ преклонять колѣно, припадать, присядать, какъ то обыкновенно во время службы дѣлаютъ католицкіе священники. *Егда вшедъ Папа мало поклѣчитъ на колѣну свою по обычаю Латинскому* (древн. вивл. т. VI. стран. 52) Слово сіе есть сокращеніе слова *колѣнчить*, то есть припадать на колѣно.

КЛОНИТЬ: Происходитъ отъ слова *коло* (колесо). Изъ *колоню*, т. е. привожу въ образъ *кóла* или *колеса*, чрезъ выпускъ буквы *о*, сдѣлалось *клоню*; ибо все то, что мы

гнемъ, сгибаемъ, пріемлетъ видъ колеса, то есть подобной же округлости.

КЛУБНИКА: (ягода). Отъ слова *клубъ*, потому что круглостію образа своего подобна *клубу*, шару.

КЛУБЪ: Клубокъ, тожъ отъ слова *коло*, сокращенное изъ *колобъ* или *колубъ* въ *клубъ*; и означающее круглость, шаръ. Мы стѣснили значеніе онаго въ частное, говоря только *клубъ* или *клубокъ* нитокъ; но Иностранцы подъ тѣмъ же словомъ *globe*, *globus*, вообще разумѣютъ шаръ, а особливо земной. Мы взяли ихъ *глобусъ*, а свое *клубъ* бросили, относя оное только къниткамъ.

КОГДА: Слово сіе сокращено изъ словъ КОеГо гоДА; ибо подъ словомъ *годъ* или *година* разумѣется время или пора.

КОГТИ: См. нога.

КОЛОКОЛЪ: Получилъ названіе свое отъ того, что въ прежнія времена, когда не было еще ихъ мѣдныхъ, употреблялась для сего доска или толстая жердь, иначе называемая *колъ*, по которому другимъ подобнымъ же *коло́мъ* ударяли, дабы стукъ сей далеко былъ слышенъ, и отъ сего ударенія *колъ о колъ* утвердилось имя *колоколъ*, обращенное потóмъ на изобрѣтенныя для сего же употребленія мѣдныя или серебрянныя большія и малыя орудія, изъ ко-

торыхъ послѣднія называются уменьшительнымъ именемъ *колокольчики.*

КОРА: См. курносый.

КОРОТКО: Или кратко. (Происходитъ отъ *кора*, какъ индѣ объяснено). По Французски *court* и *bref*, по Италіянски *corto* и *breve*, по Англински *short* и *brief*, по Нѣмецки *kurtz*, и такъ далѣе. Отселѣ глаголы: *accorciare, abbreviare* (Итал.), *raccourcir, abreger* (Франц.), *to shorten, to abbreviate* (Англ.), verkürtzen, (Нѣм.), и проч. Всѣ сіи глаголы значатъ *укоротить*, уменьшить въ длину. Первые изъ нихъ имѣютъ, одинакій съ нимъ корень, а вторые (сословы ихъ) *abbreviare*, и проч. единокорненны съ нашимъ *обрывать*, поелику *обрывать* что нибудь есть тоже, что *укорачивать*, уменьшать. Сходство сіе примѣчается ужé и во всѣхъ другихъ вѣтвяхъ.

КОСТРИКА: См. пенька.

КОТВА: Тожъ якорь (вообще). Безсомнѣнія отъ того жъ подобія съ *котомъ* или кошкою. См. сіе слово.

КОШКА: Малый якорекъ о многихъ лапахъ. Ясно, что названіе сіе дано сему якорю по уподобленію онаго звѣрю симъ именемъ называемому; ибо какъ звѣрь сей имѣетъ цапкія лапы, такъ и якорь сей.

КУКУШКА: (птица). Названа по собственному ея голосу; ибо въ немъ ясно слышатся звуки *ку, ку.*

КУРНÓСЫЙ: Первая часть сего слова *кур* есть очевидно не иное что, какъ сокращеніе, имѣющее одинакій корень и значеніе съ словомъ *короткій*, *краткій*, первоначально происходящимъ отъ слова *кора* (см. объясненіе о семъ въ XI части собранія сочиненій моихъ подъ словами *корá*, *курıó*, *короѵ́*, стран. 174, 190, 192). Къ сему корню принадлежатъ также и многія иностранныхъ языковъ тожъ значащія слова, какъ то: Итал. *corto*, Франц. *court*, Нѣмец. *kurtz* или сокращенно *kurz*, Датск. *kort*, и проч.

ЛГАТЬ: *ложь*, *лгу*, происходятъ отъ *лежу*, *лягу* (въ соединеніи съ предлогами *лагаю*, какъ то: *полагаю*, *слагаю*, и проч.). *Лгать*, съ предлогомъ *солгать*, есть не иное что, какъ *солагать*, сокращенно *слагать* (тоже что *складывать*); ибо *ложь* состоитъ въ *слаганіи* (складываніи, соплетеніи, выдумываніи) небылицъ.

ЛЕЖАНКА: Имя птицы, отъ того, что больше сидитъ или *лежитъ*, нежели летаетъ или ходитъ.

ЛЕПИТЬ и ЛИПНУТЬ: Глаголы сіи суть одинакаго корня и значенія; ибо дѣйствіе *лепленія* неразрывно соединено съ дѣйствіемъ *прилипанія*.

ЛОБЫЗАТЬ: Сокращенно *Лобзать*: глаголъ сей составленъ изъ словъ; *лобъ лизать*; ибо при отнятіи отъ него первоначальнаго

слога *лоб* (ясно выражающаго имя *лобъ)*, остальное *ызать*, какъ отдѣльно, такъ и въ соединеніи съ нимъ, дѣлается пустозвучно, не изъявляетъ ни какаго понятія. Напротивъ того, сокращенное изъ *лобъ лизать*, выражаетъ оно точно то дѣйствіе, какое подъ онымъ разумѣется, поелику съ прикосновеніемъ устъ нашихъ къ какому-либо тѣлу, и въ тоже время съ отверзаніемъ оныхъ, языкъ нашъ почти также прикасается къ сему тѣлу, и слѣдовательно нѣкоторымъ образомъ *лижетъ* оное. Отселѣ глаголъ *лобзаются* въ просторѣчіи замѣняемъ мы иногда глаголомъ *лижутся*. Равнозначащее съ нимъ слово *цалую* или *цѣлую* изъявляетъ точно туже мысль, происходя отъ имени *чело́* (тоже что и *лобъ)* съ измѣненіемъ буквы *ч* въ *ц*. Такимъ образомъ *челцю*, *цѣлу́ю* или *цалу́ю*, говоритъ тожъ самое, что и *лобжу* (т. е. *лобъ лижу*). Сіе подтверждается еще первое тѣмъ, что мы часто любовь или ласку или почтеніе наше изъявляемъ цѣлованіемъ въ чело или лобъ (такъ прикладываемся къ мощамъ, или прощаемся съ мертвыми, или отецъ ласкаетъ сына), и второе, подъ словомъ *цѣлованіе* разумѣемъ также и поздравленіе или привѣтствіе, которое обыкновенно дѣлается съ преклоніемъ *чела́*.

ЛУГОВКА: См. пигалица.

ЛУКЪ: Извѣстное произрастеніе. Отъ слова *лука́*, по причинѣ кривизны боковъ его. Отсюду же *лукъ* (орудіе для метанія стрѣлъ), *лучь*, *лукавство*, и проч.

ЛЬЗЯ: (Также и отрицательное *не льзя*) происходитъ отъ глагола *лезу*, въ старину употреблявшагося въ одинакомъ значеніи съ глаголомъ *иду*. Изъ словъ *лезе* и *нелезе* (то есть идетъ и неидетъ, какъ и нынѣ употребляемыхъ въ смыслѣ годится или негодится, можно или не можно) вышли слова́ *льзя* и *нельзя*.

ЛѢЧИТЬ: Глаголъ сей измѣненъ (буквою *ѣ*) и сокращенъ (выпускомъ буквы *г*) изъ глагола *легчить* (облегчать); ибо и по-нынѣ понятіе объ *легкости* соединяется съ понятіемъ объ *уменшеніи болѣзни*. Мы обыкновенно говоримъ: *ему сдѣлалось легче*, вмѣсто: онъ сталъ выздоравливать.

ЛЯПАТЬ: Ляпнуть. Происходитъ отъ слова *лапа*, т. е. ударять лапою.

МАЛИНА: (ягода). Потому, что изъ *малыхъ* одна отъ другой отдѣляющихся частей составлена.

МЕДВѢДЬ: Слово сіе очевидно составлено изъ имени *медъ* и глагола *вѣдать*, по причинѣ, что звѣрь сей великой охотникъ до *меду*, и слѣдственно всегда ищетъ, *провѣдываетъ*, гдѣ онъ.

МЕЧЬ: и МЯЧЬ: Оба отъ глагола *мечу*, *метать*, поелику употребленіе ихъ состоитъ въ семъ дѣйствіи.

МЖУ: ЖМУ: ЖНУ: См. мигать.

МИГАТЬ: Говоритя о глазахъ, или ресницахъ, означая частое ихъ *сжиманіе*. Въ учащательномъ *мигаю*, въ единократномъ же (рѣдко употребительномъ) *мжу* или *мижу*, и также *мженіе* или *миганіе*. Глаголъ *мжу* есть не иное что, какъ переставка буквъ глагола *жму*; ибо означаетъ тожъ самое, то есть соединеніе, сближеніе, смыканіе; но употребляется, равно какъ и *жмурить* (или *щурить*, см. слово *чуръ*), говоря только о глазахъ. Оба сіи глагола произвели, каждый, особыя свои вѣтви: отъ глагола *жму* произошли вѣтви *сжимаю*, *прижимаю*, *жать*, (сей послѣдній, дабы отличить общее понятіе, изъявляемое глаголомъ *жму*, отъ частнаго, относящагося къ срѣзыванію серпомъ колосьевъ, измѣнилъ букву *м* въ *н*, и сдѣлался изъ неопредѣленнаго *жать* въ единственномъ числѣ, не *жму*, но *жну*), *жатва*, и проч. Глаголъ *мжу* произвелъ вѣтви *межа*, *смежность*, *между*, *мигаю*, *мигъ*, и проч. Въ сихъ двухъ послѣднихъ буква *ж* (какъ и во многихъ другихъ словахъ: *лежу*, *лезъ*; *дрожу*, *дрогну*, и проч.) измѣнилась въ *г*; но не взирая на особенныя каждой вѣтви значенія, всѣ оныя означаютъ общее

понятіе о сближеніи, смыканіи между собою двухъ или многихъ вещей.

МОРКО́ВЬ: (овощь). Вѣроятно отъ прилагательнаго имени *маркой*, потому что имѣетъ въ себѣ красно-желтоватый цвѣтъ, удобно что нибудь бѣлое *марающій*.

МЫСЛИ: Нѣкоторые почитаютъ слово сіе составленнымъ изъ мѣстоименія *мы* и существительнаго имени множественнаго числа *сли* или *слы* (болѣе употребляемаго съ предлогомъ *послы*, *посо́лъ*). Естьли словопроизводство сіе не можетъ быть доказано несомнѣнными доводами, то оно по остроумію своему заслуживаетъ уваженіе; ибо ничего нѣтъ приличнѣе, какъ называть *мысли* наши *послами*. Дѣйствительно кажется умъ посылаетъ ихъ для представленія предъ нимъ образа тѣхъ вещей, о которыхъ онъ разсуждать хочетъ.

МЫШЦА: Слово сіе произошло отъ имени *мощь* (сила); ибо человѣческая *мощь* или сила состоитъ болѣе въ рукахъ. Изъ *мощца* (труднаго для произношенія) сдѣлалось *мышца*, въ просторѣчіи *мышка*.

МѢСТО: Вѣтвь происходящая отъ глагола *стою*, *стоя́ть* (то есть отъ корня *ст*). Она составлена изъ словъ *мое стоя́ніе* (пребываніе), сокращенныхъ сперва въ *мое сто*, а пото́мъ въ *мѣсто*, съ обращеніемъ

отъ собственнаго лица на всякое другое. Подобнымъ же образомъ составлены и отъ того же корня произведены слова́: *ростъ*, *постъ*, *настъ*, и проч. См. сіи слова.

МѢСЯЦЪ: Слово сіе происходитъ отъ нарѣчія *менше*, по сравненію сего шара съ солнечнымъ. Изъ имени *менсецъ* (т. е. меншій) сдѣлалось (чрезъ выпускъ буквы нашъ) *месецъ* или *мѣсяцъ*. Латинское тожъ самое слово *mensis*, отъ того жъ нарѣчія *minus* происходящее, удержало въ себѣ букву *n*, но Италіянское *mese*, также какъ и наше, выпускаетъ оную.

МЯ́ТА: (трава). Потому что листъ ея мякокъ, сморщенъ и кажется быть *смятымъ*.

МЯЧЬ: См. мечь.

НАГЛОСТЬ: См. нога.

НАГОТА: См. нога.

НАПРАСНО: Слово сіе употребляется въ двухъ смежныхъ, однако же нѣсколько различныхъ смыслахъ, какъ напримѣръ: *напрасно* (т. е. тщетно, по пустому) *ты на меня клеплешъ*, или: *напрасно* (т. е. нечаянно, незапно) *судія пріидетъ и коегождо* (т. е. каждаго) *дѣла обнажатся* (молит.). Оно испорчено изъ *напраздно* (Богемцы пишутъ его безъ порчи, *naprazdno*), поелику *праздность* означаетъ пустоту, тщетность, бездѣйственность, безполезность.

НАСТЪ: Отъ глагола *настывать*, поелику *настъ* есть не иное что, какъ то, что *настыло*, замерзло съ верху.

НИЖЎ: и НИ́ЖУ: Оба происходятъ отъ слова *низъ*. Одно пустило вѣтви: *низа́ть*, *нaниза́ть*, и проч. (ибо *нанизываемыя* на нитку вещи обыкновенно одна за другою опускаются къ *низу*, по неудобности поднимать ихъ къ верху). Отъ другаго вѣтви суть: *ни́зить*, *пони́зить*, *унижа́ть*, и проч. Отъ сего же корня (т. е. *низъ*) произошли вѣтви (или колѣна): *нить*, *ницъ*, *нищій*, и проч. См. сіи слова.

НИТЬ: Вѣроятно происходитъ отъ слова *низъ*. Изъ глагола *ни́зить*, чрезъ отнятіе слога *зи*, сдѣлалось существительное имя *нить*, въ просторѣчіи *нитка*, по тому соображенію, что когда ее прядутъ, то она, послѣдуя веретену, тянется къ низу.

НИЦЪ: Очевидно происходитъ отъ слова *низъ*, поелику *пасть ницъ на землю*, значитъ упасть въ низъ головою, а не вверхъ подняться.

НИЩІЙ: Тоже отъ *низъ*, то есть *низсій*, или *низшій*.

НОГА: (Въ множественномъ *но́ги* и *но́зи*, вѣроятно происходитъ отъ слова *низъ*. Чрезъ измѣненіе буквы *и* въ *о* легко могло

изъ *нйзи* (т. есть нижнія части тѣла (сдѣлаться *нóзи* и *нóги*. Отселѣ уменьшительное *ножки* (тожъ нижнія части у стола, стула или чего инаго). Отселѣ же *ногти* и *когти*, поелику выростаютъ изъ *ноги*. Въ послѣднемъ изъ сихъ словъ буква *к* заступила букву *н* для отличенія звѣриныхъ и птичьихъ большихъ *когтей* отъ человѣческихъ *ногтей*: (что оба слóва сіи отъ одного корня происходятъ, Мы можемъ примѣтить то изъ смѣшиванія оныхъ; ибо говоря, напримѣръ объ орлѣ, называемъ орлиные *когти*, а не *ногти*; напротивъ того въ пословицѣ: *мала птичка да ноготокъ востеръ*, называемъ тожъ самое *ноготокъ*, а не *коготь*. Должно думать, что въ семъ послѣднемъ словѣ буква *к* смѣнила букву *н* потому, что *коготь* твердостію своею, а особливо у большихъ звѣрей и птицъ, подходитъ ближе, чемъ *ноготь*, къ тому что называютъ *кость*). Поелику же вещь, именуемая *коготь*, или *ноготь* или *ноготь*, есть родъ кости всегда гладкой, не покрывающейся, подобно другимъ частямъ тѣла, никогда волосами или шерстію или перьями, то отсюду произошло слово *нагота* съ прочими своими вѣтвями, а отъ *наготы* сдѣлалось слово *наглость*, означающее дерзкій, не прикрытый ни какою благопристойно-

стію, поступокъ. — Слово *ножъ* (ножикъ) Вѣроятно отсюду же происходитъ, по тому соображенію, что идущая отъ лезвея къ низу часть, обыкновенно влагаемая въ черень, представляется намъ какъ бы нѣкакою *ножкою*, за которую держатъ его въ рукѣ. Отъ слова *ножъ* произошелъ глаголъ *вонзить* (сокращенный изъ *вонози́ть* или *воножи́ть*, т. е. воткнуть ножъ), и также слово *зано́за* (т. е. нѣчто какъ бы ножъ воткнувшееся).

НОГТИ: См. нога.

НОЗДРИ: Очевидно составленное и сокращенное изъ *носъ* и *диры*. По Богемски *дирки до носа*, по Нѣмецки тожъ *nasenlöcher*.

НОЖЪ: См. нога.

НОЧЬ: Вѣроятно сокращено изъ отрицательной частицы *не* и слова *очи*, такъ что изъ *не очь* (т. е. нѣтъ очей) сдѣлалось *ночь*; ибо ночью человѣкъ не видитъ, какъ бы не было у него глазъ.

НѢКОГДА: Сокращенное изъ словъ НѢКОего ГоДА.

ОБѢДНЯ: Въ словахъ *всенощная*, *заутреня*, *вечерня*, видимъ мы, что молебствія сіи по порядку времени, въ какое совершаются, названія свое получили отъ *нощь*, *утро*, *вечеръ*: слѣдовательно нѣтъ

сомнѣнія, что и слово *обѣдня*, по такому жъ соображенію, составлено изъ имени *день* и предлога *объ*, такъ какъ бы сказать *ободенная*, то есть днемъ или въ теченіе дня совершаемая.

ОБѢДЪ: Отнимемъ отъ сего слова предлогъ *об*, тогда остальное *ѣдъ* покажетъ, что оно происходитъ отъ *ѣда* (ѣсть, ѣмъ).

ОКУНЬ (рыба): Вѣроятно отъ слова *око*, потому что имѣетъ большіе красные глаза.

ОМУТЪ: Вѣроятно отъ нарѣчія *мутно*; ибо предлогъ *о* показываетъ со всѣхъ сторонъ окруженіе, а вода на глубокомъ мѣстѣ, окруженномъ мелководіемъ, обыкновенно кажется *мутнѣе, темнѣе*.

ОПЕНКИ: Родъ грибовъ. Безсомнѣнія отъ *пень*, поелику на пняхъ ростутъ.

ОРЮ: (орать). Слово сіе чрезъ переставку буквъ, часто примѣчаемую, изъ *рою* сдѣлалось *орю*. Значеніе его съ измѣненіемъ не перемѣнилось, но только отнеслось къ частному значенію глагола *рою*, то есть рою плугомъ землю для посѣва хлѣба. Дѣйствіе сіе означается другимъ тотъ же смыслъ имѣющимъ глаголомъ *пахать*, который также, для отличенія сего частнаго дѣйствія отъ общаго, изъ *пихать* сдѣлался *пахать*; ибо когда мы *роемъ*,

то вмѣстѣ и *пихаемъ*. Отъ *орю* произошло имя *рало*, которому надлежало бы называться *рыло* (отъ глагола *рыть*), естьли бъ *рыломъ* не названъ былъ носъ у свиньи, которымъ она обыкновенно *роетъ* землю.

ОЧУТИТЬСЯ: Глаголъ сей въ словопроизводномъ словарѣ поставленъ въ числѣ вѣтвей отъ глагола *чуять*, но несправедливо; ибо, производя оный отъ *чую*, выраженіе: *какъ ты здѣсь очутился?* будетъ значить: какъ ты здѣсь *почуялъ* или *почувствовалъ* себя? но приличенъ ли такой вопросъ обстоятельству *нечаяннаго появленія?* человѣкъ во всякомъ мѣстѣ *чуетъ* или *чувствуетъ* себя, какъ въ томъ, откуду пошелъ, такъ и въ томъ, куда пришелъ. И такъ не сходнѣе ли съ разсудкомъ глаголъ *очутиться* производить, какъ и слово *чуть*, отъ *чудо*? тогда: какъ ты здѣсь *очутился* (по корню *очудился*) будетъ, согласно съ незапностію появленія, значить: *какое чудо что ты здѣсь?*

ПАХАТЬ: См. орю.

ПЕНЬ, ПЕНЬКА, ПЕНЬТЮХЪ: Суть слова, происходящія отъ глагола *пинаю*. Первое потому, что *препинаетъ* путь; второе потому, что *пенька* при выдѣлываніи ея изъ конопель наполнена бываетъ какъ бы маленькими изломанными *пнями*, иначе на-

зываемыми *кострикою* (отъ слова *кость*, по причинѣ твердости своей); третье потому, что глупой или непроворной человѣкъ уподобляется *пню*.

ПЕПЛЪ: Въ просторѣчіи *пепелъ*, а въ старинныхъ книгахъ *попелъ*, очевидно составлено изъ предлога *по* и существительнаго *пылъ*, то есть остатки отъ вещи, истребленной *пыломъ* или *пламенемъ*.

ПЕРО, ПЕРИЛА, ПРАЧКА: Отъ глагола *пру*, *переть*, поелику птица летя *опирается* имъ объ воздухъ. *Перила* тожъ служатъ къ *опиранію* объ нихъ. Прачка потому, что моя или стирая бѣлье бьетъ валькомъ или *попираетъ* оное.

ПЕРИЛА: См. Перо.

ПЕЩЕРА: Отъ слова *пещь*, поелику имѣетъ подобіе пещи или печи.

ПИГАЛИЦА: (птица, иначе называемая *луговка*). Первое звукоподражательное голосу или крику ея, слышащемуся *пиг-пиг*. Второе отъ слова *лугъ*, потому что на лугахъ водится.

ПИКАТЬ и ПИЩАТЬ: Звукоподражательныя голосу малыхъ птичекъ или животныхъ. Отсюду ружье въ просторѣчіи называютъ *пищаль*, по сравненію при пальбѣ тонкаго звука ея съ толстымъ пушечнымъ звукомъ.

ПИСКАРЬ (рыба): Правильнѣе *пескарь*, потому что водится на *песчаномъ* днѣ.

ПИТЬ и ПѢТЬ: Здѣсь также между сими двумя словами примѣчается, какъ въ звукахъ, такъ и въ понятіяхъ смежность, поелику *пію* означаетъ дѣйствіе *впусканія въ гортань* какой либо жидкости, а *пою* выражаетъ *испусканіе изъ гортани* голоса.

ПИШУ: Писать. Происходитъ отъ глагола *пинаю*, поелику дѣйствіе *писанія* сопряжено неразрывно съ дѣйствіемъ *пинанія* (толканія) перомъ въ бумагу. Буква *н* выпускается и вмѣсто *пиншу*, *пинсать*, говорится *пишу*, *писать*. (Многія слова на иностранныхъ языкахъ отъ сего же понятія происходятъ. См. въ собраніи сочиненій моихъ часть VI, статью подъ корнемъ *пин*, стран. 38 и 128).

ПИЩАЛЬ: См. Пикать.

ПИЩАТЬ: См. Пикать.

ПЛАТИЦА (рыба): по причинѣ *плосковатаго* образа своего.

ПЛЕЖУ и ПОЛЗУ: Оба сіи глагола составляютъ одинъ и тотъ же глаголъ; оба сложены изъ словъ *полъ* и *лежу* или *полъ* и *лезу*, сокращенныхъ въ *плежу* и *ползу* (ибо *ж* и *з* всегда мѣняются и ставятся одна вмѣсто другой). Дѣйствіе же, изъявляемое тѣмъ и другимъ, есть совершенно одинакое: змѣя *плежитъ* или *ползетъ*, значитъ тоже, какъ бы растянувъ сіи слова сказать *пололéжитъ*

или *пололезитъ*, т. е, по *полу* или по *полю* *лежа* или *лезя* движется.

ПЛЕЖИНА: Принимается (равно какъ и *пятно*) въ значеніи порока, худости. Собственно же значитъ слѣдъ или знакъ, остающійся послѣ *плеженія*, то есть проползенія какой либо гадины, почему и переносится къ означенію порока.

ПЛОТЬ: (тѣло). Происходитъ отъ глагола *плотить*, *сплачиватъ* (т. е. соединять одну часть *плотно* съ другою), поелику всякій составъ тѣла такъ соединенъ, сложенъ вмѣстѣ. Впрочемъ можетъ быть и отъ глагола *плодить* (съ измѣненіемъ буквы *д* въ *т*), поелику всякое тѣло плодится.

ПЛЮЩУ, ПЛЮЩИТЬ: Происходитъ отъ слова *плоско*, поелику значитъ дѣлаю плоскимъ. Оно изъ *плосчу* измѣнилось въ *плющу*.

ПЛЮЩЪ: (трава), потому что *плющится*.

ПЛЮЮ: Сокращено изъ *полюю*, т. е. извергаю мокроту изорта на *полъ*.

ПЛЯСАТЬ: Сокращено изъ *полъ* (т. е. помостъ) или *поле*, или же составлено изъ одного изъ сихъ словъ и не употребительнаго болѣе глагола *ясать* (т. е. сіять, блестѣть), отъ котораго однако жъ произо-

шли слова *яснѣть*, *ясный*, *ясно*, и проч. Такимъ образомъ слово сіе говоритъ: на полу (т. е. на помостѣ въ горницѣ) или на полѣ (т. е. на какой-либо открытой площадкѣ) выказывать себя, прельщать, блистать, *ясать*, искуствомъ своихъ тѣлодвиженій.

ПОДРАЖАТЬ: По смыслу кажется глаголъ сей принадлежитъ къ корню *дразнить* (какъ и въ словарѣ показано); однако жъ, хотя смыслъ и кажется отдаленнѣе, но я причисляю его къ корню *ражу*, *разить*, *разъ*, то есть ударъ, оставляющій по себѣ какой нибудь знакъ или черту. Отселѣ слова: *разражать*, *поражать*, *выражать*, *заражать*, *образъ*, и проч., которыя не совмѣщаютъ въ себѣ понятія о *дразненіи*, но изъявляютъ мысль о напечатлѣніи знака, остающагося послѣ *раза* или удара.

ПОЛЗУ: См. Плежу.

ПОЛТОРА: Слово сіе составлено изъ двухъ словъ. Первое *полъ* или *половина* имѣетъ свое значеніе; но что значитъ второе *торá*? оно не извѣстно въ языкѣ, а между тѣмъ непремѣнно долженствуетъ что нибудь значить; ибо безъ того слово *полтора* будетъ безсмысленно, поелику не можно знать, какую оно *половину* означаетъ. Итакъ очевидно, что часть онаго *тора* не

есть окончаніе, но слово *вторый*, отъ котораго первоначальная буква *в* отброшена, такъ что изъ *полвтора* сдѣлалось *полтора* (то есть половина втораго, или одинъ съ половиною). Такимъ же образомъ говоримъ: *полтретья* (т. е. два съ половиною), *полчетверта* (т. е. три съ половиною), и такъ далѣе.

ПО́ПОЛЗЕНЬ: (птичка). Потому что подобно дятлу *ползаетъ* по деревьямъ.

ПО́РОХЪ и ПРАХЪ: Не взирая на принятое въ сихъ двухъ словахъ различіе въ значеніи, въ языкѣ составляютъ онѣ одно и тоже слово, ибо хотя мы подъ словомъ *по́рохъ* разумѣемъ нѣкій особенный *прахъ*, удобовозгорающійся и вмѣщающій въ себѣ великую силу огня, однако жъ и въ обыкновенномъ смыслѣ говоримъ: *глаза напорошило, ни осталось ни порошинки*, и проч. Замѣтимъ здѣсь, что извлеченное изъ *прахъ* слово *по́рохъ* изъявляетъ вещество удобовоспламеняющееся; но и сословъ онаго *пыль*, единокорненъ съ сословами *огню* словами *пылъ*, *поломя*, *пламя*. Въ Иностранныхъ языкахъ тожъ самое примѣчается: Латинское *pulvis*, Нѣмецкое *pulver*, Италіянское *polvere*, Французское *poudre*, и проч., всѣ означаютъ какъ *прахъ*, такъ равно *порохъ* и *пыль*. Впрочемъ вѣроятно, что

слово *порохъ* было первоначальное, сократившееся для возвышенія слога въ *прахъ*, подобно какъ *молоко, норовъ, корова,* и пр. сокращены въ *млеко*, *нравъ*, *крава.* Слово же *порохъ* по видимому составлено изъ предлога *по* и глагола *рушить*; ибо означаетъ самомѣльчайшія частицы, въ какія превращаются хрупкія тѣла по совершенномъ ихъ *разрушеніи.* Буква *ш* смѣняется иногда буквою *х* (*рушиться, рухнуться*). Итакъ изъ *порухъ* (т. е. остающееся *по разрушеніи*) легко могло съ измѣненіемъ буквы *у* въ *о* сдѣлаться *порохъ* и *прахъ.*

ПОРЧУ: Портить, испортить, и проч. Слово сіе (со всѣми онаго вѣтвями) происходитъ отъ глагола *реку, рещи,* отъ котораго сперва произошло слово *порокъ*, а отъ сего *порóчу* (т. е. изъ хорошаго дѣлаю худымъ), сократившееся въ *порчу.*

ПОСТЪ: Тоже, что *постановленіе, установленіе.* Слѣдовательно составлено изъ предлога *по* и окончательныхъ буквъ *стъ*, сокращенныхъ изъ глагола *стоять*, *ставить.*

ПОЧТА: Слово сіе называютъ Французскимъ (см. Академ. словопроизвод. словарь), и дѣйствительно производятъ изъ него Французско-Нѣмецкія словá *почталіонъ*, *почтмейстеръ*, и проч. Но почему оно

Французское? у Французовъ нѣтъ даже и буквы *ч*. Они подъ именемъ *poste* (происходящимъ отъ глагола *poster*, единокорненнаго и единозначащаго съ нашимъ *поставить*, или лучше сказать отъ общаго намъ съ ними и со многими другими языками корня *ст*, изъявляющаго понятіе о *стояніи*, пребываніи на одномъ мѣстѣ) разумѣютъ какъ *почту*, такъ и то, что мы въ подобномъ же смыслѣ называемъ *заставою*. Для чего же Французъ могъ глаголъ свой *poster* сократить въ имя *poste*, а я, Руской, изъ своего *поставить* не могу ничего сдѣлать? вѣтви изъ корней извлекаются съ нѣкоторымъ размышленіемъ, соглашающимъ ихъ съ свойствами языка. Почему же иностранцы могутъ разсуждать о своихъ словахъ, а мы не можемъ, и должны у инаго изъ нихъ взять слово *почта*, у другаго иногда *мастеръ*, иногда *мейстеръ*, и говорить то *корабельной мастеръ*, то *почтъмейстеръ*? почему самое сіе слово *почта* не есть мое, Руское? почему не могъ я произвесть оное отъ своего глагола *почить*, *почію* (т. е. мѣшкаю, останавливаюсь для перемѣны лошадей), а Французъ отъ подобной же мысли *стоять*, *останавливаться* (тоже что *почить*) могъ произвесть свое *poste*? —Самое сіе слово *постъ* употребляемъ мы

въ двухъ значеніяхъ, говоримъ *великой постъ* и *передовой постъ*, изъ которыхъ первое называемъ Рускимъ, а второе Французскимъ, и вмѣсто своего прилагательнаго *передовой* приставляемъ къ нему иногда Французское, иногда Нѣмецкое, называя то *аванъ-постъ*, то *форъ-постъ*. Простой народъ, (а часто и мы за нимъ) превращаетъ сіи принимаемыя нами чужестранныя слова въ Рускія, на нихъ похожія: такъ напримѣръ, вмѣсто *профоссъ* говоримъ *прохвостъ*, и проч. Можетъ ли при такой смѣси словъ процвѣтать языкъ? полезно ли изъ Славенскаго превращать оный въ Греко-Татаро-Латино-Французско-Нѣмецко-Руской языкъ? а безъ чистоты и разума языка можетъ ли процвѣтать словесность?

ПОТУХАТЬ и УТѢШАТЬ: Слова сіи, не взирая не великую разность ихъ значенія, отъ одного и того же корня происходятъ, и потому означаютъ смежныя между собою понятія. Можно сіе примѣтить изъ сличенія колѣнъ и вѣтвей отъ нихъ производимыхъ; ибо *утѣшить* есть не иное что, какъ *утишить* взволнованныя печалію чувства. (По Краински глаголъ *tacheti* значитъ купно и *утѣшать* и *утишать*). *Потушить* огонь или гнѣвъ, есть также не иное что, какъ привесть ихъ въ *тишину*, въ спокойствіе, въ бездѣйствіе.

ПРАХЪ: См. Порохъ.

ПРАЧКА: См. Перо.

ПРЕТИТЬ: Прещу, запрещаю, и проч. Вѣроятно происходитъ отъ корня *пин* или *пят* (пинаю, пята) чрезъ глаголъ *препинать*, *препятствовать*, *препятить*, выпуская изъ сего послѣдняго слогъ *пя*.

ПЧЕЛА: Звукоподражательное слово. О голосѣ пчелы, по причинѣ слышимаго въ немъ звучанія буквы *у*, говорится *бучитъ*. Отселѣ имя сей мухи изъ *бучела* (пчела по Краински называется *bucela*), сдѣлалось *бчела*, и потомъ *пчела́*.

ПУЗЫРЬ: Отъ *пуза* по уподобленію съ надутлостію оной.

ПУКЕТЪ, ПУКЛЯ: Слова̀ сіи почитаются Иностранными, принятыми въ нашъ языкъ, потому что Французы (и проч.) говорятъ *boucle*, *bouquet*. Но что значатъ онѣ въ общемъ или первоначальномъ смыслѣ? нѣчто *пуклое* или *распучившееся* (т. е. противное тощему, сжатому). Для чего жъ не могутъ онѣ быть нашими, произведенными отъ нашихъ тотъ же корень и тотъ же смыслъ имѣющихъ словъ, таковыхъ какъ: *пукъ*, *пучокъ*, *пучиться*, *пучина*, *выпуклость*, и проч.? почему *ку́пля* (отъ *купить*) наше, а *пукля* (отъ *пукъ* или *пучиться*) не наше? почему *обѣтъ* (отъ *обѣщаю*)

наше, а *пукетъ* (отъ *пукъ* или *пучокъ*) не наше? естьли мы не станемъ размышлять объ языкѣ своемъ, то конечно изъ богатѣйшаго и обильнѣйшаго покажется онъ намъ скуднымъ.

ПУЛЯ: По другимъ Славенскимъ нарѣчіямъ *куля*, отколѣ Нѣмецкое, Голландское и Датское *kugel*, *kogel*, *kugle*. Наше *пуля* вѣроятно отъ междуметія *пу!* какое часто употребляется вмѣсто глагола *палить*, а ихъ *куля* отъ слова *коло*, *колесо*, по причинѣ подобной же круглости.

ПѢНА: Отъ глагола *пинаю*; поелику дѣлается отъ безпрестаннаго *пинанія* (толканія, біенія) волнъ между собою или въ берегъ.

ПЯЛИТЬ, ПЕЛЕНА, ПЯЛЬЦЫ: Всѣ сіи слова́ происходятъ отъ глагола *пинать*, по слѣдующему измѣненію буквъ: *распинаю* въ прошедшемъ многократномъ *распиналъ*, въ единократномъ же *распялъ*. И такъ очевидно что сіе послѣднее произвело и пяльцы, и пялить, и пелена, выражающія въ частныхъ смыслахъ тожъ самое дѣйствіе, какое разумѣется подъ словомъ *пинаніе*.

ПЯТА: Глаголъ *пинаю* произвелъ равнозначащіе глаголы препинаю, воспящаю, препятствую, а отъ сего послѣдняго произошло имя *пята*, поелику сія задняя часть

ноги не позволяетъ, *препятствуетъ* человѣку удобно двигаться въ ту сторону, гдѣ она. Отъ слова *пята́* произошелъ глаголъ *пятиться*, и слово *пятно*, которое отъ собственнаго значенія, *пнутое*, то есть вдавленное *пятою* мѣсто, перешло къ означенію всякаго напечатлѣннаго чемъ-либо знака. Въ нѣкоторыхъ славенскихъ нарѣчіяхъ *пятно* называется *пнутка*, то есть знакъ *пнутаго* ногою, или чѣмъ либо инымъ мѣста.

РАЛО: См. Орю.

РАСПУТСТВО: Слово сіе не правильно пишутъ и говорятъ, производя оное вмѣстѣ съ другими словами, таковыми какъ *распутіе*, *распутица*, отъ слова *путь*; но оно происходитъ не отъ *распутіе*, а отъ глагола *распускаться*, *распуститься*, и долженствовало бы писаться (какъ прежде и писалось): жизнь *распустная*, а не *распутная*. Поляки правильнѣе насъ пишутъ: *zicie rozpustne i bez ladu*.

РАТНИКЪ (Рать, ратовать, и проч.). Сіе семейство словъ потеряло въ языкѣ нашемъ отца своего, сохранившагося въ Иллирійскомъ нарѣчіи. Оный есть слово *ратъ*, которое замѣнили мы словомъ *копіе*. Впрочемъ *ратъ* происходитъ отъ *рыть*, а *копіе* отъ *копать*, глаголы имѣющіе одинакое значеніе.

РДѢТЬ: По чему *рдѣть* значитъ *краснѣть*? потому что происходитъ отъ слова *руда* (то есть кровь, которая всегда бываетъ краснаго цвѣта). Вмѣсто *рудѣть*, *зарудѣлся*, и проч., сокращая говорятъ *рдѣть*, *зардѣлся*, и проч. Отселѣ тотъ же красный цвѣтъ означающія слова́: Латинское *rubrum*, Французское *rouge*, Италіянское *rosso*, Нѣмецкое *roth*, Датское röd, наше общее съ ними *роза*, и проч. и проч.

РЕ́ДКО: Слово сіе вѣроятно произошло отъ слова *рядъ*, такъ что вмѣсто *рядко* стали говорить и писать *редко*. (Буква *я* въ произношеніи слышится иногда, какъ *е*: напримѣръ, вмѣсто *ряды*, въ *рядахъ*, мы часто произносимъ *реды*, въ *редахъ*). Мысль, подавшая поводъ къ сему названію, должна быть та, что слову *ряды* всегда соприсущно понятіе о нѣкоторыхъ пространствахъ или промежуткахъ, находящихся между ими. Отселѣ слово *рядко* (то есть промежуточно, раздѣльно, не сплошь), измѣнясь въ *редко*, утвердилось въ семъ значеніи.

РЖАТЬ: См. Рыкать.

РОДЪ: (Со всѣми своими вѣтвями: родственникъ, родиться, родитель, и проч.) Безсомнѣнія происходитъ отъ слова *руда*, означающаго кровь, поелику всякое живот-

ное родится отъ крови, и безъ ней существовать не можетъ.

РОСА: Мы видѣли въ словѣ *порохъ* первоначальное происхожденіе его, и что отъ него произошелъ двояко произносимый глаголъ *порошить* и *поросить*, изъ которыхъ первый относится болѣе къ сухимъ мѣлкимъ частицамъ (*пескомъ глаза напорошило*), а другой къ мокрымъ или влажнымъ (*на дворѣ поросить*, т. е. идетъ самой мѣлкой дождикъ). Отселѣ глаголъ *порошить* произвелъ слово *поро́ша*, а глаголъ *поросить* слово *роса́*, пустившее отъ себя вѣтви *оросить*, *орошать*, и проч.

РОТОЗѢЙ: Въ семъ словѣ окончаніе *зѣй* есть сокращеніе глагола *зѣвать*.

РЫКАТЬ, РЖАТЬ, РЫГАТЬ, РУГАТЬ: Всѣ сіи слова, яко близкія значеніемъ, происходятъ отъ одного и того же корня; ибо *рыкать* или *рыгать* говорится о голосѣ сильнаго животнаго, какъ то льва или быка. (Буква *к* удобно измѣняется въ *г*: *рѣка*, *рѣга*; *реку*, *речешь*, и проч.). *Ржать*, говорится о такомъ же голосѣ лошадиномъ. *Рыгать* изъявляетъ, хотя не столь громкое, но подобное же испусканіе нѣкоего звучнаго дыханія изъ гортани. *Ругать* есть также не иное что, какъ изверженіе изъ горла подобныхъ *рыканію* или *рыганію* бранныхъ словъ. Отселѣ вмѣ-

сто *ругать* часто говорится: *изрыгнуть на кого гнѣвъ свой.*

РЫЧАГЪ: Орудіе *ручное*, и потому происходитъ отъ слова *рука*. Слово сіе изъ *ручагъ* измѣнилось въ *рычахъ*, и отъ того происхожденіе онаго затмилось.

РЫЧАТЬ: См. Рыкать.

РЯБИ́НА: (Ягода и по ней дерево). Потому, что ягода сія морщится, и отъ того кажется *рябою*.

САДЪ, САЖА, СЯЖУ, САЖЕ́НЬ: Всѣ слова сіи происходятъ отъ *сидѣть*, *сижу*. Потому *садъ*, что въ него *сажаютъ* деревья, или сѣмена разныхъ растѣній. Потому *сажа*, что частицы дыма *садятся*, прилипаютъ къ стѣнамъ трубы. Глаголъ *сяжу* (со всѣми своими вѣтвями *осязаю*, *посягаю*, *присяга*, и пр.) Вѣроятно отсюду же происходитъ; ибо означаетъ хватаю, прикасаюсь къ чему рукою, или иначе кладу, *сажу*, *посаждаю* на что либо мою руку, и чрезъ то получаю чувство, называемое *осязаніемъ*. Подъ словомъ *присяга* въ первоначальномъ смыслѣ не иное что разумѣется, какъ приложеніе или *присаже́ніе* руки или устъ моихъ къ вещи священной. Отселѣ слово *саже́нь* (по прежнему правописанію *сяжень*), поелику, когда что мѣряютъ, то прикладываютъ

ваютъ, или *сяжутъ* ею, т. е. кладутъ, *присаживаютъ* ее къ землѣ.

СВИНЬЯ: Звѣрь сей болѣе всего примѣтенъ тѣмъ, что имѣетъ длинное рыло, которымъ, ища себѣ корму, часто роетъ землю, то есть, *суетъ* въ нее носъ свой, и потому отъ глагола *совать, сую*, вмѣсто *суинья* названъ *свинья*. (по Англ., Англосаксон., и Шведски *swin*; по Датски *swiin*; по Вендски *sswino*; по Нѣмец. *schwein* по Голланд. *zwiin*). Здѣсь замѣтить должно, что Иностранная буква *u* (въ Славенскихъ нарѣчіяхъ и другихъ языкахъ) иногда произносится какъ наше *у*, иногда какъ *в*: *suoiu*, *raunic*, вмѣсто *свою, равные*, и проч. Француз пишетъ *suicide, suite, suif*, а произноситъ во всѣхъ сихъ словахъ букву *u* какъ наше *в*; мы Италіянскія однозначащія съ нами слова *suoi*, *tuoi*, *suono*, (произноси *у*) пишемъ *свои*, *твои*, *звонъ*, и проч.

СЕРГИ: Въ церковныхъ книгахъ *усерязи* (т. е. нарядъ ушей). Изъ *усе* (уши) сократилось оно въ *се*, а изъ *рязи* (ряжу, наряжаю) въ *рги*. Кто въ семъ искаженіи узнаетъ коренное значеніе его? Подобныя сокращенія или измѣненія словъ, отторгнувъ многія изъ нихъ отъ корня, сдѣлали ихъ первообразными, то есть неизвѣстно отколѣ происходящими. Словопроизводный

словарь тѣмъ болѣе будетъ имѣть достоинства, чѣмъ болѣе отыщетъ и откроетъ первоначальный ихъ смыслъ.

СЕ́РДЦЕ: Есть слово, происходящее отъ понятія о *срединѣ*, поелику находится *посреди* груди. Оно чрезъ переставку буквъ *ре* въ *ер*, изъ *средце* сдѣлалось *сердце*, равно какъ и *средина* въ деревѣ называется не *средцевина*, но *сердцевина*.

СИНИ́ЦА: (птичка). По синему цвѣту перьевъ своихъ.

СКОПЕ́ЦЪ: Испорчено изъ *скéпецъ*, отъ стариннаго глагола *кепать* (т. е. рубить, сѣчь, рѣзать. См. въ лѣтописцахъ таковыя выраженія, какъ *головы саблями поскепаны*, и проч.). Отселѣ, измѣня буквы *ск* въ *щ*, пошли вѣтви *щепать*, *щепка*, *раскепъ* или *разщепъ* у пера, и проч.

СКОРЛУПА: Очевидно сложено изъ словъ *скоро* и *лупиться*; ибо сія оболочка яица дѣйствительно бываетъ таковою.

СЛА́ВІЙ: Въ просторѣчіи *соловей*, (птичка). Отъ имени *слава*, по превосходству пѣнія своего.

СЛОЙ: Безсомнѣнія отъ глагола *лить*, *лію*; ибо означаетъ скопленіе или *сліяніе* одного ряда вещества надъ другимъ: напримѣръ, слой чернозема надъ слоемъ глины.

СЛУГА́: Имя сіе произошло отъ слова

слухъ, произведшаго вѣтви *послушаніе, послушный* (т. е. повиновеніе, повинующійся). Отселѣ изъ *слуха́,* то есть *слушающій,* преклоняющій *слухъ* свой къ исполненію повелѣній другаго, сдѣлались, измѣня букву *х* въ *г,* слова́: *слуга́, служитель, служить,* и проч.

СЛѢПОТА́: Слово сіе происходитъ отъ глагола *липнуть, слипаться,* относя оный къ ресницамъ очей; ибо когда оныя *слипаются,* тогда глазъ не можетъ видѣть. Въ другихъ языкахъ, какъ то въ Англинскомъ, Нѣмецкомъ, и проч. по той же причинѣ и подъ сими же словами *sleep, schlaf,* и проч. разумѣютъ сонъ.

СМОРКАТЬ: Вѣроятно происходитъ отъ имени *мокрота,* чрезъ переставку буквъ изъ *мокр* въ *морк.* Можетъ быть изъ *смокротать* (то есть выпускать мокроту) сократилось въ *сморкать, насморкъ,* и проч.

СМОРОДИНА: Отъ *смрадъ, смородъ;* поелику черная смородина испускаетъ отъ себя сильной и довольно тяжелый запахъ. Слово сіе подаетъ также поводъ думать, что оно сократилось изъ *самородина* (т. е. сама родится); но она не имѣетъ въ себѣ никакихъ согласныхъ съ симъ названіемъ принадлежностей.

СНОХА: Сокращено изъ *сыноха,* т. е. сыновняя жена, по подобію словъ пономариха, кузнечиха, и проч.

СОЛОМА: (Сокращенно *слама*). Вѣроятно отъ глагола *ломаю*, примѣчая, что она по тонкости своей удобно *сламывается*.

СОБОРЪ, СОНМЪ: Оба сіи слова (со всѣми отъ нихъ вѣтвями: собраніе, сборище, и проч.) происходятъ, первое отъ глагола *беру*, второе отъ равнозначащаго съ нимъ *емлю* или *имаю*. Прежде вмѣсто *собираются* говаривали *снемлются*, *соемлются*: отсюда изъ *суемъ* сдѣлалось *сеймъ*; а отъ *соимъ*, *соимище*, (измѣняя букву *и* въ *н*, подобно какъ и въ глаголахъ *съемлются* и *снемлются*) стали говорить *сонмъ*, *сонмище*.

СОПЕЛЬ и СОПЛИ: Слова сіи очевидно происходятъ отъ звукоподражательнаго глагола *сопѣть*, *соплю*. (См. сопѣть и сплю).

СОПѢТЬ и ХРАПѢТЬ: Звукоподражательное тяжелому дыханію, какое человѣкъ испускаетъ во время сна. Сіе дыханіе слышится иногда, какъ бы произношеніе буквъ *со*, или, по нѣкоему въ горлѣ дребежжанію, буквъ *хра*, и потому говорится *сопѣніе*, *храпѣніе*. Можетъ быть въ составѣ сихъ словъ соучаствуетъ также и глаголъ *пѣть*, то есть, вмѣсто *пѣть со*, или *пѣть хра*, стали говорить слитно *сопѣть*, *храпѣть*.

СПЛЮ: (Въ неопредѣленномъ *спать*). Безсомнѣнія отъ *соплю*. Смежность сихъ

двухъ понятій очевидна, поелику человѣкъ, или иное какое животное, когда *спитъ*, тогда и *сопитъ*.

СТАРИНАРЬ: Происходитъ отъ словъ *старость*, *старина*. Мы не употребляемъ сего названія; оно взято изъ Краинскаго словаря, въ которомъ сказано: „*starinar*, „любитель древностей, собиратель старин„ныхъ вещей.“ Слѣдовательно то, что называемъ мы чужестраннымъ именемъ *антикваріусъ*, выражающимъ точно туже мысль, поелику Латинское *ante* (соотвѣтствующее нашему *предъ*, *передъ*) означаетъ прежде бывшее, то есть старь, старину (подобно какъ и мы въ такомъ же смыслѣ отъ своего слова *предъ* говоримъ *предки*). Для чего, вмѣсто чужеязычныхъ невразумительныхъ для насъ словъ, не брать намъ собственныя свои (есть ли какое изъ нихъ у насъ не придумано) изъ Славенскихъ нарѣчій? Не ужъ ли послѣдовать тѣмъ, которые отдѣляя руской языкъ отъ Славенскаго (не смотря на то, что который нибудь изъ нихъ есть мнимый, не существующій) утверждаютъ, что вкусъ, въ какомъ бы то ни было случаѣ, запрещаетъ употреблять словá, называемыя ими Славенскими, а не Рускими? они слово *старинарь* (не взирая на значеніе его, выражающее точно тоже,

что и Латинское *антикваріусъ*) сочтутъ, по окончанію на *арь*, Славенскимъ. По ихъ мнѣнію можно говорить *кубарь*, *пискарь*; это по Руски а *старинарь* не льзя: это будетъ по Славенски, противно вкусу. Я видѣлъ (едва вѣря глазамъ моимъ) маленькой словарикъ Славенскаго языка съ Рускимъ! въ немъ слово *зодчій* названо Славенскимъ и обьяснено, по Руски *архитекторъ*! Основываясь на подобныхъ мнѣніяхъ и толкованіяхъ вкусъ нашъ будетъ таковъ же, какъ и знаніе наше.

СТРОГАТЬ и СТОРГАТЬ: Также есть одно и тоже слово, переставкою буквъ *ро* въ *ор*, или *ор* въ *ро*, измѣненное, для различенія изъявляемаго ими смежнаго смысла; ибо *строгать* есть не иное что, какъ *сторгать* (срѣзывать) части препятствующія тупому концу быть острымъ, или шароховатой поверхности гладкою.

СТРУЧОКЪ: (Шелуха, въ которой растетъ горохъ или бобы). Отъ глагола *струсь*, *простираюсь*, поелику обыкновенно бываетъ продолговатый, *простертый*.

СУЕТА: Очевидно отъ глагола *соваться*, *суюсь*?

СЯЖУ: См. Садъ.

ТЕРПУГЪ: (Орудіе). Имя сіе составлено изъ глагола *тереть* и слова *пуга*, озна-

чающаго противную остротѣ *выпуклость* или горбъ (какъ то *пуга* у яица); а потому *терпугъ* есть *стиратель*, сглаживатель сихъ *пугъ* или шероховатостей на какой-либо поверхности.

ТИТЯ: См. Дитя.

ТИШИНА: См. Потухать.

ТОГДА̀: То́жъ сокращено изъ двухъ словъ ТОГо гоДА.

ТОПОРЪ: Происходитъ отъ глагола *тяпать*, (то есть ударять). Изъ *тяпарь* (т. е. ударятель, рубитель) сдѣлался *топоръ*.

ТОПЫРИТЬСЯ: Глаголъ сей, употребляющійся наиболѣе говоря о птицахъ, въ словопроизводномъ словарѣ отнесенъ къ вѣтвямъ глагола *топать*; но по какому соображенію присоединено къ дѣйствію *топыренія* понятіе о *топаньѣ*? ясно, что здѣсь корень не *топ*, но *пыр.*, отъ имени *перо*. Начальный слогъ *то*, есть можетъ быть какой нибудь отрывокъ отъ цѣльнаго слова, напримѣръ отъ глагола *толстѣть* (или тому подобнаго), тогда полное выраженіе *толстѣть перьями* (то есть распускать, расширять ихъ) покажетъ точный смыслъ сокращеннаго выраженія *топыриться*.

ТРО́ГАТЬ и ТО́РГАТЬ: Послѣдній глаголъ не иначе употребляется, какъ съ предлогами: *исторгать*, *вторгнуться*, и проч.

По единству буквъ и смежности понятій кажется одинъ изъ сихъ глаголовъ произведенъ отъ другаго; ибо нельзя ничего *трогать* или *тронуть* безъ того, что бъ въ тожъ время не *торгнуть*, то есть не толкнуть, не прикоснуться къ той вещи, которую *трогаемъ*.

ТѢЛО: Кажется происходитъ отъ стариннаго глагола *тыть*, *тыю*, значащаго толстѣть, тучнѣть; и тогда изъ *тило* или *тыло* (т. е. нѣчто тучное, плотное) сдѣлалось *тѣло*. Сіе подтверждается вторымъ сословомъ онаго, *плоть*. Но можетъ также происходить и отъ глагола *тлѣть*, *тлѣю*, и тогда изъ слова *тля* или *тло* вышло *тѣло*. Сіе послѣднее столько же вѣроятно по сравненію *тлѣнности* тѣла съ нетлѣнностію души.

УЖИНЪ: (ужинать). Происходитъ отъ слова *югъ*, означающаго по теченію солнца вечеръ. По сей причинѣ слово *вечеря* и *ужинъ* (измѣнившееся изъ *южинъ*) пріемлются въ одинакомъ значеніи.

УТѢХА: См. Потухать.

УХÀ: (Похлебка изъ рыбы). Происходитъ отъ глагола *ухаю*, значащаго тоже что *обоняю*. И такъ въ словѣ *ухà* заключается мысль: *яства издающая запахъ*. Сперва подъ симъ именемъ разумѣлась всякая

горячая похлебка, а потомъ стали разумѣть одну только рыбную. Иллирійцы то, что мы называемъ похлебкою или супомъ, называютъ *juha*.

ХРАПѢТЬ См. Сопѣть.

ЦАПЛЯ: (Птица). Отъ глагола *цапать* (т. е. хватать); ибо питается хватаніемъ маленькихъ рыбъ, и потому иначе называется *рыболовъ*.

ЦАРАПАТЬ: Кажется произошло чрезъ переставку буквъ изъ *цапая рою* въ *царапаю*.

ЦѢЛОВАТЬ: Въ просторѣчіи цаловать, цалую. См. Лобызать.

ЦѢПЕНѢТЬ: Происходитъ отъ имени *цѣпь*. *Цѣпенѣю* значитъ *становлюсь цѣпью*, то есть всѣ части членовъ моихъ связуются, *сцѣпляются* между собою, перестаютъ дѣйствовать особо и порознь, и чрезъ то превращаютъ меня, какъ бы въ нѣкое не живое, не подвижное существо.

ЧАСЪ: Безсомнѣнія отъ *часть*, поелику означаетъ *часть* сутокъ.

ЧЕЛОВѢКЪ: Слово сіе кажется быть составленнымъ изъ двухъ цѣльныхъ, безъ всякаго измѣненія, словъ *чело* и *вѣкъ*; но сіи два слова порознь взятыя, не даютъ ни малѣйшаго понятія о словѣ *человѣкъ*. И такъ надлежитъ думать, что оно есть ис-

порченное изъ какаго нибудь инаго слова. Въ нѣкоторыхъ Славенскихъ нарѣчіяхъ пишутъ и говорятъ *цловѣкъ*. Буквы *ч*, *ц* и *с* удобно замѣняются одна другою; а потому *цловѣкъ* легко могло измѣниться изъ *словѣкъ* отъ имени *слово*; и тогда *человѣкъ* (испортившееся изъ *словѣкъ*, то есть *словесникъ*) будетъ дѣйствительно отличать свойство его отъ *безсловесныхъ* тварей.

ЧЕПУХА: Вѣроятно отъ слова *цѣпь*, по старинному *чѣпь*, то есть *сцѣпленіе*, сплетеніе нелѣпостей, небылицъ, вздоровъ.

ЧЕРНИКА: (Ягода). По *чернотѣ* своего цвѣта.

ЧУТЬ: Въ словопроизводномъ словарѣ причтено къ вѣтвямъ отъ глагола *чую* (см. часть VI); но это не справедливо. Слово *чуть*, по кореннымъ буквамъ *чудь*, происходитъ отъ имени *чудо* какъ то всѣ выраженія, въ коихъ оно находится, показываютъ. Какимъ образомъ въ рѣчахъ, напримѣръ: *чуть не упалъ*, или *чуть не проговорился*, приложить понятіе о *чуяніи* то есть *чувствованіи*, которое съ ними ни мало не клеится? напротивъ того *чудо что не упалъ*, *чудо что не проговорился*, ясно показываютъ, что *чуть* ставится вмѣсто *чудо*. Въ охотничей пѣсни поется: *гончихъ стало чуть* вотъ здѣсь *чуть* есть глаголъ и про-

исходитъ отъ *чую*; ибо значитъ: лай гончихъ собакъ сталъ слышенъ или *ощутителенъ*, *чувствуемъ*. Богемцы говорятъ: *on mne prosyl, diw mi ruce ne libal*, т. е. онъ меня просилъ, диво мнѣ рукъ не лобызалъ. Слова́ *диво* и *чудо* значатъ одно и тоже. Отселѣ естьли въ выраженіи *диво мнѣ рукъ не лобызалъ* вмѣсто *диво* поставить *чудо* или *чуть* или *едва*, смыслъ выраженія не перемѣнится. Слѣдовательно *чуть* и *едва*, какъ употребляющіяся въ одинакомъ значеніи, должны непремѣнно и происходить отъ словъ одинакое понятіе изъявляющихъ. Изъ сего явствуетъ, что слово *едва* есть сложное, сокращенное изъ словъ *есть диво*. Сіе сокращеніе тѣмъ удобнѣе могло сдѣлаться, что простой народъ и понынѣ глаголъ *есть* сокращаетъ въ одну гласную *е́*. И такъ ясно, что изъ *е диво* произошло *едва*.

ЧУХА́: Сокращеніе изъ *чепуха*.

ШАРОХОВАТОСТЬ: (Шарохо́ватый, и проч.), т. е. не гладкій, имѣющій на поверхности своей какіе-либо горбы или шишки. Слово сіе въ помянутомъ словарѣ неправильно написано *шероховатость*, и не справедливо произведено отъ нѣкоего неизвѣстно откуду взятаго слова *шерохъ*, тогда какъ оно очевидно происходитъ отъ слова *шаръ*.

ШЕРШАВЫЙ. И это названіе тамъ же произведено отъ того жъ слова *шерохъ*; но оно происходитъ отъ *шерсть*: ибо, говоря о человѣческихъ волосахъ, подъ именемъ *шершавые* разумѣются короткіе, всклоченные, подобные *шерсти* животныхъ.

ШИПУНЪ: (родъ утки). Безсомнѣнія отъ того, что *шипитъ*.

ШИПЪ: (Вѣроятно измѣнившееся изъ *щипъ*), тожъ, какъ и *скопецъ* (см. сіе слово) происходитъ отъ глагола *кепать*, поелику *шипъ* есть не иное что, какъ высовывающійся изъ какой нибудь толщины тонкой стержень или зубецъ, какъ бы вырубленный или вырѣзанный изъ оной; а потому, подобно глаголу *скепать*, измѣнившемуся въ *щепать*, сдѣлался изъ *скепъ* (т. е. срѣзокъ, срубокъ) сперва *щипъ*, а потомъ, для легчайшаго произношенія, *шипъ*.

ШЛЕМЪ: (шеломъ). Вѣроятно происходитъ отъ *холмъ*, имѣя по возвышенности своей нѣкоторое съ онымъ подобіе. Буква *х* легко могла измѣниться въ *ш*. По Нѣмецки согласно съ нами шлемъ называется *helm*, а холмъ (или островъ) *holm*.

ЩЕГЛЁНОКЪ: (птичка). Отъ глагола *щеголять*, поелику имѣетъ разноцвѣтныя красивыя перья.

ЩУРИТЬ: щурю, и проч. происходить отъ *чуръ*, т. е. рубежъ, предѣлъ, или *черту* (слово отъ сего же корня произведенное). Отселѣ вмѣсто: *не ходи далѣе за предѣлъ или черту*, говоримъ мы сокращеннымъ образомъ: *чуръ далѣе не ходить*, *чуръ не играть*, и проч. Отсюду же глаголъ *зачурать* (т. е. поставить *чуръ*, или предѣлъ, преграду, за которую не переступать), и также въ извѣстной у простаго народа игрѣ слово *чурки* (т. е. отрубки отъ круглыхъ полѣнъ, складываемые кучкою посреди означенныхъ на землѣ четырехъ предѣловъ или *чуровъ*, изъ которыхъ выбиваютъ ихъ бросаемыми въ нихъ палками). Такимъ образомъ слово *щурить* произошло отъ *сочурять* (замѣняя буквы *со* буквою *щ*), что есть сводить зѣницы очей къ проходящему по срединѣ глаза предѣлу, *чертѣ*, или *чуру*.

СОБРАНІЕ

РАЗНЫХЪ СОЧИНЕНІЙ И ПЕРЕВОДОВЪ ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗѢ, РАСПОЛОЖЕННЫХЪ ПО ВРЕМЕНИ, КОГДА ОНЫЕ СОЧИНЕНЫ ИЛИ ПЕРЕВЕДЕНЫ БЫЛИ.

*

ПѢСНЯ

старое и новое время.

(Переводъ съ Французскаго).

Бывало въ прежни вѣки
Любили правду человѣки,
Никто изъ нихъ не лгалъ,
Всякъ добродѣтель зналъ;
Любилъ любовникъ вѣрно,
Не клялся лицемѣрно;
А нынѣ ужъ не такъ;
Обманываетъ всякъ.
Неправда, вѣроломство,
Злость, ненависть, притворство,
Лукавство, зависть, лесть,
Прогнавши бѣдну честь,
Ворочаютъ всемъ свѣтомъ,
Всѣ думаютъ объ этомъ;
А совѣсть ужъ пошла
Кахà, кахѝ, кахà!

Бывало въ прежне время
Судейское все племя
Защитою въ бѣдѣ
Служило сирымъ на судѣ,
Судьи и адвокаты
Не требовали платы;
А нынѣ за пять словъ
Со всѣхъ сиротъ и вдовъ . . . . . .
Послѣднее сдираютъ,
Кругомъ ихъ обираютъ.
И гонятъ отъ дверей
И мать и дочерей,
Коль денегъ больше нѣту,
Суму таскать по свѣту;
А истина пошла
Каха, кахи, каха!

Бывало въ прежни годы,
Лишенныя свободы
Любовничьи сердца
Отъ брачнаго вѣнца
До самой двери гроба
Любовью тлѣли оба,
А нынѣ ужъ не такъ:
Гдѣ вступается бракъ,
Тамъ все пойдетъ не ладно,
Все скучно и досадно;

Любовь начнетъ дремать,
Топорщиться, зѣвать,
Потупитъ въ землю взоры,
Распуститъ крылья хворы;
Безъ ней пошла жена
Каха̀, кахи̇, каха̀!

Бывало въ прежни вѣки
Текли сладчайши рѣки
И прозы и стиховъ
Изъ авторскихъ головъ,
Писатель восхищался,
Читатель имъ прельщался;
А нынѣ ужъ не такъ:
Кастальскій ключь изсякъ,
Не слышно больше звона
Отъ лиры Аполлона;
Измученный пегасъ
На силу на Парнасъ,
Лишася прежней силы,
Таскаетъ ноги хилы,
И муза ужъ пошла
Каха̀, кахи̇, каха̀!

Бывало мамы, тяти,
Вкругъ нѣжной ихъ дитяти
Умѣли ставить щитъ
Отъ страстныхъ волокитъ,

Ихъ ковъ предупреждали
Невинность ограждали;
А нынѣ ужъ не такъ:
Имѣетъ доступъ всякъ;
Любовникъ сталъ проворенъ,
Отецъ легкосговòренъ,
Мать вѣритъ похваламъ,
А дочка всѣмъ словамъ,
Что щоголь ей болтаетъ;
Она слабѣетъ, таетъ,
И честь ея пошла
Кахà, кахѝ, кахà!

Бывало въ прежни вѣки
Умѣли человѣки
Воздержно въ свѣтѣ жить,
Умѣренность хранить,
Чрезъ то имѣли радость
Вкушать по долѣ младость;
А нынѣ ужъ не такъ:
Въ сластяхъ нашедши смакъ,
Воздержность презираетъ,
Повѣса утопаетъ
Средь нѣги и забавъ;
Въ пятнатцать лѣтъ начавъ,
Онъ въ двадцать лѣтъ пустился,
А въ тритцать притупился,

И бодрость вся пошла
Каха̀, кахи̇, каха̀!

Бывало не дивились,
Что дѣвушки стыдились
Въ семнатцать лѣтъ умѣть
Любовію горѣть;
Домашняя работа
Была ихъ вся охота;
А нынѣ ужъ не такъ:
Ихъ бабки пялятъ зракъ
На виднаго мущину,
Лощатъ свою морщину,
И помощью румянъ
Мнятъ ввесть его въ обманъ,
Чтобъ, вспомня стару вѣру,
Еще сбродить въ Цитеру;
Пускай бредутъ туда,
Каха̀, кахи̇, каха̀!

Бывало въ прежни пòры
Дѣвичьи скромны взоры
Ни пышностью пировъ,
Ни множествомъ даровъ,
На честность обращенны,
Не смѣли быть прельщенны;
А нынѣ ужъ не такъ:
Предъ златомъ честь пустякъ.

Въ богатомъ екипажѣ,
Хотябъ былъ чорта гаже
И всѣхъ глупѣе Клитъ,
Однако убѣдитъ
Младую Меликрету
Забывшись сѣсть въ карету
И ѣхать съ нимъ ..... куда?
Кахà, кахѝ, кахà!

МОРСКАЯ ПѢСНЯ,

(въ которой мореплаватель изъясняетъ любовную страсть свою морскимъ языкомъ).

Какъ молнія пловущихъ зракъ
Средь темной ослѣпляетъ ночи,
Краса твоя подобно такъ
Сверкнувъ, мои затмила очи:
Смущенъ и изумленъ я сталъ
Узрѣвъ толь ангела прекрасна;
Не такъ опасенъ мачтамъ *шквалъ*, (1)
Какъ ты казалась мнѣ опасна.

Исчезъ тогда *штиль* (2) чувствъ моихъ,
Престрашна буря въ нихъ возстала;
Тыжъ изъ очей своихъ драгихъ
Брандскугели (3) въ меня метала:
Тогда въ смятенія моемъ,

Зря грозну прелесть предъ собою,
Не могъ я управлять *рулемъ*, (4)
И *флагъ спустилъ* передъ тобою. (5)

Съ тѣхъ поръ, тебѣ отдавшись въ плѣнъ,
Твоей я волѣ повинуюсь,
Къ тебѣ душевно прикрѣпленъ
Я за тобою *буксируюсь*. (6)
Съ тѣхъ поръ *нактоузъ* (7) твой, иль домъ
Магнитъ гдѣ сердца обитаетъ,
Съ такою силой, какъ *Мальштромъ* (8)
Меня отвсюду привлекаетъ.

Мнѣ въ морѣ утѣшенья нѣтъ,
Вездѣ я безъ тебя тоскую,
И часто мысленно, мой свѣтъ,
Къ тебѣ я нынѣ *лавирую*. (9)
Наполненный всегда мечтой,
Тебя въ убранствѣ зрю богатомъ,
То *яхтой* иногда златой, (10)
То легкимъ чистенькимъ *фрегатомъ*. (11)

Тогда хочу тебя догнать,
Надеждою себя ласкаю,
Спѣшу и *марсели* (12) отдать,
И *брамсели* (13) я распускаю;
Когда же парусовъ не льзя
При *штормѣ* (14) несть жестокомъ,

Любовію трюмъ (15) нагрузя,
Иду, лечу къ тебѣ подъ *фокомъ.* (16)

Или, коль не извѣстенъ мнѣ
Пунктъ (17) мѣста твоего, драгая,
По близости я въ той странѣ
Лежу на *дрейфѣ* (18), ожидая:
Лишъ ты отколь предпримешь путь,
Конструкцію (19) твою драгую
Узрю, хоть въ *горизонтѣ* (20) будь,
И въ мигъ тебя *запеленгую.* (21)

Тогда не медля ни часа
Къ тебѣ я *курсъ* (22) свой направляю,
Брасоплю (23), ставлю паруса,
Сержусь, кричу, повелѣваю,
Узловъ (24) по десяти несусь,
Держу въ *кильватеръ* (25) за тобою:
Но вдругъ отъ мыслей пробужусь,
И зрю, что льстился я мечтою.

ОБЪЯСНЕНІЕ

Морскихъ употребленныхъ въ сей пѣснѣ словъ.

---

(1) *Шквалъ*: Сильный порывъ вѣтра, вдругъ набѣгающій, такъ что легко можетъ сломить мачты, естьли парусовъ убрать не успѣютъ.

(2) *Штиль*: Тишина, спокойствіе, безвѣтріе на морѣ.

(3) *Брандскугели*: чугунныя, начиненныя порохомъ, зажигательныя ядра, которыя бросаютъ на непріятельскіе корабли.

(4) *Руль* у корабля, какъ умъ у человѣка, управляетъ всѣми его дѣйствіями и движеніями.

(5) Изъ двухъ сражающихся между собою кораблей, побѣжденный, въ знакъ, что покоряется и отдается въ плѣнъ, спускаетъ флагъ свой.

(6) *Буксируется*, говорятъ о суднѣ, когда оно, привязанное къ другому движущемуся судну, за нимъ послѣдуетъ.

(7) *Нактоузъ*, съ Нѣмецкаго *nacht-haus* (ночной домъ), родъ ящика или поставца, въ которомъ хранятся компасы съ намагниченными стрѣлками, указующими сѣверъ и прочія страны свѣта.

(8) *Мальштромъ*, извѣстная при Нордвежскихъ берегахъ пучина, издалека притягивающая къ себѣ воду.

(9) *Лавировать*, при противномъ вѣтрѣ ходить изъ стороны въ сторону, подвигаясь понемногу впередъ.

(10) *Яхта*: судно, богато украшаемое, которое нарочно строится для путеплаванія на немъ царскихъ лицъ или знаменитыхъ особъ.

(11) *Фрегатъ*: Второе величиною по кораблѣ судно, большою частію употребляемое для разныхъ посылокъ.

(12) *Марсель*: среднїй на мачтѣ парусъ.

(13) *Брамсель*: верхнїй на мачтѣ парусъ.

(14) *Штормъ*: самый крѣпкій вѣтръ, буря.

(15) *Трюмъ*, нижняя часть корабельной внутренности, куда кладется всякаго рода грузъ.

(16) *Фокъ*: нижнїй парусъ на передней (т. е. носовой) сего жъ имени мачтѣ. Во время бури, для предохраненія мачтъ отъ силы вѣтра, всѣ другіе паруса убираютъ, оставляя сей одинъ, для быстрѣйшаго движенія и уменшенія качки корабля.

(17) *Пунктъ*: мѣсто корабля на картѣ обыкновенно означается *пунктомъ*, то есть точкою.

(18) *Дрейфъ*: когда корабль, ожидая чего-либо, не хочетъ продолжать своего пути, ниже лечь на якорь, то онъ располагаетъ паруса свои такъ, чтобъ одними изъ нихъ побуждался идти въ передъ, а другими назадъ. Симъ обрзомъ онъ *дрейфуетъ*, то есть, имѣя малое весьма движеніе въ бокъ, пребываетъ какъ бы на одномъ мѣстѣ.

(19) *Конструкція*: образъ построенія корабля.

(20) Говорится: корабль видѣнъ *въ горизонтѣ*, то есть очень далеко.

(21) *Запеленговать*: замѣтить по компасу въ какой сторонѣ какой предметъ отъ насъ видѣнъ.

(22) *Курсъ*: путь, черта, по которой корабль плыветъ.

(23) *Брасопить*: устанавливать паруса, такъ чтобъ вѣтръ надувалъ ихъ.

(24) *Узелъ*: Длинная нитка, раздѣленная на равныя части, означенныя узелками, для измѣренія разстоянія, переплываемаго кораблемъ въ опредѣленное время.

(25) Говорится: *идти въ кильватеръ*, когда одинъ корабль, лежа на одной чертѣ съ другимъ, идетъ за нимъ.

ОДА

на покореніе Польши. *)

На время трудъ свой отлагая,
Въ которомъ днесь я упражненъ,
Геройской славою прельщенъ,
Свои я силы напрягаю,
И кроткій простирая гласъ
Къ тебѣ взываю на Парнасъ,
Богъ стихотворства, Муссикіи,
Дай громку лиру мнѣ свою,
Да славу я на ней Россіи
Тебя достойно воспою.

Какая можетъ съ ней сравниться
Земля обиліемъ отрадъ?
Россійскихъ мужественныхъ чадъ
Кто подвигамъ не удивится?
Блаженная изъ всѣхъ страна,
Златая часть тебѣ дана.
Въ любви къ царю и Богу тая,
Какой народъ толико лѣтъ
Спокойны годы провождая
Въ толикомъ щастіи цвѣтетъ?

---

*) Ода сія сочинена во время лютой свирѣпствовавшей во Франціи революціи.

Разсѣянъ по лицу вселенной
На полушаріи земномъ,
Подъ орлимъ скипшромъ и крыломъ
Ты прославляешь вѣкъ блаженной;
Щасшливѣйшій изъ всѣхъ племенъ,
Не знаешь пагубныхъ премѣнъ;
На злачныхъ шакъ лугахъ обширныхъ.
Пасомы пасшыря рукой,
Сшада́ шѣльцовъ и агнцовъ жирныхъ
Вкушаюшъ сладосшный покой.

То агнцы кропкіе, доколѣ
Рогъ пасшырскій не возвѣсшишъ,
Что врагъ зломыслящій спѣшишъ
Въ ихъ мирное ворващься поле:
Тогда полки пресшрашныхъ львовъ,
Сверкая осшріемъ зубовъ,
Изъ нихъ немедленно явяшся,
Караюшъ дерзкаго врага,
И паки мирно возврашяшся
Пасшися на свои луга.

Коликой славой возвышаешъ
Монархиня свою сшрану!
Намъ радосшную шишину
Война преславна возвращаешъ.
О коль мы щасшливы шобой,
На шронъ всевышняго судьбой

Ко щастью нашему избранна!
Ты красная для насъ весна:
Тобой, какъ солнцемъ осіянна,
Ликуетъ Росская страна.

Подобно чистому кристалу
Во градѣхъ свѣтитъ красота.
Войдемъ въ судебныя мѣста:
Тамъ совѣсть предсѣдитъ зерцалу.
Художествъ и наукъ соборъ
Увеселяютъ умъ и взоръ.
Но Росски сильны сколь защиты,
Воззри на флотъ и войски тамъ,
Главы ихъ, лаврами покрыты,
Взоръ грозный мещутъ ко врагамъ.

Россіяне, мы видимъ ясно
Господню благодать на насъ,
Намъ должно, вознося свой гласъ,
Благодарить его всечасно;
Онъ, кротость нашу возлюбя,
Являетъ намъ вездѣ Себя:
Чтобъ нашу премѣнить судьбину,
Не Онъ ли даровалъ Петра?
Не Онъ ли днесь Екатерину
Для общаго послалъ добра?

Щедроту чувствуя премногу,
Икарамъ не сравнимся симъ,
Что суемудріемъ своимъ,
Всевышнему противясь Богу,
На солнце воспарить хотятъ,
И въ буйствѣ небеса хулятъ.
О коль престрашныя мракъ ночи
Страну нещастну ту покрылъ,
Отъ коей Богъ свой слухъ и очи
Во гнѣвѣ яромъ отвратилъ!

Тамъ безначаліе, сей лютый,
Стоглавый, ядовитый змѣй,
Прегнусной выею своей
Вкругъ селъ и градовъ изогнутый,
Гражданъ нещастныхъ кровь сосетъ,
Хвостомъ віющимся біетъ,
Какъ нѣкіимъ тяжелымъ млатомъ;
Убійствомъ и войной дышитъ,
И въ царствѣ сильномъ и богатомъ
Все сокрушаетъ, пустошитъ.

Стеняща добродѣтель бѣдна,
Съ потупленною тамъ главой,
Сѣдитъ и кровь ліетъ рѣкой,
Когтьми порока изъязвленна.
Тамъ за невинностью, о страхъ!
Съ мечемъ убійственнымъ въ рукахъ,

Скрежещущая злость зубами,
Бѣжитъ — разитъ вознесши длань,
И топчетъ мертвую ногами,
Какъ тигръ поверженную лань.

Тамъ хищна праздность приступаетъ
Въ раздранномъ рубищѣ своемъ
Ко трудолюбію съ ножемъ,
Задумчиваго въ бокъ пронзаетъ:
Межъ тѣмъ, какъ кровь его течетъ,
Она рукою наглой рветъ
Его одежды, совлекая,
И то, что скоплено трудомъ,
Единымъ мигомъ расточая
Въ пустыню превращаетъ домъ.

Тамъ нѣтъ ко ближнему любови,
И жалость внутрь сокрылась горъ,
Безъ нихъ губительный топоръ
Ліетъ повсюду токи крови;
Сердцà содѣлавшись кремнемъ
Убійствомъ дышутъ и огнемъ:
Столѣтнихъ старцевъ упадаетъ
Сѣдая срубленна глава,
И мечъ свирѣпый прободаетъ
Младенцевъ рождшихся едва!

---

*

Коль лютъ, о смертный, ты и злобенъ,
Когда злочестія въ волнахъ
Забвенъ тобою Божій страхъ!
Ты звѣрю дикому подобенъ.
Но что? Довольно ли сихъ золъ,
Свирѣпствъ, злодѣйствъ, клеветъ, крамолъ,
Которыхъ слухъ какъ громъ коснется
Потомковъ нашихъ ушесамъ?
Ахъ, нѣтъ! адъ самый содрогнется
Внимая страшнымъ симъ дѣламъ!

Тамъ подозрѣнье ежедневно
Глаза кровавы искося,
Какъ змій ползущій, ядъ нося,
По стогнамъ ходитъ сокровенно:
За каждый смѣхъ, улыбку, рѣчь,
Главы ссѣкаетъ острый мечъ.
Имуща кровью обагренны
Зловредныя свои уста,
Тамъ мещетъ стрѣлы изощренны
Въ невинность, злая клевета.

Въ темницахъ, крѣпко огражденныхъ,
Нѣтъ мѣстъ для множества людей,
Женъ, старцевъ, юношъ и дѣтей,
На смерть поносну осужденныхъ!
Вселяющее въ жилы мразъ
Ужасно зрѣлище для глазъ:

Тамъ всякой помощи лишенны
Больные съ мертвыми лежатъ,
Младенцы наги, изнуренны,
Не внемлемы ни кѣмъ кричатъ!

Неслыханны нигдѣ злодѣйства!
Тамъ согнанны въ единый кругъ,
Отъ града пуль пущённыхъ — вдругъ
Падутъ премногія семейства!
Страдальцевъ жалостный конецъ
Не можетъ тронуть злыхъ сердецъ,
О злость несытая! О горе!
Тамъ цѣлыя съ людьми суда
Нарочно вверженныя въ море,
Глотаетъ хладная вода!

Въ какомъ народѣ то бывало,
И самъ слыхалъ ли адъ презлой,
Чтобы для погубы людской
Орудій гдѣ не доставало?
Чтобъ нужно было вымышлять,
Какъ разомъ многихъ умерщвлять?...
Другъ смертныхъ! ты сквозь слезны токи
Стенящій вопишь мнѣ: постой,
Прерви, прерви сей гласъ жестокій...
Увы! я плачу самъ съ тобой.

Но тамъ покою быть не можно,
Гдѣ пустъ святый оставленъ храмъ,
На мѣсто вѣры гдѣ, о срамъ,
Сидитъ злочестіе безбожно!
Гдѣ рушенъ Божескій законъ,
Гдѣ царскій попранъ скиптръ и тронъ,
Гдѣ самъ монархъ, сердцами злыми,
Какъ древнихъ мученикъ временъ,
Со всѣми ближними своими
Лежитъ злодѣйски убіенъ.

Откуду мысли толь презлыя,
Откуду мерзкая любовь,
Чтобъ лить себѣ подобныхъ кровь?
Откуду лютости такія?
Знать праведный во гнѣвѣ Богъ,
Къ преступникамъ являясь строгъ,
Свои отъялъ пресвѣтлы очи
Отъ недостойныхъ оныхъ чадъ:
Тогда изшедъ изъ вѣчной ночи
Межъ ними водворился адъ.

Сія страна, что позабыла
И Бога и законъ и смертъ,
По всей вселенной распростерть
Свое ученіе возмнила.
О гордыхъ мыслей слѣпота!
Но чудналь въ ней сія мечта?

Тому, злочестія кто духомъ
И завистію вдохновенъ,
Пріятнымъ бы то было слухомъ,
Когда бъ весь свѣтъ былъ разоренъ.

Лукавый добраго страшится:
Такъ и странѣ противенъ злой;
Цвѣтущей области покой,
Она его разрушить тщится.
На тронъ, премудрость гдѣ сѣдитъ,
На славу, коей та гремитъ,
Она завистный взоръ бросаетъ,
Какъ тартаръ злобствуя на рай,
И губы въ ярости кусаетъ,
Щастливый, сильный видя край.

И такъ сокровищъ не жалѣетъ,
И въ тѣ державы злато шлетъ,
Въ которыхъ къ намъ изъ давнихъ лѣтъ
Вражда и зависть нѣка тлѣетъ;
Металломъ блещучи драгимъ,
О пользахъ ихъ толкуетъ имъ;
Однако тщетно разносился
Сея Сирены хитрый гласъ,
Никто изъ нихъ не покусился
Поднять оружіе на насъ.

Единый токмо ослѣпленный
Впадаетъ въ сѣть сію народъ;
Бурливыхъ не страшась погодъ
Идетъ на брань вооруженный.
Пружина дерзкихъ супостатъ,
Пріемля буйный ихъ развратъ,
На пагубу свою стремится,
И словомъ вольности пустымъ
Въ безуміи своемъ гордится,
Какъ нѣкимъ благомъ вседрагимъ.

Но мракъ отрясши ослѣпленья
Почто ты прежде не воззрѣлъ
На тьму злодѣйскихъ, страшныхъ дѣлъ,
Достойныхъ вышняго презрѣнья,
Которыми наставникъ твой,
Подъ видомъ вольности такой,
Сталъ кровопійцею, тираномъ?
Какъ умная, словесна тварь
Могла, прельстившись симъ обманомъ,
Воздвигнуть оному олтарь?

Однакожъ ею ты прельстился,
И въ первыхъ подвигахъ твоихъ,
Достойный подражатель ихъ,
Едва ты съ ними не сравнился:
Ты ночью на своихъ друзей,
На воиновъ, въ землѣ твоей,

Средь града твоего живущихъ,
Тебя отъ внутреннихъ крамолъ
И отъ зломыслія брегущихъ,
Напалъ, какъ нѣкій буйный волъ.

Толь наглое коварство зряща
И сожалѣюща о немъ,
Во гнѣвѣ праведномъ своемъ,
На тронѣ Росскомъ возсѣдяща,
Премудрая Россіянъ мать
Велитъ оружіе подъять:
И се въ Европѣ знаменитый,
Герой, славнѣйшій по Петрѣ,
Свой мечъ весь лаврами обвитый
Препоясуетъ по бедрѣ.

Монаршу волю исполняетъ,
Надъ войсками пріемлетъ власть,
И знатну отрядивши часть,
Вождю прехраброму вручаетъ.
Сей съ воинствомъ своимъ грядетъ,
И все, что есть предъ нимъ, падетъ:
Такъ Океянъ волнами плещетъ,
Такъ сильна буря ломитъ лѣсъ,
Такъ молніи изъ облакъ мещетъ
Во гнѣвѣ яростномъ Зевесъ.

Ужé ихъ войски расточенны
Бѣгутъ по блатамъ и лѣсамъ,
Ихъ вождь и предводитель самъ
Низверженъ долу стонетъ плѣнный.
Скопляется въ столицу врагъ,
Но взятъ и той, разметанъ *Прагъ.* *)
Тогда прогнѣванну Россію
Врагъ буйный со вредомъ позналъ,
И горду преклоняя выю
Къ ногамъ ея смиренно палъ.

Покойся Росская держава,
Расторгнутъ злости хитрый ковъ;
Рушитель мира сверженъ въ ровъ;
Твоя, Монархиня! Варшава.
Ты нашей славы взносишь рогъ;
Тебя благословляетъ Богъ;
Его мы благость познаваемъ
И безконéчность всѣхъ щедротъ,
Когда на образъ твой взираемъ,
Подобіе его добротъ.

---

*) Предмѣстіе, называемое Прагою.

ОДА

На побѣду, одержанную надъ Шведскимъ флотомъ подъ Ревелемъ, Мая 2 числа 1790 года. *)

Боязнь, стѣснявшу Россій духъ,
Какая радость прогоняетъ?
Правдивъ ли сей разнесся слухъ,
Что всякъ съ восторгомъ днесь внимаетъ?
Ликуй Россійская Держава!
Твоя растетъ повсюду слава;
И тамъ, гдѣ рокъ въ твоихъ очахъ
Тебѣ напастью угрожаетъ,
Защитникъ Богъ, расторгнувъ страхъ,
Побѣды лавръ тебѣ вручаетъ.

---

*) См. подробное описаніе о сей побѣдѣ въ особой книгѣ подъ названіемъ: *Военныя дѣйствія Россійскаго флота противъ Шведскаго въ 1788, 89 и 90 годахъ*, (стран. 130).

Успѣлъ заранѣе твой врагъ,
Не воспященъ, какъ ты, зимою,
По вѣтрамъ распустить свой флагъ,
Помчался къ Ревелю стрѣлою.
Нашъ флотъ въ двѣ части раздѣленъ:
О коль сталъ гордый Шведъ надменъ!
Здѣсь вóды льдомъ еще покрыты,
Мы заперты сидимъ—онъ тамъ!
И флотъ и Ревель безъ защиты: *)
Коль тяжко нашимъ то сердцамъ!

Мы въ ревности своей природу
Стремимся одолѣть трудомъ,
Чтобъ путь отверзть себѣ чрезъ воду,
Отягощенну твердымъ льдомъ;
Ужé презрѣвъ жестоки хлады
Выводимъ тяжкія громады,
И крѣпкій мостъ морской крушимъ **)

---

*) По окончаніи кампаніи 1789 года, главная часть флота нашего, по причинѣ тѣсноты Ревельской гавани, отправилась на зимовку въ Кронштадъ. Съ наступающею потомъ весною, прежде нежели ледъ позволилъ Кронштадскому флоту выступить въ море для соединенія съ Ревельскимъ, Шведскій флотъ, состоявшій изъ тритцати кораблей, пришелъ къ Ревелю для истребленія находившейся тамъ части нашего флота.

**) Въ Кронштадѣ прорубали ледъ, употребляя всевозможные способы, дабы скорѣе корабли

Но трудно съ естествомъ тязаться.
Межъ тѣмъ Шведъ началъ приближаться:
Зима заступой служитъ имъ.

Гордятся, идутъ безопасно,
Собравши тритцать кораблей,
Мечтаютъ въ мысляхъ повсечасно,
Какъ флотъ сожгутъ среди зыбей,
Какъ наши силы уничтожатъ,
Свои побѣды какъ размножатъ,
Преклонятъ Ревеля главу,
Потóмъ достигнутъ до Кронштата,
Въ Петровомъ градѣ много злата
Возьмутъ и пóйдутъ подъ Москву! *)

Постойте дерзновенны Шведы,
Мечтой не ослѣпляйте зракъ,
Не такъ надъ Россами побѣды
Легки, какъ мните вы, не такъ!
Далеко до Руна златова;
Сперва сломите Чичагова. **)

вывести изъ гавани и отправить ихъ въ Ревель; но всѣ старанія предупредить Шведской флотъ были безуспѣшны.

*) Извѣстны тогдашнія гордыя мечтанія Короля Шведскаго.

**) Адмиралъ Чичаговъ, начальствовавшій надъ всемъ флотомъ, посланъ тогда былъ въ Ре-

Сей мужъ былъ въ сѣверныхъ странахъ,
Боролся нѣкогда со льдами; *)
Возросшій на морскихъ волнахъ
Умѣетъ побороться съ вами.

Его вы зрѣли прошлый годъ:
Почто въ сраженье не вступали?
Имѣя превосходный флотъ,
Почто тогда вы не напали?
Вамъ вѣтръ не дѣлалъ въ томъ препонъ.
Почто вы скрылися въ Карлскронъ? **)
Вамъ храбрость Россовъ не по нраву,
Ихъ стройность флота не люба́;
Вы тамъ искать хотите славу,
Гдѣ сила противъ васъ слаба́,

Искусство съ вашимъ гдѣ не равно,
Иль мало жертвы проситъ бой;

вель для предводительства и распоряженія находившимися тамъ десятью кораблями.

*) Онъ ходилъ къ сѣверному полюсу. Ломоносовъ о немъ сказалъ:

Колумбъ Россійскій черезъ воды
Спѣшитъ въ незнаемы народы
Твои щедроты возвѣстить.

**) См. въ вышеозначенной книгѣ *Военныя дѣйствія Россійскаго флота*, стран. 59 и послѣдующія.

Вы побѣждаете тамъ славно,
И всякой тамъ изъ васъ герой!
Васъ случай нынѣ ослѣпляетъ,
Пути къ побѣдамъ вамъ являетъ:
Россійскій раздѣленъ сталъ флотъ,
Зима претитъ соединенью,
Сей въ Ревелѣ, въ Кронштатѣ тотъ:
Се случай добрый къ нападенью!

Гордяся превосходствомъ силъ,
Смѣлѣе ставъ чѣмъ прежде были,
О храбромъ вы вождѣ забыли:
Нашъ малый флотъ вашъ умъ прельстилъ.
Ступайте, Готѳы, ликовствуйте,
Сражайтесь храбро, торжествуйте,
На вашей щастіе странѣ;
Вошедъ, рукой побѣдоносной
Поставьте флотъ нашъ весь въ огнѣ,
Берите всѣхъ насъ въ плѣнъ поносной!

Но что я слышу? внемлю что?
Вступили Шведы въ брань кроваву—
Кто цѣлъ изъ нашихъ, кто?—
Всѣ раздѣляютъ славу:
Разбитъ и прогнанъ врагъ,
Тотъ на мѣль сѣлъ, тотъ сбросилъ флагъ;
Съ своею силой троекратной,

За посѣщеніе сіе
Принцъ Карлъ предпринялъ путь обратной,
Оставя имя намъ свое. *)

СТИХИ

для начертанія на гробницѣ Суворова.

Остановись прохожій!
Здѣсь человѣкъ лежитъ на смертныхъ не похожій:
На крылосѣ въ глуши съ дьячкомъ онъ басомъ пѣлъ, (1)
И славою какъ Петръ иль Александръ гремѣлъ.
Ушатомъ на себя холодную лилъ воду, (2)
И пламень храбрости вливалъ въ сердца народу.
Не въ латахъ, на коняхъ, какъ Греческій герой, (3)
Не со щитомъ златымъ, украшеннымъ всѣхъ паче (4)
Съ нагайкою въ рукахъ, и на козацкой клячѣ,
Въ едино лѣто взялъ полдюжины онъ Трой. (5)
Не въ броню облеченъ, не на холму высокомъ,
Онъ брань кровавую спокойнымъ мѣрилъ окомъ,
Въ рубахѣ, въ шишакѣ, предъ войсками верхомъ, (6)

---

*) Зюдерманландскій Герцогъ Карлъ предводительствовалъ тогда Шведскимъ флотомъ, и корабль, доставшійся въ сіе время намъ въ добычу, назывался его именемъ: Принцъ Карлъ.

Какъ молнія сверкалъ, и поражалъ какъ громъ.
Съ полками тамъ ходилъ, гдѣ чуть летаютъ
птицы. (7)
Жилъ въ хижинахъ простыхъ, и покорялъ
столицы. (8)
Вставалъ по пѣтухамъ (9), сражался на
штыкахъ; (10)
Чужой народъ его носилъ на головахъ. (11)
Одною пищею съ солдатами питался. (12)
Цари къ нему въ родство, не онъ къ нимъ
причитался. (13)
Былъ двухъ Имперій вождь (14); Европу удивлялъ;
Сажалъ Царей на тронъ, и на соломѣ спалъ. (15)

ОБЪЯСНЕНІЯ.

(1) Суворовъ за нѣкоторое смѣлое противурѣчіе Императору Павлу Первому отозванъ былъ отъ войскъ и сосланъ въ село свое *Канчанское* Новгородской губерніи въ Боровицкомъ уѣздѣ. „Тамъ (говоритъ о немъ жизнеописатель его Фуксъ) часто побѣдоносная рука его „звономъ колокола призывала жителей въ священный храмъ, гдѣ старецъ сей, исполненный „Вѣры, пѣлъ вмѣстѣ съ церковными служителями хвалы Божеству.“ Когда потомъ Павелъ Первый, по прозбѣ Австрійскаго Императора прислать къ нему Суворова для принятія верховнаго повелительства надъ войсками, призвалъ его къ себѣ, и посылая съ нимъ также и свои противъ Французовъ войска, произнесъ къ нему сіи достопамятныя слова:

„иди спасать Царей;“ тогда Суворовъ, отправляясь въ путь, сказалъ: „я пѣлъ басомъ, а теперь ѣду пѣть барсомъ.“

(2) Онъ имѣлъ привычку для укрѣпленія членовъ своихъ часто обливаться холодною водою.

(3) Ахиллесъ.

(4) См. въ Иліадѣ описаніе Ахиллесова щита, коней и колесницы.

(5) Онъ не щеголялъ красивостію и бѳрзостію коня своего: садился на простую козацкую лошадь, и на ней съ плѣтью въ рукѣ, называемою нагайкою, разъѣжалъ по полкамъ.

(6) Онъ не могъ сносить лѣтнихъ жаровъ, и потому (естьли не по особой любимой имъ необычайности) часто среди самаго пылкаго сраженія видали его скачущаго верхомъ въ одной рубахѣ; но никогда не скидывалъ онъ съ головы своей шлема, въ которомъ даже дома и при женщинахъ хаживалъ.

(7) Извѣстенъ славный переходъ его чрезъ Альпійскія горы.

(8) Варшаву, Медіоланъ, Туринъ, и проч. Онъ не любилъ великолѣпія и пышности; жилъ всегда въ простыхъ покояхъ, безъ зеркалъ и безъ всякихъ украшеній. Въ пищѣ наблюдалъ умѣренность. Дворецкому своему приказывалъ насильно отнимать у него блюды, и жаловался всѣмъ, что онъ ему ѣсть не даетъ.

(9) Суворовъ, когда надлежало идти въ походъ, никогда въ приказахъ своихъ не назначалъ часу, въ которой выступать; но всегда приказывалъ быть готовыми по первымъ пѣтухамъ; для того выучился пѣть по пѣтушьи, и когда время наставало идти, то выходилъ онъ самъ и крикивалъ: *кокореку!* голосъ его немедленно разносился повсюду, и войско тотчасъ подымалось и выступало въ походъ. Казалось онъ нарочно придумывалъ сіи странности, дабы по-

средствомъ ихъ избавляться иногда отъ такихъ переговоровъ и объясненій, которыя были для него или непріятны или затруднительны. Онъ не опасался ими затьмить славу свою; ибо могъ сказать о себѣ подобное тому, что въ Метастазіевой оперѣ говоритъ о себѣ Ахиллесъ, проведшій отроческія лѣта свои въ женскомъ одѣяніи на островѣ Сциросѣ:

.... gli ozj di Sciro
scuserà questa spada, e forse tanto
occuperò la fama
co' novelli trofei,
che parlar non potrá de' falli miei.

то есть:

„Праздность проведенныхъ мною на Сциросѣ „дней оправдаю я симъ моимъ мечемъ, и мо„жетъ быть новыми побѣдами столько озабочу „славу, что не успѣетъ она говорить о моихъ „проступкахъ.“ — Въ присылаемыхъ донесеніяхъ Суворовъ не описывалъ побѣдъ своихъ пространными объясненіями. По взятіи Турецкой крѣпости Туртукая, онъ написалъ къ Императрицѣ:

Слава Богу, слава Вамъ,
Туртукай взятъ и я тамъ.

(10) Извѣстно, что Суворовъ бѣлое оружіе, то есть штыки въ рукахъ Рускихъ воиновъ, почиталъ всегда средствомъ превосходнѣйшимъ къ побѣжденію непріятеля, чѣмъ ядра и пули. Пословица его была: „пуля дура, штыкъ молодецъ.“

(11) Въ Италіи, когда онъ въѣзжалъ въ какой городъ, народъ выбѣгалъ на встрѣчу къ нему, отпрягалъ лошадей у его кареты, и везъ его на себѣ. Однажды случилось, что въ самое то время, когда онъ приближался къ освобожденному имъ отъ Французовъ городу, нагналъ его посланный изъ Петербурга съ письмами къ нему Офицеръ. Онъ посадилъ его въ свою карету, и когда народъ выбѣжалъ и повезъ его на

себѣ, то онъ улыбнувшись спросилъ у Офицера: „случалось ли тебѣ ѣздить на людяхъ?“ Офицеръ съ такою же улыбкою отвѣчалъ ему: „случалось, ваша свѣтлость, когда бывало въ робячествѣ игрывалъ шехардою.“

(12) Онъ часто ѣдалъ съ ними кашицу.

(13) Баварскій Король причислилъ его въ свои родственники.

(14) Россійскій Генералиссимусъ и Австрійскій Фельдмаршалъ, имѣвшій два почетныхъ прозванія: Рымникскій и Италійскій.

(15) Онъ не любилъ мягкихъ перинъ и пуховиковъ; сѣно и солома служили ему вмѣсто оныхъ.

НАДПИСИ

къ монументу Князя Италійскаго Графа Суворова Рымникскаго:

I.

Для обращенія всея Европы взоровъ
На образъ сей, въ мѣди блистающій у насъ,
Не нуженъ стихотворства гласъ,
Довольно молвить: се Суворовъ!

II.

Суворовъ здѣсь въ мѣди стоитъ изображенъ;
Но естьли хочешь знать сего героя славу,
Спроси Италію, Стамбулъ, Парижъ, Варшаву,
Царей, вельможъ, гражданъ, солдатъ, дѣтей и женъ.

СТИХИ

для подписанія въ низу картинки, извѣстной подъ названіемъ: la charité Romaine, которую срисовала Гр. Л. И. Куш. съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ въ Новой годъ подарить ее отцу своему.

Для васъ, родитель мой: рукою боязливой,
Дочернія любви примѣръ благочестивой
Изобразить я здѣсь намѣрена была;
Но больше чувствовать, чѣмъ чувство дать могла.

МАДРИГАЛЪ.

(*Переводъ съ Французскаго*).

Я клялся дорогой своей
По смерть мою быть вѣренъ ей,
И клятву написалъ въ лѣсочкѣ
На легкомъ древесномъ листочкѣ;
Внезапно дунулъ вѣтерокъ:
Прости и клятва и листокъ!

СТИШКИ.

(*Переводъ съ Французскаго*)

Ты мнѣ казалася прекрасна,
Какъ въ первый разъ я зрѣлъ тебя;
Но не была любви подвластна
Тогда еще душа моя.
Въ вторичное свиданье наше,
Свободу я терять начавъ,
Сталъ образъ находить твой краше,
Всего любезнѣе твой нравъ.
Потомъ твой разумъ съ красотою
Произвели во мнѣ любовь,
И чѣмъ я чаще былъ съ тобою,
Тѣмъ больше вспламенялась кровь.
Ахъ! естьлибъ воли не лишенный
Тогда я это предузналъ,
Коль силенъ жаръ тобой внушенный,
Любить бы я не начиналъ!

ИЗЪ ГОРАЦІЯ.

Когда бы небо за лукавства
Тебя хотѣло наказать,
Чтобъ съ меньшей силою пріятства
Могла любовникамъ ты лгать,
Увы! я и тогда ни мало
Не мыслилъ бы тебя забыть.
Ахъ! какъ невѣрною пристало
Тебѣ и вѣтреною быть!
Когда ты клятвамъ измѣняешь,
Когда обманываешь насъ,
Ты тѣмъ прелестнѣе бываешь,
Тѣмъ болѣе въ тебѣ заразъ.
Уста твои цвѣтутъ алѣе
Въ обманомъ полный разговоръ,
И кажется еще милѣе
Твой плутовской блистаетъ взоръ.
Когда ты съ хитрою наукой

Сплетаешь намъ и сѣть и ковъ
Даешь тѣнь матери порукой,
Зовешь въ свидѣтели боговъ,
Что клятвы ты не нарушаешь;
Пріятну ложь твою любя,
Хотя ты ихъ и оскорбляешь,
Они не гнѣвны на тебя;
Венера первая хохочетъ,
И юноша жестокій сей,
Что о кровавый камень точитъ
Огнистыя стрѣлы своей
Конецъ, обмазанный отравой,
Чтобъ ты насъ уязвляла той,
Смѣется, ставитъ лишь забавой
Онъ зло творимое тобой.
И что еще? Другихъ какъ мучитъ,
Тебѣ готовитъ тьмы наградъ,
Всѣмъ нравиться тебя онъ учитъ,
Вливая прелести въ твой взглядъ.
Тобою всякъ горитъ и тлѣетъ,
Вся юность для тебя растетъ,
Всякъ отрокъ для тебя лишь зрѣетъ:
Числа куримымъ жертвамъ нѣтъ.
Ахъ! сколько въ узы заключенныхъ
Толпятся у воротъ твоихъ,
И тщетно въ мысляхъ огорченныхъ
Клянутся снять, расторгнуть ихъ!
Старикъ, покрытый сѣдиною,

Боится сыну дать узрѣть,
Чтобъ тотъ увидяся съ тобою
Не впалъ въ твою прелестну сѣть;
Прекрасная собой супруга
Отъ страха по ночамъ не спитъ,
Боясь лишиться въ мужѣ друга,
Какъ на тебя онъ поглядитъ.

СТИХИ

на смерть Козловскаго, изваявшаго памятникъ Суворова.

О Россъ! остановись въ унылыхъ сихъ мѣстахъ,
Собрата твоего здѣсь почиваетъ прахъ.
Любитель истины, порядка и законовъ,
Другъ человѣчества, любимецъ Аполлоновъ,
Искусною рукой онъ марморъ оживлялъ,
Героевъ намъ, Царей, боговъ изображалъ.
Ко гробу хладному придутъ, придутъ потомки,
И Музы, въ честь ему воскликнувъ пѣсни громки,
Руками нѣжными цвѣты здѣсь будутъ рвать,
И съ каплющей слезой сей камень украшать.
Козловскій, ты вкусилъ всѣмъ общіе уставы,
Здѣсь прахъ твой погребенъ, но живъ ты въ храмѣ славы.

СТИХИ

къ Катеринѣ Ильинишнѣ Голенищевой - Кутузовой на смерть брата ея Гаврилы Ильича Бибикова.

Оплачь, Кутузова, ты брата своего;
Оплачемъ мы съ тобой, оплачемъ мы его:
Онъ былъ намъ общій другъ. Намъ нравъ его извѣстенъ:
Услужливъ, искрененъ, любезенъ, ласковъ, честенъ,
Друзей своихъ всегда душевно онъ любилъ,
Отецъ и братъ и другъ и мужъ хорошій былъ.
Богъ взялъ его къ себѣ, и нѣтъ его ужъ съ нами.
Омоемъ прахъ его мы горькими слезами,
Въ сердцахъ своихъ о немъ мы память сохранимъ;
Но горесть мы свою уму поработимъ.
Не долговременно на свѣтѣ все бываетъ:
Сегодня для меня лучь солнца погасаетъ,
А завтра для другихъ погаснетъ также онъ;
Жизнь наша — мигъ одинъ; смерть — неизвѣстный сонъ.
Для тѣхъ, умѣетъ кто любить чистосердечно,

Лишеніе друзей есть тяжка скорбь, конечно;
Но къ скорби сей велитъ разсудокъ привыкать:
Мы съ тѣмъ сотворены, чтобъ року уступать.
Изъ сердца вырвать тернъ колючій какъ ни
трудно,
Съ необходимостью тягаться безразсудно;
Какъ хочешь плачь и рвись, какъ хочешь сожалѣй,
Мы только лишню дань слезами платимъ ей;
Она законъ свой чтитъ ненарушимо, свято,
И что ужé взяла, то невозвратно взято.
Таковъ есть жребій нашъ, что должно намъ умѣть
И съ хладомъ и съ огнемъ бороться и терпѣть;
Побѣды одержать не можемъ надъ судьбою,
Мы иначе, какъ лишь побѣдой надъ собою.
Не въ томъ есть долгъ друзей, чтобъ вѣчно
слезы лить,
И мертвыхъ можемъ мы, какъ и живыхъ, любить,
Отсутственъ онъ отъ насъ, но чувствіе сердечно,
Но духъ и зракъ его пребудутъ съ нами вѣчно.
Смертъ лютая его отъ нашихъ глазъ сокрывъ,
Взяла, но не всего; еще онъ въ дѣтяхъ живъ,
Еще на свѣтѣ семъ живетъ его супруга;
Единое, что намъ осталось отъ него.
Любить любимыхъ имъ велитъ намъ должность
друга,
Мы тѣмъ лишь воздадимъ за дружбу къ намъ его;
Обязанности сей священной исполненье
Есть лучша дань ему, чѣмъ скорбь и сокрушенье.

КРАТКІЙ РАЗГОВОРЪ

между двумя пріятелями о смерти троихъ добрыхъ людей, не въ старыхъ еще лѣтахъ вскорѣ одинъ послѣ другаго умершихъ.

ПЕРВОЙ.

Добрынинъ, Благосердъ, и бѣдный Прямиковъ,
Другъ за другомъ спѣша, какъ искры погасаютъ,
Ихъ добрыя дѣла отъ смерти не спасаютъ;
Вотъ бренность нашихъ дней! вотъ человѣкъ каковъ!

ДРУГОЙ.

Ну чтожъ такое?
Какая въ томъ бѣда?
Пришла ихъ череда:
Изъ столькихъ тысячь многоль трое?

ПЕРВОЙ.

Въ сравненіе число народа взявъ,
Ты правъ;
Но ежели разсудимъ строго,
То трое изъ честныхъ людей,
Ей, ей,
Пріятель, очень много.

ДУЁТЪ,

(*которой поютъ женихъ и невѣста*).

НЕВѢСТА.

Взгляни въ какой
Я радости днесь зрюся;
Что скоро сопрягуся,
Мой свѣтъ, съ тобой!

ЖЕНИХЪ.

Съ тобою, въ бракъ вступая,
Сколь щáстливъ я!
Душа моя
Не зритъ веселью края.

НЕВѢСТА.

Для лучшаго ему пріятства,
Любовь, умножь красы мои!

ЖЕНИХЪ.

Для лучшаго ты ей пріятства,
Любовь, укрась черты мои!

ОБА.

О бракъ! о щастіе безмѣрно!
Плоды съ любови собирать,
Упрековъ совѣсти не знать,
Любить другъ друга вѣрно!

СТИХИ

сочиненные при возшествіи на Престолъ Императора АЛЕКСАНДРА Перваго.

На тронѣ Александръ! великъ Россійскій Богъ!
Ликуетъ весь народъ и церковь и чертогъ.
Твердятъ Россіяне и сердцемъ и устами:
На тронѣ Александръ! рука Господня съ нами.
Вельможа и пастухъ и воинъ и купецъ
Во храмѣ вопіютъ изъ глубины сердецъ:
О Боже праведный! Твоей святой рукою
На тронѣ Александръ; Ты съ нимъ и онъ съ Тобою.
Съ надеждою въ груди, съ веселіемъ въ очахъ,
Въ спокойныхъ, въ радостныхъ взываютъ всѣ сердцахъ:
Съ нимъ правосудіе возсядетъ на престолѣ;
Любя отечество, храня его покой,
Съ Екатерининой великою душой,
Онъ будетъ новый Петръ и на судѣ и въ полѣ.

НАДПИСЬ

къ ветхому Петра Великаго ботику, сочиненная въ день празднованія столѣтія Петербургу.

Извѣстно какимъ образомъ Петръ Великій нашелъ малый ботикъ, воспламенившій въ немъ охоту къ мореплаванію, и подавшій ему мысль о заведеніи въ Россіи флота. Извѣстно также, что по прошествіи двадцати лѣтъ, когда уже число Россійскихъ на Балтійскомъ морѣ кораблей и фрегатовъ простиралось до двадцати пяти и болѣе, Государь Петръ Великій оказалъ сему ботику, яко отцу Россійскаго флота, великую почесть, и называлъ его *дѣдомъ*. Въ день празднованія столѣтія Петрову граду, ботикъ сей, находившійся доселѣ въ Петропавловской крѣпости, взятъ былъ оттуда, и поставленъ на стоявшій посреди Невы, между многими другими кораблями и судами, стопушечный корабль Гавріилъ. Корабль сей, яко одинъ изъ величайшихъ, каковые въ морскихъ ополченіяхъ бываютъ, представлялъ собою всю Россійскую мор-

скую силу; число пушекъ на немъ изображало празднуемое число лѣтъ, протекшихъ отъ заложенія Петербурга и заведенія Россійскаго флота; постановленіе на него въ возвышенномъ мѣстѣ ботика знаменовало, что одинъ изъ многочисленныхъ морскихъ исполиновъ, какъ бы отъ лица всѣхъ ихъ избранный, посланъ: да при знаменитомъ торжествѣ семъ, въ знакъ благодарности и почтенія, на рукахъ своихъ могущественныхъ и сильныхъ, держитъ малаго и ветхаго дѣда своего, давшаго ему и всѣмъ имъ бытіе.

НАДПИСЬ:

Сихъ чадъ, что подъ тобой, огромныхъ и крылатыхъ,
Сихъ внучатъ, силами и красотой богатыхъ,
Звучащихъ славою безчисленныхъ побѣдъ,
Явясь очамъ Петра, родилъ ты, ветхій дѣдъ.

СТИХИ КЪ ПЕТЕРБУРГУ.

Болото было гдѣ, и дулъ по лужамъ вѣтръ,
Да будетъ тамо градъ краснѣйшій райска крина,
Пророкъ великій Петръ:
Я камень положу, свершитъ Екатерина. *)

*) Разумѣется вторая, не меньше великая.

БАСНЯ.

(Подражательный переводъ съ Нѣмецкаго)

Такія ходятъ вѣсти,
Что будто бы назадъ тому лѣтъ двѣсти,
А можетъ быть пятьсотъ,
Или еще и болѣ,
Звѣриный весь народъ,
Въ лѣсахъ и въ полѣ,
Былъ нѣкогда ученъ,
Подобно людямъ просвѣщенъ:
Бараны мудрые у нихъ писали,
А прочіе учились и читали;
И всякой ихъ писецъ
Старался, чтобъ начало,
Средина и конецъ,
Въ его твореніяхъ, какъ лучшій образецъ,
Умомъ и правдою и кротостью дышало.
За книгами смотрѣлъ медвѣдь,
Прозваніемъ *Мурчало;*
Онъ позволялъ всѣмъ ворковать и пѣть,

Но запрещалъ кусаться, лаяться, шипѣть.
Вдругъ жалобы возстали,
Всѣ въ голосъ закричали:
„Какъ можно намъ терпѣть,
„Чтобъ наши сочиненья,
„И въ нихъ слова и мнѣнья,
„Оспоривалъ медвѣдь?
„Мы просвѣщеніе распространяемъ,
„И ничьему себя суду не покоряемъ."
Левъ приказалъ медвѣдя запереть,
И далъ указъ: „да знаютъ всенародно,
„Что сочиненія искуство благородно,
„Отнынѣ навсегда отъ всякихъ узъ свободно."
Лишъ только сей указъ
Въ народѣ появился,
Умолкъ барановъ мудрыхъ гласъ,
Но всякъ другой писать пустился,
Полезли грудой на Парнасъ,
Козлы, лисицы, кошки, крокодилы,
Собаки, свиньи, сивучи, быки,
Кроты, лягушки, стрекозы, сверчки,
Свистятъ, шипятъ, пищатъ, мяучатъ изъ всей силы,
И самъ съ ушами длинными оселъ,
Разинулъ ротъ и заревѣлъ.
Всѣ принялися за чернилы
И ну писать!

Всѣхъ прежнихъ въ грошъ не ставитъ,
Себя хвалитъ и славитъ,
Доказывать и толковать,
Кому и какъ попало,
О кругѣ гдѣ его начало,
О носѣ комара, о дѣйствіи страстей,
Когда и что отъ нихъ бывало;
О пользѣ мыльныхъ пузырей,
О томъ, въ чемъ благо состоитъ народа,
Какъ стѣснена законами природа,
Какъ міромъ управляетъ Богъ,
Какъ горы твердыя трясутся,
Какъ курицы несутся,
И сколько у козявки ногъ;
Все, словомъ подноготно знали,
Яснѣе солнца толковали,
И такъ одно съ другимъ смѣшали,
Не смѣсное досель,
Что стала каша и кисель.
Левъ, покачавъ главою,
Сказалъ: „наука опытъ намъ;
„Теперь я вижу самъ,
„Что должно иногда совѣтовать съ собою,
„Что бъ ощутить умомъ,
„Добро ли подлинно намъ кажется добромъ.
„Ошибку я свою охотно поправляю:
„Писать баранамъ позволяю,

„А прочіе чтобъ не шумѣли бредя,
„Велите выпустить медвѣдя.“

А я, безъ всякой злой привязки,
Изъ этой извлекаю сказки,
Что надобно тутъ знать,
Какъ и медвѣдей выбирать.

СТИШКИ

для вписанія въ Альбоумъ госпожи NN.

Красно солнышко по небу
Ты катаешся давно,
Все ты видишь, что на свѣтѣ
Хорошо и худо есть;
Видишь тополы широки,
И кудрявый гордый дубъ,
Возносящійся главою
Выше темныхъ облаковъ;
Видишь, терны какъ колючи,
Острошой своихъ иголъ
За прохожихъ зацѣпляясь,
Ихъ царапаютъ и рвутъ;
Видишь также и цвѣточки
Ты красивые въ поляхъ,
Какъ они, смиренно стоя,
Разливаютъ запахъ свой.
Загляни ты въ сей Альбоумъ,
И скажи всю правду мнѣ:
Съ кѣмъ сравняешь ты хозяйку,
Онъ кому принадлежитъ?
Красно солнце отвѣчаетъ

Улыбнувшись на вопросъ:
Нѣшу съ шополомъ въ ней сходсшва,
Ей не образъ гордый дубъ;
Не надменносшь, но смиренье
Украшаешъ духъ ея;
И шерновникъ не походишъ
Ни малѣйше на нее:
Онъ всѣмъ людямъ досаждаешъ,
Всякому она мила.
Всѣхъ похожѣе съ цвѣшами,
Имъ подобна лишъ она,
Какъ они благоухаюшъ,
Такъ ея любезенъ нравъ. —
Инъ смошри же, красно солнце,
Береги ее всегда,
И злашымъ своимъ сіяньемъ,
Теплошой своихъ лучей,
Согрѣвая повсечасно,
Проливай ей шихій свѣшъ:
Пусшь, какъ дубъ, долгжайши лѣша
Въ ней цвѣшешъ ея душа,
И, какъ райскій цвѣшъ прекрасный,
Вѣчно будешъ хороша.

СТИХИ

на смерть Графа Валеріяна Александровича Зубова.

Ни знатный санъ, ни честь, ни слава, ни богатство,
Ни кроткая душа, ни добрыя дѣла,
Ни младость, ни краса, ни разумъ, ни пріятство,
Ни дружба, ни любовь, ни общая хвала,
Ни многія твои отечеству заслуги,
Ни плачъ твоихъ родныхъ, ни вопль твоей супруги,
Ни слезы горестны, текущи изъ очей
У множества къ тебѣ приверженныхъ друзей,
Ни гласъ сиротъ и вдовъ, ущедренныхъ тобою,
Моливших за тебя усердною мольбою,
О Зубовъ! не могли твой рокъ перемѣнить:
Ты позванъ въ небеса; ты тамо будешь жить;
Тебя пріиметъ Богъ, тебя онъ увѣнчаетъ;
Но здѣсь вокругъ тебя все стонетъ и рыдаетъ.

НѢКОТОРЫЯ РАЗСУЖДЕНІЯ.

О разумѣ.

Разумъ при добромъ сердцѣ въ человѣкѣ есть вещь весьма хорошая, при худомъ, не рѣдко бываетъ опасная и вредная; ибо употребляется не къ обузданію, но къ извиненію и украшенію страстей. Онъ часто больше вводитъ въ заблужденіе, нежели самая глупость. Простота и коварство не совмѣстны между собою. Простой и злой человѣкъ есть нѣкая рѣдкость, но хитрыхъ и злыхъ много.

О почтеніи.

Добраго человѣка одно душевное къ нему почтеніе людей утѣшать можетъ; почитающіе его сами достойны почтенія. Власть производитъ наружные знаки уваженія, большою частію основанные на лести и своекорыстіи. Не искренность и чистосердечіе оказываетъ ихъ, но ложь и обманъ; не благоразуміе утѣшается ими, но самолюбіе. Изъ сихъ двухъ человѣкъ оба не правы, но одинъ изъ нихъ гнусенъ, а другой жалокъ.

О самолюбіи.

Самолюбіе препятствуетъ человѣку быть умнымъ: оно не допускаетъ его внимать доказательствамъ другихъ.

О власти.

Власть, порученная доброму человѣку, есть спасительный ланцетъ въ рукѣ искуснаго врача; власть порученная худому человѣку, есть смертоносный ножь въ рукѣ разбойника.

ДВУСМЫСЛІЕ,

могущее при тѣхъ же самыхъ словахъ происходить отъ разной разстановки строчныхъ знаковъ.

УВѢРЕНІЕ ВЪ ЛЮБВИ:

Любить тебя я обѣщался; тщетно другія меня прельщаютъ; вѣрности я не знаю нарушать; клятвъ своихъ не стыжусь. Всякая другая, будь она прекрасна или нѣтъ, въ глазахъ моихъ краше тебя быть не можетъ. Дурнѣе тебя на свѣтѣ всѣ. Тебя ненавидятъ одни бездѣльники, любятъ честные и благородные люди; тѣ отъ тебя удаляются, а сіи ищутъ твоего знакомства, потому что ты имъ подобна.

УВѢРЕНІЕ ВЪ НЕНАВИСТИ:

Любить тебя я обѣщался тщетно; другія меня прельщаютъ; вѣрности я не знаю; нарушать клятвъ своихъ не стыжусь. Всякая другая,

будь она прекрасна или нѣтъ, въ глазахъ моихъ краше тебя. Быть не можетъ дурнѣе тебя на свѣтѣ. Всѣ тебя ненавидятъ, одни бездѣльники любятъ; честные и благородные люди, тѣ отъ тебя удаляются, а сіи ищутъ твоего знакомства, потому что ты имъ подобна.

ДВѢ НАДПИСИ,

сочиненныя, для выбора изъ нихъ любой, по прозбѣ В. И. Б., которая нарисовала картинку, изображающую двухъ страстно любящихся, съ тѣмъ, чтобъ подарить ее мужу своему. Сіи надписи посланы были при слѣдующихъ стихахъ:

Съ утра до вечера дни съ Роммомъ *) провождая,
Давно не удалось Пегаса мнѣ сѣдлать,
И Аполлонъ моихъ стиховъ не получая,
Какъ носится молва, совсѣмъ отвыкъ зѣвать.
Вчера ты мнѣ велѣла
Пуститься на Парнасъ,
Душа моя тебѣ ослушна быть не смѣла,
И ежели я могъ исполнить твой приказъ
Хоть нѣсколько не худо,
Такъ это чудо;
Но чуду этому причину я найду:

---

*) Имя Автора книги, которую сочинитель тогда переводилъ.

Твой гласъ и сила твоего велѣнья,
Родятъ огонь во льду,
Принудятъ чувствовать каменья.

НАДПИСИ:

I.

Нѣжнѣйшая любовь въ ихъ царствуетъ сердцахъ,
И щастіе на ихъ написано очахъ.
Когда рукой своей я то изображала,
На мысли у себя держала:
Таковъ и духъ и образъ мой,
Какъ ты со мной.

II.

Все щастіе свое другъ въ другѣ зрящихъ,
Супруговъ двухъ, любовію горящихъ,
Изобразила здѣсь рука моя;
Мой другъ, но кто они? то ты и я.

КЪ НАРИСОВАННОМУ ВЪ АЛЬБОУМѢ ЦВѢТКУ:

Цвѣтокъ пригожъ:
Онъ на тебя похожъ;
Но добрая твоя душа
Еще и больше хороша;
Лишь съ этой стороны одной
Ты лучше и себя самой.

НИНѢ,

просившей меня написать что нибудь въ ея Альбоумъ.

Въ альбоумахъ вздыхать
Прилично молодымъ,
А что же намъ сѣдымъ
Въ нихъ можно написать?

Ну, скажутъ, напиши что нибудь. Неужъ-ли старость возбраняетъ быть учтивымъ? не ужъ-ли нѣтъ у ней глазъ для красоты и достоинствъ? прекрасная, любезная дѣвица, можетъ и въ охладѣвшее сердце бросить нѣсколько искръ, ежели не страсти, то по крайней мѣрѣ почтенія, удивленія. Взгляни на Нину, поговори съ нею, всмотрись въ ея черты, взоры, и спроси у своихъ чувствъ, какое велѣли бы онѣ тебѣ сдѣлать ей привѣтствіе. — По моимъ чувствамъ я бы сказалъ ей:

*

Какъ худо быть сѣдымъ:
Не то что все болитъ,
Не то что смерть грозитъ;
Но что не можно быть твоимъ.

О! это слишкомъ страстно. Напиши что нибудь подобное, да не говори ничего о твоихъ лѣтахъ. Надобно, чтобъ читающій стихи твои, а особливо при ней, не зналъ, кто изъявляетъ ей нѣжныя свои чувствованія, и подумалъ бы, что это такой же, какъ она, молодой, пригожій человѣкъ; а ежели ты упомянешь о сѣдыхъ своихъ волосахъ, то читающій насмѣшливо улыбнется, а она покраснѣетъ, какая жъ въ этомъ будетъ польза? — Справедливо; да чтожъ могу я сказать тебѣ, Нина?

Скажу, что ты мила, любезна, хороша,
Что я тобою таю,
Всему тебя предпочитаю,
Умру тобой дыша;
Что я съ моими страстными стихами
Со вздохами и со слезами
Готовъ у ногъ твоихъ лежать.
Когда ты мнѣ отвѣтствовать захочешь......
Но ты хохочешь —
Пришлось молчать.

СТИХИ

къ Н. Н. К., пѣнявшей мнѣ, что будто я не имѣю къ ней той привязанности, какую имѣлъ прежде.

Отъ самыхъ юныхъ лѣтъ твоихъ,
Любимый завсегда тобою,
И самъ, до старыхъ дней моихъ,
Привязанный къ тебѣ душою,
Могу ли снова увѣрять
Тебя въ любви моей нелестной?
Не есть ли то слова терять,
Твердя о вещи толь извѣстной?
Какъ можетъ солнце не горѣть,
Иль море быть когда безводно?
Такъ точно сердцемъ охладѣть
Къ тебѣ мнѣ въ дружбѣ не удобно.
Любилъ тогда, люблю теперь;
Что прежде былъ и нынѣ тоже,
Еще скажу тебѣ, повѣрь,
Любовь при старости моложе.

ПѢСНЯ,

которую поетъ нищая сиротинка, (переводъ съ Французскаго).

Я нищая, вездѣ брожу,
Безъ матери живу одна,
Кусочикъ хлѣбца лишь прошу,
Подайте мнѣ, я голодна.

Услыште стонъ плачевный мой,
Мнѣ только минуло шесть лѣтъ,
Ахъ! сжальтесь, сжальтесь надо мной:
Ѣсть хочется, а хлѣба нѣтъ.

Я вѣдаю, хотя мала,
Что въ свѣтѣ надобно терпѣть;
Но мало такъ еще жила!
Не дайте рано умереть.

Не дорогова стоитъ вамъ
Сиротку бѣдну накормить,
И нѣкто вонъ живущій тамъ, *)
За што вамъ можетъ заплатить.

---

*) Указываетъ на небо.

Коль нéлюбъ вамъ мой скорбный гласъ,
Извольте, стану пѣть, играть,
Моимъ печальнымъ видомъ васъ
Я не желаю огорчать.

Когда лью слезы изъ очей,
Меня всѣ гонятъ, шлютъ домой;
Внемлитежъ пѣсенкѣ моей:
Ахъ! дайте, сжальтесь надо мной.

Пословица.

Въ красавицу влюбиться
Вить можетъ и старикъ сѣдой,
Отселѣ говорится:
„Не всякая любовь кончается бѣдой.“

ЧУДЕСА,

видимыя въ операхъ. (Вольной переводъ съ Французскаго).

Я зрѣлъ, какъ солнце и луна
Бесѣдуютъ между собою,
И грозный какъ Нептунъ со дна
Изъ моря вышелъ съ острогою.

Я въ колесницѣ зрѣлъ златой
Любви богиню, краше солнца,
Которую везутъ гурьбой
Амуры, родомъ изъ Олонца.

Я зрѣлъ, смотря на облака,
Что руки вытянувъ, какъ струны,
Зевесъ, по знаку изъ свистка,
На землю ждетъ пускать перуны.

Я зрѣлъ, изъ темныхъ областей,
Съ огнемъ, съ хлопушками, отважныхъ,
Полсотни вышедшихъ чертей,
На пагубу палатъ бумажныхъ.

Я зрѣлъ драконовъ смирныхъ такъ,
Что скаля зубы не кусаютъ;
Кинжалы жъ тамъ — не подивится ль всякъ?
Людей не раня убиваютъ.

Случилось пастушка́ мнѣ зрѣть:
Когда пасту̀шка почиваетъ,
Онъ птичкамъ запрещаетъ пѣть,
А самъ прегромко распѣваетъ.

Я зрѣлъ, какъ воины въ строю,
Являя храбрость и отвагу,
Кричали съ гордостью: къ ружью!
Не дѣлая въ передъ ни шагу.

Я видѣлъ, право ну, не въ смѣхъ,
Что рѣки тамъ, какъ ко́зы, скачутъ;
Пять игръ, два вѣтра, шесть утѣхъ,
Съ матросами подъ пѣсни пляшутъ,

На колесницѣ тамъ златой,
Везомый фаетонтъ конями,
Зажегъ всю землю подъ собой
Бѣложестя́ными лучами.

Я зрѣлъ, какъ въ ярости своей
Орландъ всѣ силы напрягаетъ,
Деревья вырвавъ безъ корней
На землю̀ гордо повергаетъ.

Я видѣлъ Фкучу урій злыхъ,
Такъ смирныхъ, какъ тѣляша;
Я видѣлъ колдуновъ сѣдыхъ,
Не больше мудрыхъ какъ робяша.

Я видѣлъ Стиксъ, и Ахеронъ,
И Адъ, гдѣ Церберъ ходитъ лая,
Гдѣ черти всѣ и самъ Плутонъ,
Въ пятнатцати шагахъ отъ рая.

Діану я съ стрѣлами зрѣлъ,
Оленя тамъ она гоняетъ;
А за кулисы посмотрѣлъ,
Тамъ дичь въ охотника стрѣляетъ.

There is an apparent discrepanc

The pages are either missing or

The filming is recorded as the b

y at this point.

the pagination is incorrect.

ook is found in the collections.

ПЕРЕВОДЪ

изъ Метастазіевой оперы.

Безъ надежды утѣшаться,
Съ ничего надежду брать,
Безъ опасности бояться,
Ложь за правду принимать,
Истинѣ самой не вѣрить,
Наполнять мечтами умъ,
Какъ во снѣ ходить и бредить,
Тьмой терзаясь разныхъ думъ;
Безпрестанно воздыхая
Муку радостью считать,
О себѣ позабывая,
О другихъ лишь помышлять,
И безъ смерти умирая,
Какъ отъ вихря тонкій прахъ
Прелетать изъ страха въ страхъ,
Изъ желанія въ желанье:

Сіе лютое страданье,
Коимъ портится вся кровь,
Вы зовете то любовь. *)

---

*) Италіянскій языкъ и сочиненія на немъ мало у насъ извѣстны; а потому я помѣщаю здѣсь нѣсколько переводовъ изъ разныхъ стихотворцевъ ихъ, переводя иныхъ (которые полегче) стихами, а другихъ (которые потяжелѣ) прозою для того, что стихами едва ли возможно съ точностію выразить смыслъ и силу подлинника. Никогда въ стихахъ своихъ не можемъ мы узнать ни Петрарка, ни Тасса, ни Аріоста, точно также, какъ Италіянцу трудно въ стихахъ своихъ узнать нашего Ломоносова.

ПЕРЕВОДЪ

Петрарковыхъ сонетовъ.

I.

Уединенъ и задумчивъ по самымъ пустѣйшимъ полямъ хожу я мѣряя ихъ шагами медленными и лѣнивыми, и гдѣ только слѣдъ человѣческій на пескѣ увижу, отвращаю очи мои и бѣгу поспѣшно оттолѣ. Боюсь взоровъ людскихъ, отрадою считаю удаляться отъ нихъ, думая, что изъ всѣхъ дѣйствій моихъ, изъ лица моего, на которомъ всякое веселіе потухло, можно увидѣть, какою скорбію внутренность моя снѣдается, такъ что мнится мнѣ, будто и горы и долины и рѣки и поля знаютъ, какова есть жизнь моя, которую я отъ всѣхъ скрывать и въ уединеніи влачить стараюсь; но не могу однако же найти такихъ уединенныхъ и дикихъ мѣстъ, куда бы любовь не приходила бесѣдовать со мною и я съ нею.

II.

Иныя на свѣтѣ твари толь острое имѣютъ зрѣніе, что прямо на солнце смотрятъ; другія, напротивъ, не могутъ сносить яркихъ его лучей, и только по вечерамъ изъ норъ своихъ выходятъ. Иныя же, безумнымъ желаніемъ побуждаемыя, летятъ къ огню, вѣроятно въ чаяніи наслаждаться въ немъ, потому что онъ сіяетъ; но прикоснувшись къ нему обжигаются и сгараютъ. Бѣдный я! мѣсто мое въ числѣ сихъ послѣднихъ. Нетерпѣливый ожидать свѣта моей любезной, и не умѣющій защищаться отъ него мѣстами темными или часами поздными, послѣдуя влекущему меня року моему иду я слабыми и слезъ исполненными очами взирать на нее, хотя и знаю точно, что гоняюсь за тѣмъ, отъ чего весь сгорю и истлѣю. *)

---

*) Петрарковы сонеты трудно перевесть стихами. Въ прозѣ хотя и теряютъ они сладкогласіе свое, но можно смыслъ ихъ сохранить ближе. Я для образчика перевелъ ихъ только два. Они въ подлинникѣ таковы, что безъ нарушенія послѣдственной связи и плавности ихъ едвали могутъ быть переведены изъ стиха въ стихъ. Нарушеніе же, состоящее въ убавкахъ или распространеніяхъ, непремѣнно уменшитъ ихъ силу и красоту. Особливо же трудно соблюсти въ располо-

СОНЕТЪ.

(Переводъ изъ Аріоста).

Благополучная, пріятная темница,
Въ которую меня не злость моихъ враговъ,
Но обладающа душой моей царица
Повергла, чтобъ явить свою ко мнѣ любовь.
Другіе узники, ключей услыша звуки,
Блѣднѣютъ и дрожатъ; а я какъ кринъ цвѣту,
За тѣмъ что не судьи, не казни злой, не муки,
Но друга милаго, но жизни сладкой жду,
Жду ласковыхъ рѣчей, жду шутокъ, нѣжныхъ взоровъ,
Привѣтливыхъ жду словъ, любовныхъ разговоровъ,
Всѣхъ радостей, утѣхъ, какія только есть,

женіи и удареніи словъ ту созвучность, которая протяжностію своею такъ естественно согласуется съ унылостію и томностію душевныхъ чувствъ, какъ напримѣръ въ двухъ первыхъ стихахъ перваго сонета:

Solo e pensoso ipiù deserti campi
Vo misurando a passi tardi e lenti.

Кажется не льзя произнести сихъ двухъ стиховъ безъ нѣкоего унынія духа: такъ искусно слова̀ и ударенія ихъ прибраны и расположены!

И поцалуевъ тьму, иль безъ конца начало,
Которыхъ множества ни какъ не можно счесть,
И все не досыта, все кажется ихъ мало.

ПЕРЕВОДЪ

изъ Pastor fido.

(Амарилла, прекрасная обладательница Аркадскихъ полей, рожденная отъ крови боговъ, обрученная невѣста Сильвію, но влюбленная въ простаго пастуха Миртилла, возвратясь на поля свои, такъ разсуждаетъ):

Блаженныя поля,
Прекрасныя долины,
Покоя, мирныхъ думъ,
Жилищи безмятежны!
Съ какою радостью на васъ
Опять я возвращаюсь!
И естьли бъ небеса
Такую часть мнѣ дали,
Чтобъ жизнь могла вести
Я тамъ, гдѣ пожелаю;
На райскія поля
Твоихъ пріятныхъ тѣней,
О садъ полубоговъ!
Я бъ вѣкъ не промѣняла.
Коль прямо взглянемъ мы
На всѣ земныя благи,
Не благо намъ они,

Но только зло приносятъ:
Тотъ щастливъ менше всѣхъ,
Кто больше всѣхъ имѣетъ,
И больше самъ онъ рабъ,
Чѣмъ мирный обладатель,
Не говорю богатствъ,
Ихъ имя не такое,
Но сихъ злашыхъ цѣпей,
Лишающихъ свободы.
Что пользы быть младой,
Слыть рѣдкой красотою,
Боговъ происходить
Отъ знаменитой крови,
Небесныхъ и земныхъ
Даровъ имѣть премного,
Тамъ злачныя поля,
Долины здѣсь широки,
Тамъ жирныя стада,
И пажити здѣсь тучны,
Что въ благахъ сихъ тому,
Чье сердце не довольно?
Въ щастливой простотѣ
Живущая пастушка,
Хоть чуть лишь въ полотно,
Безъ лишняго убранства,
Но чисто и легко
Съ опрятностью одѣта,

Сама собой краснà,
Сама собой богата,
И въ бѣдности своей,
Ни бѣдности не знаетъ,
Ни отъ богатствъ заботъ
И скукъ не ощущаетъ;
Не мучитъ тѣмъ себя,
Чего имѣть не можетъ,
И все то есть у ней,
Чего она желаетъ;
Не споритъ что бѣдна,
Но знаетъ что довольна;
Природы даръ, свой цвѣтъ,
Ея жъ хранитъ дарами:
Бѣлà, какъ молоко,
Что пищею ей служитъ;
Мила, какъ сладкій медъ,
Который похищая
У трудолюбныхъ пчелъ
Себя имъ насыщаетъ.
Источникъ, въ кой она
Поутру вставъ глядится,
Источникъ тотъ ее
Водою напояетъ,
Кропитъ ея лице,
И какъ ей нарядиться
Совѣты подаетъ.

Довольна имъ пастушка,
Доволенъ ею свѣтъ,
Пускай изъ тучь угрюмыхъ
Рѣкою льется дождь,
Пускай изъ грозныхъ облакъ
Грохочетъ крупный градъ,
Она всегда спокойна:
Чего бояться ей?
Ея богатство съ нею.
Не споритъ что бѣдна,
Но знаетъ что довольна,
Живетъ среди утѣхъ.
Одна у ней забота,
Желаніе одно:
Овечки ходя щиплютъ
Зеленую траву,
А съ нею сидя таетъ
Прекрасной пастушокъ,
Не тотъ, кому рукою
Она судьбины злой,
Иль властію людскою
Насильно отдана,
Но тотъ, кто ей по мысли
И пó сердцу пришелъ.
Подъ дубомъ, тамъ, кудрявымъ,
Въ любимомъ уголку,
Сидятъ они любуясь

И свѣтомъ и собой,
Нѣтъ чувства въ немъ такóва,
Нѣтъ тайны въ ней такой,
Чего бы не открыли,
Онъ ей, она ему.
Любя его сердечно,
Не споритъ что бѣдна,
Но знаетъ что довольна.
О щаствливая жизнь,
Въ которой прежде смерти
Не вѣдаютъ что мýки,
Не вѣдаютъ что смерть!
Почто моихъ дней скучныхъ,
Почто я не могу
На дни твои пріятны
Охотно промѣнять?

ДРУГОЙ ПЕРЕВОДЪ

изъ Pastor fido, сочиненія Гварини.

ДѢЙСТВІЕ IV, ЯВЛЕНІЕ VIII.
СИЛЬВІЙ *).

О ты, богиня, такъ, но чья?
Людей слѣпыхъ, тщеславныхъ, праздныхъ,
Что суевѣрія во тьмѣ,
Нечистымъ сердцемъ и душою,
Тебѣ, въ безуміи своемъ,
Возносятъ олтари и храмы;

---

*) Италіянскія сочиненія, по неимѣнію съ нихъ переводовъ, мало у насъ извѣстны; а потому, надѣюсь я, что и отрывки изъ оныхъ, переложенные на нашъ языкъ съ точнымъ сохраненіемъ смысла, могутъ для насъ быть любопытны. *Pastor fido* (вѣрный пастухъ) есть одно изъ весьма отличныхъ на Италіянскомъ языкѣ сочиненій. Переведенное мною мѣсто есть слѣдующаго содержанія; Силвій, сынъ Аркадскаго жреца, величайшій охотникъ до звѣриной ловли, не можетъ терпѣть любовной страсти. Доринда, пылающая къ нему любовію, но презираемая имъ, въ отчаяніи предпріемлетъ наконецъ

Но что я храмы говорю?
Скорѣй нечестія мѣстами
Прилично ихъ именовать,
Въ которыхъ, подъ названьемъ пышнымъ
Небесной святости твоей,
Они дѣламъ своимъ безбожнымъ
Стараются дать добрый видъ;
А ты, богиня сладострастна,
Чтобъ срамъ твой въ срамотѣ другихъ
Не такъ былъ явенъ и примѣтенъ,
Даешь всю волю ихъ страстямъ;
Противуборница разсудка,
Выдумщица всѣхъ тайныхъ дѣлъ,
Развратница добротъ душевныхъ,
Губительница свѣта и людей,
Достойное изчадье моря,
Рожденное достойно въ свѣтъ
Отъ вѣроломныя утробы
Сего чудовища земли;
Ты также ласковымъ надежды

одѣться въ звѣриную кожу, дабы умереть отъ руки тщетно обожаемаго ею. Сильвій, сочтя ее за дикаго звѣря, поражаетъ ее стрѣлою изъ лука, но увидя въ ней человѣка, и ту самую, которая его такъ любитъ, приходитъ въ великую горесть, ломаетъ лукъ свой, тернетъ охоту къ звѣроловству, влюбляется въ Доринду, и по выздоровленіи ея сопрягается съ нею бракомъ.

Сперва прельщаешь вѣтеркомъ,
Но послѣ столько воздымаешь
Въ грудяхъ людскихъ сердитыхъ тучь,
Неукротимѣйшихъ желаній,
Ліющихся рѣками слезъ,
И горькихъ, тяжкихъ воздыханій,
Что свѣтъ не матерью любви,
Но матерію бурь свирѣпыхъ
Тебя бы долженъ называть.
Смотри, въ какую ты напасть презлую,
Губительнымъ твоимъ огнемъ,
Два сердца страстныя низвергла!
Поди, какъ хвастуешь всегда
Своею властію всесильной,
Поди теперь, богиня лжи,
Избавь, когда ты можешь,
Спаси нещастную дѣвицу,
Которую твой сладкій ядъ
Довелъ до лютой смертной казни.
О день блаженный для меня,
Когда свою я душу чисту
Тебѣ, Діяна, посвятилъ!
Тебѣ, единственной моей,
И всѣхъ благихъ сердецъ богинѣ,
Столь свѣтлой на земномъ кругу,
Сколь въ небѣ лучь твой свѣтозарный,
Краснѣйшій всѣхъ другихъ свѣтилъ,
Сіяетъ, свѣтъ повсюду разливая.

О как твоихъ друзей и промыслъ и дѣла,
И безопаснѣе и лучше несравненно,
Чѣмъ бѣдныхъ сихъ, разслабленныхъ рабовъ
Венеры сладострастной!
Тебѣ подвластные бьютъ дикихъ кабановъ,
А тѣ, что ей подвластны,
Отъ нихъ вкушаютъ горьку смерть.
О лукъ! моя и сила и забава
Вы стрѣлы, мощь непобѣдимая моя!
Пускай съ оружіемъ своимъ,
Для женъ однѣхъ опаснымъ,
Мальчишко этотъ Лель,
Покажется, и вамъ пронзающимъ и рвущимъ
Дерзнетъ противустать.
Но что я много чести
Безсильному тебѣ дитяти воздаю?
Тебя, за дерзость наказать твою,
Одной мнѣ розги полно: . . . . . . *полно.*
Чей голосъ слышу я? Твой эхо,
Иль за тебя мнѣ отвѣчаетъ купидонъ? . . . . . . *онъ.*
Тебя-то мнѣ и нада;
Но подлинноль ты тотъ? . . . . . . *тотъ.*
Сынъ той, что къ Адонису
Любовной страстію сгарала? . . . . *богиня* (1).

---

1) Разговоръ Сильвія съ эхомъ своимъ нѣтъ ни какой возможности, безъ совершенной перемѣны содержанія онаго, перевести на другой языкъ; а потому, не желая отсту-

Ну пусть по твоему богиня.
Той Марсовой наложницы ты сынъ,
Что сладострастіемъ своимъ
Мрачитъ всѣ звѣзды и стихіи? 2) . . . . *лжошь.*
Смѣльчакъ ты, сидя за кустами!
Поди-ка выдь сюда, непрячься тамъ. 3) . . . . . *смѣю.*
Не смѣешь, ты трусишко.
Но ты законной сынъ ея,
Или побочной? (4) . . . . *горю.*
Ну вотъ! не ужъ-ли мнѣ,
Что сынъ Вулкановъ ты, повѣрить? (5) . . . . . *богъ.*
Но богъ чего? души развратной? (6) . . . . . . *свѣта.*
Ты шутишь! богъ вселенной?
То страшное дитя, тому,
Тебя кто презираетъ,
Отмститель толь жестокій? (7) . . . . . . *правда.*

пить отъ подлинника, разсудилъ я лучше въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ отголосокъ сей или эхо въ нашемъ языкѣ не повторяетъ послѣдняго слова Сильвіевой рѣчи, сохранить одинъ только смыслъ; для показанія же въ точности сего отвѣчающаго отголоска, прилагаю здѣсь слова подлинника:

(1) ardea (сгорала) . . . . . dea (богиня).
(2) elementi (стихіи) . . . . . . menti (лжошь).
(3) né stare ascoso (не прячься) . . . . . oso (смѣю).
(4) bastardo (побочный сынъ) . . . . . . ardo (горю).
(5) ti cred'io (повѣрю я) . . . . dio (богъ).
(6) del core immondo (сердца нечистаго) . . . . mondo (свѣта).
(7) si severo (толь жестокій) . . . . vero (правда).

Какія жъ муки тѣмъ,
Тебѣ кто непокорны,
Велишь терпѣть ты горьки? (8) . . . . . *любить.*
А что ты изъ меня,
Къ тебѣ питающа презрѣнье,
Что сдѣлаешь, коль сердце я имѣю
Такъ твердо, какъ алмазъ? (9) . . . . *любовника.*
Любовникомъ, меня? прямой ты шутъ!
Когда же въ эту грудь крѣпчайшу
Любовь ты поселишь? (10) . . . . . . *сегодня.*
Такъ скоро можно полюбить? (11) . . . . . *сей часъ.*
Но кто же будетъ та, которую сего дня
Я стану обожать? (12) . . . . *Дори,*
Доринда, о мальчишко!
Своимъ лепечущимъ языкомъ
Ты хочешь мнѣ сказать? (13) . . . . *она.*
Доринда, я котору ненавижу,
Подобно какъ ягненокъ волка?
Но кто меня къ тому принудитъ,
Кто волю покоритъ мою? (14) . . . . *я.*
Но какъ? какимъ оружіемъ или стрѣлою?

---

(8) amare (горькія) . . . . amare (любить).
(9) diamante (алмазъ) . . . . amante (любовника).
(10) alloggi (поселишь) . . . . oggi (сегодня).
(11) s'innamora (влюбиться) . . . . . ora (сей часъ).
(12) adori (обожать) . . . . dori (Дори).
(13) favella (языкъ, рѣчь) . . . . ella (она).
(14) voler mio (волю мою . . . . io (я).

Неужъ-то лукомъ ты твоимъ ..... *твоимъ.*
Моимъ? какъ можетъ это быть?
Тогда случится это развѣ,
Когда своей нечистотою
Его ты повредишь? (15)....... *изломаннымъ.*
И я изломаннымъ оружіемъ моимъ,
Я поражу себя?
Да кто изломитъ его? ты? ..... *ты.*
Ну! я вижу, что ты пьянъ.
Поди, поди домой, проспися
Гдѣжъ будутъ эти чудеса? неужъ-то здѣсь?....*здѣсь.*
О глупой! лучше я уйду.
Смотри, какой ты былъ угадчикъ,
Налившійся виномъ? (16)....... *божественный.*
Но тамъ въ кустахъ я вижу,
И кажется не ошибаюсь,
Тамъ нѣчто сѣрое сидитъ,
Похожее на волка,
Такъ точно, волкъ.
Какой большой! О день щастливый для меня!
Благодарю тебя Богиня!
Вторую добычу ты мнѣ
Сегодня посылаешь.
Но что я медлю? поскорѣй!

(15) corrotto (повредишь) .... rotto (изломаннымъ).
(16) pien di vino (налившійся виномъ) .... divino (божественный).

Въ твое я имя избираю
Стрѣлу, острѣйшую изъ всѣхъ
Въ колчанѣ стрѣлъ моихъ;
Тебѣ, охотницѣ превѣчной
Тебѣ ее препоручаю;
Рукою щастія возми,
И въ звѣря лютаго направь.
Тебѣ его я кожу посвящаю,
И съ именемъ твоимъ
Стрѣлу сію пускаю.
О щастливый ударъ!
Ударъ туда попавшій точно,
Куда я метилъ имъ.
Ахъ! жаль, что нѣтъ со мною
Здѣсь моего копья:
Я имъ бы, чтобъ сей звѣрь не скрылся,
Его теперь же прикололъ.
Схвачу покрайней мѣрѣ камень;
И камня не могу найти.
Но что ищу орудій,
Имѣя ихъ съ собой?
Стрѣла сія докончитъ . . . . .
Увы! что вижу я?
О Сильвій пренещастный!
О! что ты сдѣлала рука моя!
Одѣтаго въ звѣрину кожу
Я пастуха убилъ!

О случай злополучный!
О участь горькая моя!
И кажется, что этотъ
Нещастной мнѣ знакомъ:
Съ нимъ Линкъ: онъ, онъ его сопровождаетъ.
О лютая стрѣла! о пагубный обѣтъ!
А ты, о злое божество!
Ты, внявшее ему,
И совершившее ударъ,
Ты и стрѣлы сей пагубнѣе, злѣе!
О горе! я, кто прежде презиралъ
И здравіемъ и жизнію своею,
Дабы спасать другихъ,
Я сталъ убійцею! я пролилъ кровь людскую!
Поди теперь, брось лукъ,
И обезчещенный стрѣлокъ,
Вѣкъ въ срамѣ пресмыкайся!
Ахъ! Вотъ нещастнаго сюда ведутъ:
Нещастливъ онъ, но я
Стократно больше злополученъ.

УБІЕНІЕ ПОЛИФОНТА.

(Расказъ о смерти его изъ трагедіи Меропа, сочиненіе Маффея. Переводъ прозою съ Италіянскихъ вольныхъ стиховъ).

Жертвенникъ горѣлъ и жрецъ, обрѣзавъ уже власы съ главы вола, готовился повергнуть ихъ въ пламень. По едину страну стоялъ Царь, по другую, въ видѣ осужденной на смерть, Меропа. Вокругъ многочисленная толпа народа, созерцающая, неподвижная, безмолвная. Я, стоя на возвышенномъ мѣстѣ, увидѣла Кресфонта съ великою силою сквозь народъ продирающагося. Весь измѣненный, лице имѣя пламенное, пробился онъ и сталъ близко жертвенника позади Царя, хищника престола. Гордъ и мраченъ, грозные взоры окрестъ себя кидалъ. Тутъ — едва могу я рѣчь мою продолжать — схватилъ онъ обѣими руками лежащій между чашами священный ножъ, вознесъ его и на выю лютаго Царя страшно опустилъ. Въ одинъ мигъ узрѣла я и сверкнувшее въ воздухѣ желѣзо, и падшаго на землю нещастнаго Полифонта. Чермная кровь его бры-

знула на бѣлую одежду жреца. Всѣ воскрикнули; но Кресфонтъ поверженнаго на землю новыми поражалъ ударами. Адрастъ, стоявшій близко, кинулся на него; но грозный юноша, какъ вепрь, обратился, и въ грудь его вонзилъ кинжалъ. Кто можетъ изобразить мать Кресфонтову, Меропу? она, какъ тигръ остервенившійся, стала предъ сыномъ, и кто на него бросался, тому, грудь свою подставляя, прерывнымъ гласомъ громко вопіяла: „*это сынъ мой, Кресфонтъ*, *вашъ Царь!*" Въ шумѣ и топотѣ гласъ ея не слышенъ. Иной хотѣлъ уйти, другой продирался въ передъ. Сонмы людей, обуянные смятеніемъ, спѣшатъ сами не зная куда; тѣснятся, волнуются на подобіе жатвы, колеблемой вѣтрами. Бѣгутъ, встрѣчаются, вопрошаютъ, кричатъ, толкаютъ другъ друга; повсюду страхъ и трепетъ; дѣти воютъ; женщины, поверженныя и попираемыя ногами, стонутъ: ужасное зрѣлище! Волъ, получа свободу, скачетъ, рычитъ и умножаетъ ужасъ. Иной спѣшитъ уйти, рвется, тѣснится, и отъ излишней поспѣшности умедливаетъ. Стражи, стерегущіе двери, тщетно покушаются войти внутрь храма: бѣгущіе изъ него, спираются съ ними и увлекаютъ ихъ съ собою. Между тѣмъ часть вѣрныхъ сыновъ, старыхъ воиновъ, обступаютъ вокругъ насъ. Кресфонтъ, посреди ихъ, пылающій очами, грозенъ и смѣлъ исходитъ изъ храма. Я, отторженная отъ нихъ, спѣшу тѣсными путями къ царскимъ чертогамъ. Озираюсь

назадъ и вижу — о зрѣлище! — простертаго и утопающаго въ крови своей Полифонта. Адрастъ, влачащійся по земли, умирающій, тяжкимъ стономъ и содроганіями наводитъ ужасъ! жертвенникъ опрокинутъ, ножи, лентія, треножники, сосуды, лежатъ разметанныя, сокрушенныя. — Но что мы медлимъ здѣсь? спѣши раздать оружіе воинамъ, и оградить чертоги, да избавимся отъ нападенія.

Гордясь красивымъ шишакомъ,
И нетерпѣніемъ горѣли
Идти въ ворота на проломъ.
Вторый по немъ изъ краевъ дальныхъ,
По имени *Богатство*, шелъ;
Онъ рать въ одеждахъ златотканныхъ
Съ собой блистающую велъ;
У конныхъ збруи дорогія
Являли видъ и свѣтъ зари,
У пѣшихъ ружья золотыя
Съ алмазной пулею внутри;
Въ шатрахъ ихъ радости и смѣхи,
Пиры, скаканья, плески рукъ;
За ними въ слѣдъ текутъ утѣхи,
Влечетъ къ себѣ ихъ злата звукъ;
Идутъ, свой подвигъ величаютъ,
И въ гордомъ разумѣ своемъ,
Себя тѣмъ богомъ быть мечтаютъ,
Что нисходилъ златымъ дождемъ.
Съ надеждою на превосходство
Тамъ третій витязь выступалъ,
Онъ прозывался *Благородство*,
И взоръ спѣсиво вкругъ металъ,
Горой недвижимой, прекрасной,
Приготовлялся овладѣть,
И лавръ побѣды громогласной
Мнилъ на чело свое надѣть;
Предъ онымъ зрѣлися несомы,

На мѣсто ружей и знаменъ,
Старинны грамоты, дипломы,
И родословіе именъ.
Тщеславіе повелѣвало
Сей ратію полубоговъ,
И часто женщинъ ослѣпляло
Скорѣе чѣмъ сама любовь.
Четвертый рыцарь былъ *Почтенье*:
Онъ тѣмъ доволенъ, что служилъ,
И всякое въ любви терпѣнье
Безъ ропота переносилъ;
Его всѣ войска крошки, скромны,
Безъ дерзости и безъ затѣй:
То были вздохи, взгляды томны,
Чуть видные изъ подъ бровей;
То были ласки торопливы,
Услужливость, тишайшій гласъ,
Желанья робки, боязливы,
Унылости въ пристойный часъ;
То были воли, но подвластны
Единымъ волямъ дорогóй;
То были грусти, мýки страстны,
Но скрытны лишь въ душѣ одной.
Съ великой ратью показался
Тамъ пятый витязь наконецъ,
Сей витязь *Дерзость* назывался,
И былъ удалый молодецъ;
Скоръ мыслію и быстръ глазами,

Препятствій не боялся онъ,
Летѣлъ со смѣлыми руками
Туда гдѣ больше оборонъ;
Огнемъ и храбростью возженный
Всегда успѣшно воевалъ,
Отъ стѣнъ стократно отраженный
Къ стѣнамъ онъ снова приступалъ.
Всѣ пять подвижниковъ стремились
Внутрь крѣпости съ различныхъ странъ;
На го́ру, какъ орлы, взносились,
И били громко въ барабанъ;
Но крѣпость гордо, безъ боязни,
Смотрѣла съ высоты на нихъ,
Она готовила имъ казни
Изъ рукъ защитниковъ своихъ,
То вѣдая, что храбры Лели,
Ее усердно берегли,
Что мѣтко стрѣлы ихъ свистѣли,
Пронзали, рушили и жгли.
Взвилася пыль — я ужаснулся,
Хотѣлъ на верхъ горы взглянуть;
Но тутъ, Милена, я проснулся,
Трепещущу имѣя грудь.

ПОЦАЛУЙ.

(Переводъ съ Италіянскаго).

Дитя, божокъ любви,
Ужаленный пчелою,
За то что кралъ онъ медъ,
Летитъ оттоль поспѣшно,
И гнѣвомъ воспаленъ,
Онъ краденые сóты
На розовыя губы
Драгой моей кладетъ,
Кладетъ, и такъ вѣщаетъ:
Отнынѣ на себѣ
И горестныхъ и сладкихъ
Моихъ ты похищеній
Ввѣкъ память сохраняй:
Тебя кто поцалуетъ,
Тотъ чувствуетъ пускай
Пчелину, мнѣ подобно,
И горечь вдругъ и сласть,
Стрѣлу преостру въ сердцѣ,
Медъ сладкій во устахъ.

ОТРЫВОКЪ ПРОЛОГА

ИЗЪ АМИНТЫ, СЕЛЬСКОЙ ПОВѢСТИ ТОРКВАТА ТАССА.

(Вольной переводъ съ Италіянскаго).

Купидонъ въ пастушескомъ одѣяніи.

Кто можетъ угадать,
Чтобъ въ видѣ человѣка,
Въ одеждѣ пастуха,
Безсмертный богъ скрывался?
И богъ еще какой?
Не сельской и простой,
Но всѣхъ боговъ великихъ
Сильнѣйшій многократно,
Кой часто исторгалъ
Изъ рукъ у Марса мечь кровавый,
Трезубецъ острый похищалъ
У грознаго владыки водъ Нептуна,
И самаго Юпитера лишалъ перуна.
Во образѣ такомъ,
Въ одеждѣ сей простой,
Венера, мать моя,

Не скоро же узнаетъ
Сбѣжавшаго сынка.
Я долженъ удалиться
И скрыться былъ отъ ней:
Она того желала,
Чтобъ я и со стрѣлами
Во власти былъ ея.
Прегордая жена,
Тщеславія полна,
Велитъ мнѣ жить съ царями,
Чтобъ тамъ, межъ скипшровъ и коронъ,
Я стрѣлъ своихъ искусство
И опыты являлъ;
А здѣсь въ лугахъ зеленыхъ
Меншимъ моимъ лишь братьямъ
Дозволить хочетъ жить,
И уязвлять стрѣлами
Сердцà людей простосердечныхъ.
Хотя мое лице
Младенца показуетъ,
Но я ужъ не младенецъ,
И жить хочу по волѣ
Я собственно своей:
Не ей, но мнѣ судьбою
Въ правленье вѣчно данъ
И лучь, всегда горящій,
И золотой колчанъ.

БАСНЯ.

ЕЗОПЪ ПОДЪ СУДОМЪ.

(Переводъ съ Италіянскаго).

Сей свѣтъ есть зрѣлище различныхъ представленій,
Забавныхъ и смѣшныхъ и жалостныхъ явленій,
Вездѣ встрѣчаются отъ самыхъ первыхъ дней,
То злобныя дѣла, то глупости людей.
Всѣ люди дураки, я это утверждаю,
Себя лишь и тебя, читатель, исключаю.
Всякъ зритъ въ другомъ порокъ, и кажетъ всѣмъ его,
Въ себѣ одномъ, въ себѣ не видитъ ничего.
 Въ палатахъ нѣкогда, чуть обозримыхъ окомъ,
Въ книгохранилищѣ пространномъ и широкомъ,
Гдѣ кипамъ древнихъ книгъ казалось нѣтъ числа,
Прогуливалась мышь, спокойна, веселá,
Надежна, что никто тѣхъ мѣстъ не посѣщаетъ,
И на свободѣ быть ей тамъ не помѣшаетъ;
Отъ книги до другой прокладываетъ слѣдъ,
То ту понюхаетъ, то эту погрызетъ,
Ученымъ ужиномъ желудокъ свой питаетъ,
И мертвыхъ мудрецовъ и топчетъ и толкаетъ.
Когда жъ покушала довольно, поскребла,

Вдругъ басни тамъ она Езоповы нашла;
Страсть любопытства въ ней рождается мгновенно,
Какъ скотъ описанъ въ нихъ, знать хочетъ непремѣнно.
Смотрите: вонъ уже на задни лапки ставъ,
Передней лапою у книги листъ прижавъ,
Другою опершись, съ досугомъ и покоемъ,
Она, какъ барыня, сидитъ передъ налоемъ,
Утупя въ книгу носъ, съ великой тишиной,
Не хочетъ пропустить изъ басенъ ни одной;
Однако жъ мышьяго обычья не бросаетъ,
Который листъ прочтетъ, тотъ послѣ искусаетъ.
Хохочетъ глупостямъ скотовъ она другихъ,
И мнитъ: какъ хорошо онъ зналъ природу ихъ!
Но только лишь до тѣхъ достигла описанiй,
Гдѣ сдѣлано мышамъ такъ много поруганiй,
Гдѣ разны имена имъ срамныя даны,
Гдѣ гадкими они ворами названы,
За родъ свой и за честь съ горячностью вступилась,
Толкнула книгу прочь, вся гнѣвомъ воспалилась,
И побѣжала всѣхъ увѣдомить звѣрей,
Что нѣкто былъ Езопъ зовомый изъ людей,
Который, по любви къ злословью и гордынѣ,
О всякой говорилъ съ презрѣнiемъ скотинѣ.
Повсюду бѣгала, чтобъ всѣмъ о томъ сказать,
И тамъ, гдѣ надобно, старалась прилыгать.
Вся мирная толпа животныхъ возшумѣла,

Вся взволновалася, рѣшилась, полетѣла
Къ Зевесу съ прозьбою, чтобъ внявъ ихъ правоту,
Езопа наказалъ за дерзку клевету.
Зевесъ, которому всѣ кланяются боги,
Въ очахъ котораго и куща и чертоги,
Орлы и воробьи, и черви и слоны,
Всѣ одинаковы, всѣ передъ нимъ равны,
Который всякаго къ престолу допускаетъ,
Герою и ослу равно всегда внимаетъ,
Простеръ къ ихъ прозьбамъ слухъ, и правоту любя,
Езопа повелѣлъ представить предъ себя.
Посолъ, имѣющій стопы свои крылаты,
Тотчасъ принесъ его въ Зевесовы палаты,
Ну! жалуйтесь теперь, сказалъ онъ всѣмъ скотамъ,
Какія сей мудрецъ обиды сдѣлалъ вамъ.
Всѣ съ нетерпѣніемъ воздвигли страшны крики,
Всѣ вдругъ возвысили такіе гласы дики,
Что не было ни какъ возможности понять;
Меркурій долженъ былъ жезломъ ихъ унимать:
Постойте, закричалъ, не разберешь ни слова,
Всякъ говори, но лишь одинъ послѣ другова.
Тогда разинувъ свой окровавлѐнный зѣвъ,
И гривою своей потрясши гордый левъ
Къ Зевесу подошелъ, и на Езопа взоры
Возведъ исполненны презорства и укоры,
По ребрамъ самъ себя три раза онъ хвостомъ
Ударилъ яростно, и тако рекъ потомъ:
О праведный Зевесъ! яви свой судъ надъ нами;

Ты самъ меня царемъ поставилъ надѣ звѣрями;
Всякъ долженъ на царя съ почтеніемъ взирать,
А смертный сей меня дерзаетъ порицать,
Что будто бы ко мнѣ всѣмъ бѣднымъ доступъ
труденъ,
Что я немилосердъ, жестокъ, неправосуденъ,
И будто въ томъ свою утѣху нахожу,
Что сильныхъ лишь однѣхъ животныхъ я щажу,
А слабыхъ безъ вины нежалостно караю,
И цѣлыя стада когтями раздираю.
Такой его о мнѣ и наглъ и ложенъ толкъ,
Свидѣтели тому вотъ здѣсь медвѣдь и волкъ......
Скажите: запертыль мои вамъ были двери?
Тогда возвыся гласъ услужливые звѣри
Вскричали всѣ: нѣтъ! нѣтъ! ты кротокъ, спра-
ведливъ,
И всякой подъ твоимъ правленіемъ щастли́въ.
Тутъ чинно выступя, какъ красная дѣвица,
Съ пріятнымъ подошла смиреніемъ лисица,
И съ скромной важностью, потупя кроткій зракъ,
Вздохнула тяжело и говорила такъ:
О коль ехиденъ свѣтъ! всю жизнь я проводила
Въ твореньи дѣлъ благихъ, въ томъ щастье на-
ходила,
Чтобъ слабымъ подавать спасительный совѣтъ,
Невинныхъ защищать отъ всякихъ золъ и бѣдъ,
Трудиться въ дѣйствіяхъ полезныхъ и услужныхъ,
Сварли́выхъ примирять и посѣщать недужныхъ;

А этотъ человѣкъ такую пропасть взвелъ
Пороковъ на меня, обмановъ, черныхъ дѣлъ,
И такъ языкъ его зловредный изострился,
Что укорять меня притворствомъ не стыдился.
О злобный клеветникъ! .... но умолчимъ о томъ:
За худо надобно всегда платить добромъ.
А я, волкъ выступя кричитъ изъ за народа,
Чего не претерпѣлъ отъ этова урода?
Нѣтъ худа на земли, нѣтъ скаредныхъ именъ,
Какими бъ отъ него я не былъ нареченъ;
Но кто здѣсь обо мнѣ что вѣдаетъ худое,
Пронырство, плутовство, иль что либо такое,
Пускай изобличитъ ..... Повѣрь, боговъ отецъ,
Я добродѣтели и чести образецъ,
Отъ всякихъ прихотей имѣю отвращенье,
И пища вся моя одно сухояденье,
Въ болотахъ сѣрый мохъ и на лугахъ трава.
Едва лишь волкъ успѣлъ скончать свои слова,
Какъ вдругъ хвостомъ тряся и головой качая,
Вертучіе глаза повсюду обращая,
На легкихъ крылышкахъ чечотка подлетѣла,
И нѣжнымъ голоскомъ умильно засвистѣла:
О праведный Зевесъ! я честная жена,
Я цѣломудренна, невинна и скромна;
Но что же пользы въ томъ, когда сей злой пи-
сатель,
Смѣлъ сдѣлаться такихъ вещей о мнѣ сплетатель,
Какихъ я отроду не знала никогда .....

Я право не могу сказать ихъ отъ стыда.
Потомъ и самъ оселъ, горящій нетерпѣньемъ,
Къ Зевесу подошелъ съ великимъ униженьемъ,
И громко зарычалъ: внемли, о царь боговъ!
Правдивости моихъ чистосердечныхъ словъ;
Всѣхъ больше на сего обидчика прилично
Мнѣ жалобы творить, я имъ обиженъ лично.
Мы были съ нимъ друзья, въ его я домѣ жилъ,
И часто на своей спинѣ его носилъ;
Но онъ, забывъ мое усердье и услугу,
Пощады своему не сдѣлалъ даже другу,
И дерзкихъ обо мнѣ набредилъ столько словъ,
Что описалъ меня глупѣе всѣхъ скотовъ.
Тогда Езопъ, конца не видя ихъ прошенью,
Зевесу такъ сказалъ: чтобъ судъ привесть къ рѣшенью,
И мнѣ въ моихъ дѣлахъ отчетъ правдивый дать,
Молю, да повелишь толпу сію прогнать.
Не о пощадѣ я прошу или потачкѣ,
Но только бъ всякъ сюда входилъ поодиначкѣ.
Лишь ободрительно Зевесъ на то взглянулъ,
Меркурій въ тотъ же часъ жезломъ своимъ махнулъ,
Вся челядь скотская исчезла изъ чертога,
Остался лишь оселъ предъ взоромъ грозна бога.
Езопъ тогда къ нему смиренно подступилъ,
И низко покланясь учтиво говорилъ:
Что я тебя, мой другъ обидѣлъ дерзновенно,

Терзаюсь совѣстью, прошу уничиженно,
Прости мою вину. Кто усомнится въ томъ,
Чтобъ не былъ одаренъ ты выспреннимъ умомъ?
Всякъ вѣдаетъ, что ты и кротокъ и послушенъ,
Всегда трудолюбивъ, всегда великодушенъ,
Что въ пѣніи тебѣ уступитъ соловей,
И что проворнѣе и прытче ты коней;
Но здѣсь передъ судомъ скажи чистосердечно:
Что поступаетъ Левъ съ звѣрьми безчеловѣчно,
Не правду ль я сказалъ? .... Оселъ главой потрясъ,
И тако испустилъ пронзительный свой гласъ:
Когда передъ лицемъ великаго Зевеса
Всю правду объявить мнѣ должно безъ примѣса,
Быть такъ, не потаю: ты правду говорилъ,
Онъ наши всѣ стада въ поляхъ переказнилъ,
Вездѣ въ нихъ плачъ и стонъ, вездѣ опустошенье,
Вездѣ словамъ своимъ найдешь ты подтвержденье:
Дни съ три тому назадъ своею лапой самъ,
За тѣмъ лишь чтобъ своимъ утѣху дать зубамъ,
Онъ съ брата моего, нахмуря страшну рожу,
Съ невиннаго осла когтями содралъ кожу.
Ступай, сказалъ Езопъ, пріятель дорогой,
Довольно отъ тебя, ступай теперь домой;
За прежню рѣчь мою обидну и нескромну,
Я напишу тебѣ похвальну пѣснь огромну.
Оселъ, услыша то, пошелъ съ весельемъ вонъ.
Явилась хитрая лисица передъ тронъ.
Езопъ подходитъ къ ней, имѣя видъ смущенный:

Свершился надо мной Зевесовъ судъ священный,
Со вздохомъ ей сказалъ; ни въ чемъ не винна ты,
Пустыя на тебя взводилъ я клеветы;
Достоинства твои богъ правды уважая,
И за смиреніе вознаградить желая,
Надзору твоему всѣхъ курицъ поручилъ,
И впредь хулить тебя мнѣ строго запретилъ.
Однако же скажи по правдѣ, безпристрастно,
Не ужъ-то и осла я обвинялъ напрасно,
Что онъ лѣнивъ, упрямъ, и скареденъ и вялъ? —
О! что же до осла, о немъ ты не солгалъ,
Лисицинъ былъ отвѣтъ. — А то, что о чечоткѣ,
Объ этой вѣтренной я написалъ трещоткѣ,
Которая предъ симъ, вздыхая и стеня,
Съ такою жалобой винила здѣсь меня,
Какъ будто бы я взвелъ какую небылицу
На непорочную и честную дѣвицу,
Не ужъ-ли, рекъ Езопъ, то клевета была?
Какая клевета! лисица прервала,
Ты мало написалъ. Дѣла ея безчестны,
И ни кому, какъ мнѣ, такъ много не извѣстны:
Надъ самой той норой, гдѣ я всегда жила,
Она къ бѣдѣ моей гнѣздо свое свила.
Кто безпрестанное опишетъ ихъ порханье,
И хахалей ея всегдашне щебетанье!
Когда бъ на дерево не взлезла кошка къ нимъ,
И всѣхъ не согнала присутствіемъ своимъ,
Отъ ихъ крикливаго, летающаго роя,

Я не имѣла бы ни малаго покоя.
По окончаніи лисицыныхъ рѣчей,
Одинъ по одному изъ всей толпы звѣрей,
Передъ Юпитера по зову приходили,
И всѣ одно и тожъ, какъ спросятъ, говорили,
Что собственно Езопъ его лишь оболгалъ,
А про другихъ про всѣхъ онъ правду написалъ.
Юпитеръ, покачавъ сѣдою головою,
Отчасти съ смѣхомъ къ нимъ, отчасти же съ грозою
И съ важностію рекъ: у васъ, какъ у людей,
Такое же въ груди волненіе страстей;
Вы столько жъ, какъ они, содѣлалися вздорны,
И самолюбію и зависти покорны.
За что вамъ клеветой Езопа обвинять,
Когда стараетесь другъ друга очернять?
Не огорчайтеся вы впредь его словами,
И чѣмъ пѣнять ему, исправтесь лучше сами.
Сказалъ; очами гнѣвными на нихъ воззрѣлъ.
Перунъ въ его рукѣ подъятой загремѣлъ,
И вся толпа скотовъ, толико дерзновенно
Скучавшая ему, исчезнула мгновенно.

ЧАСЫ.

(Подражаніе Италъянскимъ стихамъ).

Плутишко Лель мнѣ подарилъ часы,
Отличнаго искуства и красы;
Но какъ они наружностью красивы,
Такъ внутренно не вѣрны, лживы:
Когда мнѣ весело, они бѣгутъ;
Когда же грустно, отстаютъ.

ОТРЫВОКЪ

Изъ Метастазіевой оперы Аттилій Регулъ (Attilio Regolo). *Дѣйствіе I, явленіе VII.*

(Дѣйствующія лица въ семъ отрывкѣ: *Манлій* консулъ; *Публій*, сынъ Реговъ; *Амилькаръ*, Кароагенскій посолъ; *Регулъ*, военачальникъ Римскій, взятый въ плѣнъ Кароагенцами. — Дѣйствіе въ Римѣ. Театръ представляетъ внутренность Беллонина храма съ сѣдалищами для Римскихъ сенаторовъ и для чужестранныхъ пословъ. Ликторы, стрегущіе разные входы въ храмъ, сквозь которые видны Капитолій и Тибръ. — Манлій, Публій, и сенаторы; потомъ Регулъ и и Амилькаръ съ сопровождающими ихъ Африканцами и народъ внѣ храма).

Манлій. Да внидетъ Регулъ, и да внидетъ Африканскій посолъ. (Обращаясь къ Публію): итакъ враги желаютъ мира?

Публій. Или покрайней мѣрѣ хотятъ размѣна плѣнныхъ. Регулу поручено ходатайствовать о семъ, и естьли ничего не испроситъ, то обязанъ возвратиться въ Кароагенъ и за-

платить кровію своею за отказъ Рима. Онъ поклялся въ томъ, и предъ отшествіемъ своимъ видѣлъ лютую уготованную ему казнь. Ахъ! да не будетъ сего, чтобъ на злое мученіе толь знаменитый гражданинъ . . . . . .

Манлій. Умолкни: онъ идетъ.

(Консулъ, Публій и Сенаторы, всѣ садятся. Остается пустое мѣсто, которое прежде занималъ Регулъ. Амилькаръ и Регулъ идутъ между ликторами, кои впустя ихъ возвращаются на свои мѣста: Регулъ при входѣ останавливается и размышляетъ).

Амилькаръ. Регулъ, почто останавливаешься? развѣ ново для тебя сіе обиталище?

Регулъ. Думаю, какимъ отъѣзжалъ я изъ него, и какимъ возвращаюсь.

Амилькаръ. (Консулу): Карѳагенскій сенатъ, готовый отложить страшное оружіе, сенату Римскому здравія желаетъ, и естьли Римъ хочетъ, то и миръ ему предлагаетъ.

Манлій. Возсядь и вѣщай. (Амилькаръ садится). А ты, Регулъ, займи прежнее свое мѣсто.

Регулъ. Но кто сіи, засѣдающіе съ тобою?

Манлій. Спосажденные отцы.

Регулъ. А ты кто?

Манлій. Не ужели не знаешь консула?

Регулъ. Развѣ можетъ между Консуломъ и Сенаторами засѣдать рабъ?

Манлій. Нѣтъ; но Римъ забываетъ стро-

гость законовъ своихъ для тебя, которому обязанъ онъ столькими завоеваніями.

Регулъ. Ежели Римъ забываетъ, то я ему о томъ напоминаю.

Манлій. (Какая неслыханная твердость!):

Публій. Такъ и Публій не долженъ сидѣть. (встаетъ).

Регулъ. Публій! что ты дѣлаешь?

Публій. Исполняю мой долгъ: сыну не прилично сидѣть, когда отецъ не садится.

Регулъ. Ахъ! какъ много Римскіе нравы измѣнились. Помнить о частной должности, когда дѣло идетъ о всеобщемъ благѣ, было, до отбытія моего, преступленіе.

Публій. Но . . . . .

Регулъ. Сядь, Публій, и съ лучшимъ достоинствомъ мѣсто свое заступать старайся.

Публій. Природа велитъ почитать отца.

Регулъ. Отецъ твой умеръ въ то время, когда побѣжденъ былъ. (Публій садится).

Манлій. Продолжай рѣчь свою, Амилькаръ.

Амилькаръ. Карѳагенъ избралъ Регула возвѣстить вамъ о своемъ желаніи. Что скажетъ онъ, то подтвердитъ Карѳагенъ, и я.

Манлій. Такъ вѣщай ты, Регулъ.

Амилькаръ. (тихо Регулу): помни, что ежели ничего не исходатайствуешъ, то ты клялся . . . .

Регулъ. Помню и не нарушу клятвы. (Задумывается).

Манлій. (Дѣло идетъ о немъ: трудно ему начать рѣчь).

Публій. (Боги Рима, ахъ! вдохните въ уста его силу краснорѣчія!).

Регулъ. Враждебный Карѳагенъ, на условіи, остаться при всѣхъ нынѣшнихъ владѣніяхъ своихъ, мира, о Спосажденные Отцы, отъ васъ требуетъ. Естьли же миръ вамъ будетъ не угоденъ, то по крайней мѣрѣ желаетъ, чтобъ ваши и его плѣнные, посредствомъ размѣна, получили конецъ бѣдственному своему заточенію. Мой совѣтъ, въ томъ и въ другомъ ему отказать.

Амилькаръ. Что слышу!

Публій. О бѣда!

Манлій. Я отъ удивленія цѣпенѣю!

Регулъ. Безполезность мира нѣтъ надобности доказывать: непріятель безсомнѣнія страшится, когда толь сильно его желаетъ.

Манлій. Но размѣнъ?

Регулъ. Размѣнъ заключаетъ въ себѣ обманъ еще злѣйшій.

Амилькаръ. Регулъ!

Регулъ. (Амилькару): не опасайся; я данную клятву мою сдержу.

Публій. О боги! Родитель мой погибнетъ.

Регулъ. Предлагаемый размѣнъ по многимъ причинамъ вреденъ, но всего въ немъ хуже собла-

знительный примѣръ. Честь Рима, храбрость, мужество, и всѣ воинскія доблести, о Спосажденные Отцы, исчезнутъ, естьли плѣннику дастся надежда быть свободну и жить. Какая польза Риму возвратить въ Римъ того, кто на хребтѣ своемъ принесетъ безчестные знаки ударовъ бича? кто оружіе свое, жаждущее крови враговъ, живой оставилъ, и страшась смерти отдалъ себя на поруганіе побѣдителю? О вѣчный срамъ!

Манлій. Пусть вреденъ размѣнъ, но вредъ сей пріобрѣтеніемъ единаго Регула стократно вознаградится.

Регулъ. Манлій, обманываешся. Регулъ также смертенъ. Чувствую удрученіе старости. Мало могъ бы я полезенъ быть Риму; но возвращенная за меня неукротимая юность принесла бы много пользы Кареагену. Умоляю васъ, не впадите въ сію великую погрѣшность. Лучшую часть дней моихъ имѣло отечество, пусть безполезный остатокъ ихъ достанется непріятелю. Пусть онъ торжествуетъ, взирая на умирающаго меня, но съ тѣмъ же вмѣстѣ и видитъ, что торжество его тщетно, и что Римская земля Регулами изобилуетъ.

Манлій. (О великодушіе удивительное!).

Публій. (О мужество злополучное!).

Амилькаръ. (Какой чудной и новой для меня языкъ!).

Манлій. Попеченіе наше долженствуетъ столько же быть о чести, сколько и о пользѣ: не похвально Риму содѣлаться неблагодарнымъ гражданину.

Регулъ. Естьли Римъ хочетъ мнѣ быть благодаренъ, вотъ путь: дикій народъ сей, о Спосажденные Отцы, счелъ меня столь подлымъ, что я изъ страха пойду измѣнить вамъ. Ахъ! оскорбленіе сіе всякой претерпѣнной мною муки жесточе. Отмстите за меня, Сенаторы: я былъ Римлянинъ. Вооружитесь, теките, да исторгнутся изъ храмовъ ихъ взятыя ими наши знамена! доколѣ врагъ не покорится вамъ, не отлагайте меча. Содѣлайте, чтобъ я возвратясь къ нему читалъ ужасъ вашего гнѣва на лицахъ палачей моихъ; чтобъ я умеръ весело, видя при послѣднемъ издыханіи моемъ, какъ при имени Рима Африка трепещетъ.

Амилькаръ. (Удивленіе мое больше, чѣмъ гнѣвъ мой).

Публій. (Никто не отвѣтствуетъ. О боги! сердце мое разрывается на части).

Манлій. Недоумѣніе толь великое требуетъ размышленія. Вскорѣ волю Сената, Амилькаръ, ты узнаешь. Мы же, Спосажденные Отцы, прежде всего пойдемъ просить помощи отъ боговъ.

Регулъ. О чемъ тушъ размышлять?

Манлій. Есть о чемъ, Регулъ. Я не знаю что̀ вреднѣе, совѣтъ ли твой отвергнуть, или принявъ оный лишиться того, кто такіе великіе совѣты подавать можетъ.

Ты смерти ужасъ презирая,
Отечеству себя приносишь въ даръ;
Но сына своего въ тебѣ
Оно сильнѣйшаго теряетъ.
Ты смерти требуешь своей,
Но требуешь ты много:
Подобными твоей великими душами
Не щедры небеса.

РѢЧЬ,

ГОВОРЕННАЯ ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ МАРІИ ѲЕДОРОВНѢ,

По случаю торжественнаго дня, (Ноября 18-го 1821 года,) въ который совершилось двадцатипяти-лѣтнее пребываніе Общества Благородныхъ Дѣвицъ подъ Начальствомъ и Покровительствомъ Ея Императорскаго Величества.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ!

Избранный отъ лица Совѣта и всего Общества, я дерзаю произнесть предъ ТОБОЮ общее всѣхъ чувствованіе благодарности.

Двадцать пять лѣтъ минуло, какъ подъ высокимъ покровительствомъ и неусыпнымъ попеченіемъ ТВОИМЪ, сіе Общество благородныхъ, ТОБОЮ хранимыхъ, ТОБОЮ воспитываемыхъ дѣвицъ, процвѣтаетъ. Какихъ благодѣяній не оказала ТЫ имъ? какихъ щедротъ не изліяла на нихъ? Въ теченіе толь долгаго времени ослабѣла ли когда ТВОЯ чадолюбивая, поистиннѣ материнская объ нихъ забота? уменшилось ли ходатайство ТВОЕ въ испрашиваніи для нихъ милостей у благотворнаго МОНАРХА, Великаго Сына ТВОЕГО? ТЫ умножила, или лучше сказать удвоила число выпуска воспитанницъ, и чрезъ то отворила врата

тѣснящимся отцамъ и матерямъ вводить дѣтей своихъ въ сіе святилище. ТЫ распространила, устроила, украсила домъ сей, для удобнѣйшаго имъ обитанія и ученія. ТЫ для всякаго состоянія людей учредила новыя заведенія, воздвигла новыя зданія, вѣчные благотвореній ТВОИХЪ памятники. Дѣянія ТВОИ сами собою благія, сами собою красныя, не требуютъ, для возвышенія ихъ, цвѣтовъ краснорѣчія; довольно только упомянуть объ нихъ, довольно только назвать ихъ. Какое восхищающее душу собраніе общеполезныхъ, богоугодныхъ дѣлъ! Знатныя дѣвицы, благородныя дочери, мѣщанки, сироты, вдовы, убогіе, дряхлые, больные, увѣчные, глухіе, нѣмые, всѣ подъ ТВОИМЪ покровомъ. ТЫ всѣмъ имъ равная МАТЬ. ТЫ имъ рука, нога, зрѣніе, слухъ. Душа ихъ ТОБОЮ питается, тѣло ихъ ТОБОЮ движется: иныя растутъ и украшаются нравственными и тѣлесными достоинствами; иныя обучаются всѣмъ нужнымъ въ домашнемъ общежитіи упражненіямъ; иныя насыщенныя, согрѣтыя, успокоенныя, забываютъ свою нищету и страданіе: всѣ въ разныхъ положеніяхъ одинакимъ сердцемъ и устами ТЕБЯ благодарятъ, возносятъ о ТЕБѢ молитвы къ Богу. Здравіе и немощь, юность и старость

равною одушевлены къ ТЕБѢ любовію и усердіемъ. — Таковъ есть день сей, день радости и веселія, день воспоминанія дватцати-пяти-лѣтняго попеченія ТВОЕГО о благѣ человѣчества! Какимъ великолѣпіемъ, какимъ торжествомъ, какими свѣтлыми огнями можно день сей достойно воспрославить? Всѣ искуства и самое величайшее усердіе и ревность не изобрѣли бы ничего, мугущаго соотвѣтствовать великости ТВОИХЪ благодѣяній. Но ТЫ соединяешь въ себѣ Мать съ Царицею: раздѣли сіи названія, отложи на время Царское ТВОЕ величество, останься при одномъ имени МАТЕРИ, и тогда увидишь ТЫ достойное сердца ТВОЕГО зрѣлище: увидишь, не хитрости искуствъ и художествъ въ честь ТЕБѢ истощенныя, не злато повсюду сіяющее, не огни высоко въ воздухѣ играющіе, не драгоцѣнные въ драгоцѣнныхъ кубкахъ напитки, нѣтъ! но увидишь простое искреннихъ чувствъ изъявленіе, увидишь сіяющую на всѣхъ лицахъ къ ТЕБѢ благодарность, увидишь пламень чистѣйшій къ ТЕБѢ во всѣхъ сердцахъ любви, увидишь слезы радости при возрѣніи на ТЕБЯ текущія. Такъ! ТЫ все сіе увидишь; но это еще не полное ТВОЕ торжество. Простри мысленный взоръ свой за стѣны сея

обители, обведи его вокругъ предѣловъ обширнаго Царства Россійскаго; посмотри на отрасли, на цвѣты, на плоды, возникшіе отъ сѣмянъ сего подъ рукой ТВОЕЙ растущаго вертограда. Представь себѣ радость родителей при незапномъ появленіи предъ ними благовоспитанныхъ дщерей ихъ! представь утѣшеніе родственниковъ, благополучіе мужей, сочетавшихся съ благонравными супругами, щастіе дѣтей благочестивыми матерями воспитываемыхъ! — но кто исчислитъ рѣки пользъ и благъ, истекшія отъ источника, скрывающаго вершины свои въ ТВОЕЙ великой душѣ? кто скажетъ, Царица ли ТЫ больше, или мать? въ соединеніи сихъ именъ состоитъ верховное благо людей. Первое дано ТЕБѢ отъ Бога, второе есть собственное ТВОЕ достоинство. Быть по природѣ Матерію величайшаго изъ Сыновъ, и по благодѣяніямъ Матерію всѣхъ ЕГО подданныхъ, наипаче же всѣхъ сиротъ и вдовъ, есть по истиннѣ быть блаженною въ женахъ, быть дщерію Небеснаго Отца. О! да будетъ, да будетъ ОНА благословенна! тьмы гласовъ о ТЕБѢ вопіютъ. Царица! благословеніе Божіе призывается на главу смертнаго благословеніемъ народа.

МОЛИТВА ДѢВИЦЪ.

Внемли, Господь! мольбѣ прилѣжной
Дѣтей о матери ихъ нѣжной;
Тебя, Всещедрый нашъ Отецъ!
Мы жертвой чтимъ любви нелестной,
Зря благости Твоей чудесной
Въ МАРІИ ясный образецъ.

Цвѣтущи подъ ЕЯ покровомъ,
Какимъ Тебя восхвалимъ словомъ
За щастье юныхъ нашихъ лѣтъ!
Съ трудами сочетавъ примѣры,
ОНА Твоей святыя вѣры
Вливаетъ въ насъ чистѣйшій свѣтъ.

Твои вперяя намъ уставы
Благіе въ насъ вселяетъ нравы,
И блескомъ знаній и наукъ
Преукрашаетъ нашу младость.
ОНА обиліе и радость
На насъ изъ полныхъ сыплетъ рукъ.

Простри съ небесъ Твою десницу,
И нашу Ангела-Царицу,
Служащу предъ Твоимъ лицемъ
Дѣлами милости сердечной,
Вѣнчай лучами славы вѣчной,
Вѣнчай щедротъ Твоихъ вѣнцемъ.

ПИСЬМО

къ Издателю Рускаго Вѣстника.

ГОСУДАРЬ МОЙ.

Примите отъ *Рускаго* человѣка чистосердечную благодарность за то, что вы подъ названіемъ *Рускаго Вѣстника* трудитесь издавать по содержанію своему весьма полезную, по слогу же пера вашего весьма пріятную книгу. Продолжайте бодрственно указывать намъ на нравы и дѣянія нашихъ предковъ, которыми мы паче величаться, нежели стыдиться, причину имѣемъ. Продолжайте уличать иностранныхъ писателей въ ихъ ложныхъ о насъ мнѣніяхъ. Вы совершенно правы: естьли выписать изъ книгъ ихъ всѣ тѣ мѣста́, гдѣ они разсуждаютъ о Россіи, то почти ничего не найдемъ мы въ нихъ, кромѣ хулы и презрѣнія. Вездѣ, а особливо до временъ Петра Великаго, называютъ они насъ дикими, невѣждами и ва́рварами. Но мнѣ кажется сіе худое понятіе объ насъ не столько происходитъ отъ ненависти къ намъ, сколько отъ невѣденія. Намъ бы

надлежало вывесть ихъ изъ сего заблужденія; показать имъ, что они обманываются; дать имъ почувствовать древность нашего языка, силу и краснорѣчіе, хранящіяся въ священныхъ нашихъ книгахъ и во многихъ оставшихся еще памятникахъ. Намъ бы надлежало отыскать, собрать, представить въ совокупности, разныя разсѣянныя въ лѣтописяхъ и другихъ старинныхъ повѣствованіяхъ вѣрныя свидѣтельства, что предки наши были не дикіе, что они имѣли законы, нравственность, умъ, разсудокъ и добродѣтели. Но какъ сдѣлать сіе, когда мы, вмѣсто любви къ языку своему, всячески отъ онаго отвращаемся? Вмѣсто вниканія въ собственныя наши хранилища, вникаемъ только въ сплетаемыя на чужихъ языкахъ объ насъ сказки? Вмѣсто чтобъ убѣдительными истинами переувѣрить иностранцевъ, сами ложными ихъ мнѣніями заражаемся? Петръ Великій, говорятъ они, просвѣтилъ, преобразилъ Россію. Такъ, никто въ томъ не споритъ; но слѣдуетъ ли изъ сего заключить, что до него все было неустройство и дикость? Нѣтъ! какъ предки Петра Великаго не отнимаютъ у него славы, такъ и Петръ Великій славою своею не повергаетъ предковъ своихъ въ безславіе. Онъ конечно ввелъ

науки, военное искусство, кораблестроеніе, возвысилъ, прославилъ Россію. Сіяніе дѣлъ его во муракѣ вѣковъ не погаснетъ. Но всякая держава имѣетъ времена, въ которыя величіе и слава ея больше умножились, нежели въ другія. Конечно, Россія послѣ нещастнаго паденія своего возстала мужественно, и управляемая мудрыми Государями, особливо же Петромъ Великимъ и Екатериною Второю, тожъ Великою, поднялась и вознесла высоко главу свою; но и до нихъ, въ самые древнѣйшіе вѣки, имѣла она свои достоинства: одинъ языкъ ея, сей твердѣйшій мѣди и мрамора памятникъ, вопіетъ громко во уши тѣхъ, которые имѣютъ у себя уши. Бытописанія и свидѣтельства не престаютъ чрезъ то существовать, что ихъ не читаютъ, и развѣ тѣхъ только не выведутъ изъ ложнаго мнѣнія, которые отвращаютъ отъ нихъ и умъ свой и слухъ, или тѣхъ, которые просвѣщеніе и достоинства человѣческія полагаютъ въ перемѣнахъ наружныхъ видовъ. Такъ, конечно; смотря на портретъ предка моего я вижу, что онъ не похожъ на меня: онъ съ бородою и безъ пудры, а я безъ бороды и напудренъ; онъ въ длинномъ и покойномъ платьѣ, а я въ узкомъ и короткомъ; онъ въ шапкѣ, а я въ шляпѣ.

*

Я гляжу на него и улыбаюсь; но естьли бы онъ вдругъ ожилъ и взглянулъ на меня, то конечно при всей своей важности не могъ бы удержаться отъ громкаго смѣха. Наружные виды не показываютъ достоинства человѣка, и не свидѣтельствуютъ истиннаго въ немъ просвѣщенія. Благочестивое сердце, здравый разумъ, праводушіе, безкорыстіе, мужественная кротость, любовь къ ближнему, усердіе къ семейственному и общему благу: вотъ истинный свѣтъ! не знаю, можемъ ли мы, просвѣщенные, похвастать тѣмъ предъ нашими предками, которыхъ иностранцы, и мы за ними, называютъ невѣждами и варварами. Недавно случилось мнѣ въ книгѣ, называемой *историческое описаніе города Пскова*, прочитать письмо Псковитянъ, писанное въ началѣ XIII столѣтія къ Великому Князю Ярославу. Письмо сіе столь достопамятно, что мнѣ кажется не излишно будетъ, и для намѣренія сочиненій вашихъ не посторонняя вещь, естьли я здѣсь оное выпишу, и сдѣлаю нѣкоторыя примѣчанія на тогдашній соотечественниковъ нашихъ слогъ и образъ мыслей. Но прежде надлежитъ предувѣдомить о тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ оное писано.

Новгородъ и Псковъ или Плесковъ были въ древности двѣ республики, или два нѣкія особыя правительства. Они повиновались Великому Князю Россійскому, и даже Псковъ, какъ новѣйшая или младшая республика, почиталъ и повиновался старшей, то есть Новугороду. Однакожъ каждая изъ нихъ имѣла своихъ правителей, свои войска. Связь и подчиненность ихъ была нѣкая добровольная, не столько на силѣ единовластія, сколько на согласіи и дружелюбіи основанная. Каждая изъ сихъ республикъ могла опираться на собственныя силы свои, могла оторгнуться отъ другой; но добрая воля, данное слово, чувствованіе братства, не допускали ихъ до сего разрыва. Такъ единодушная семья, пріученная родительскою властію отъ самаго малолѣтства быть согласною, хотя и лишится потомъ отца своего, но родственный союзъ между собою хранитъ ненарушимо. Исполненіе таковыхъ добродѣтелей показываетъ соединенное съ благочестіемъ праводушіе и доброту нравовъ. Мы увидимъ каковы были Псковитяне.

Въ 1228-мъ году Князь Ярославъ, не обославшись съ ними, пошелъ изъ Новагорода съ Посадскимъ Иваномъ и Тысяцкимъ Вечеславомъ въ Плесковъ, подъ видомъ яко бы идетъ войною на Рижанъ и Нѣмцовъ, но въ самомъ дѣлѣ, какъ подозрѣвали, хотѣлъ вошедъ въ Пле-

сковъ перековать всѣхъ градоначальниковъ и отослать ихъ въ Новгородъ. Плесковичи слыша, что Ярославъ везетъ къ нимъ цѣпи и оковы, заперли градъ, и его не впустили. Ярославъ видя таковую противность, возвратился въ Новгородъ, и созвавъ вече жаловался на Плесковичь, говоря, что онъ никоего зла на нихъ не мыслилъ, и желѣзъ для кованья ихъ не имѣлъ, а везъ къ нимъ въ коробьяхъ подарки, сукна, парчи и проч.; для того просилъ на нихъ управы, а между тѣмъ послалъ въ Переславъ за своими войсками, дѣлая всегда видъ, будто хочетъ идти на Рижанъ и Нѣмцовъ, но въ самомъ дѣлѣ помышляя отмстить Плесковичамъ за учиненное ими упорство. Полки Ярославовы пришли въ Новгородъ и стали вокругъ онаго въ шатрахъ, а иные въ Славнѣ и по дворамъ и на торжищѣ. Плесковичи слышавъ, что Ярославъ привелъ на нихъ войска, боясь его, учинили миръ и союзъ съ Рижаны, выключа изъ онаго Новгородъ и положа тако: „естьли Новгородцы пойдутъ на Плесковичъ, то Рижане обѣщали всею силою помогать, а естьли Литва пойдетъ на Рижанъ, „то Плесковичи имъ будутъ помогать, а Новгородцамъ на Рижанъ помогать не будутъ, и „дали по осьми мужей знатныхъ въ залогъ."

Остановимся не много на семъ договорѣ и разсмотримъ оный. Плесковичи, для приведенія

себя въ безопасность, вступили тотчасъ въ союзъ съ народами, съ которыми въ безпрестанной были войнѣ. Таковое скорое и незапное примиренiе со всегдашними непрiятелями требовало конечно искуства и свѣденiя въ политическихъ дѣлахъ. Сверхъ сего на чемъ союзъ сей основанъ? на пользахъ вѣсящихъ болѣе на сторону Плесковичей; ибо Рижане во всякомъ случаѣ имъ помогаютъ, Плесковичи же противу Новогородцевъ имъ не помогаютъ. И такъ при самой оборонѣ своей отъ Новгородцевъ не позабыли онѣ въ особомъ отъ ихъ союзѣ своемъ соблюсти должное къ нимъ уваженiе и любовь. Таковый поступокъ весьма далекъ отъ варварства и невѣжества. Но послѣдуемъ далѣе за повѣствователемъ:

Новгородцы (говоритъ онъ) увѣдавъ о томъ, стали на Ярослава роптать, что безъ причины хочетъ на Плесковичь воевать, и объявляетъ имъ, якобы идетъ на Рижанъ. Ярославъ, видя сiе, перемѣнилъ насильственное намѣренiе свое и пославъ къ Плесковичамъ Мишу Звонца, велѣлъ имъ говорить: „весьма мнѣ дивно, что вы съ „невѣрными миръ и союзъ учинили, а меня „Князя вашего принять не хотѣли. Нынѣ пойдите со мною на войну; а я обнадеживаю васъ „что вамъ ни коего зла не мыслилъ и не хочу.

„токмо отдайте мнѣ тѣхъ, кто меня вамъ „оклеветалъ.“

Посмотримъ теперь, какъ Плесковичи на такое укореніе ихъ отвѣчали. Вникнемъ въ слогъ и мысли письма ихъ. Правда оно не похоже на пустоцвѣтъ многихъ нынѣшнихъ писаній; но за то похоже на слова и рѣчи, какія у Квинта Курція древніе Скиѳскіе послы говорятъ Александру Великому. Правда нѣтъ въ немъ искуственныхъ сплетеній и игры словъ, скрывающихъ настоящія чувствованія и мысли, но за то нагая правда и простыми словами обнажаетъ душу и сердце. Вотъ ихъ отвѣтъ:

„Кланяемся тебѣ Князю Ярославу и братіи „нашей Новогородцамъ, и вамъ на ваши слова „отвѣтствуемъ: на войну съ вами нейдемъ, и „братіи нашея, которые правду говорятъ, не „отдадимъ.“

Вотъ каковы были нравы прежнихъ людей! цѣлое общество защищало правдиваго человѣка, и скорѣе соглашалось само за него пострадать, нежели предать его за усердіе! Псковитяне продолжаютъ:

„Что мы съ Рижаны миръ и союзъ учини„ли, въ томъ вамъ нѣтъ порока, вси бо мы „вѣрніи и невѣрніи человѣки отъ единаго Ада„ма дѣти, и намъ нѣтъ съ ними ни коея ра„зности: того ради улюбили лучше пожить въ

„покоѣ и любви, нежели во враждѣ и войнѣ;
„злу же ихъ и беззаконію не прилѣпляемся, но
„въ мирѣ со всѣми жить добро.“

Разсуждаютъ ли такъ варвары? думаютъ ли такъ невѣжды? терпимость вѣръ, которую въ осмнатцатомъ вѣкѣ Волтеры и другіе писатели съ толикимъ рвеніемъ и жаромъ защищали, здѣсь, при таковыхъ мнѣніяхъ и нравахъ имѣла ли бы нужду въ защитѣ? *Вамъ въ томъ нѣтъ порока*, говорятъ они Новогородцамъ. Вамъ? какая родственная связь! такъ благонравный братъ или сынъ отвращается отъ порока, сколько для сохраненія собственной своей славы, столько же и для того, чтобъ безславіемъ своимъ не обезславить брата или отца. *Злу же ихъ и беззаконію не прилѣпляемся, но въ мирѣ со всѣми жить добро*: какое просвѣщеніе, какое любомудріе научитъ лучше сего разсуждать? далѣе говорятъ они:

„Ты Княже умный и смысленный, помысли
„и разсуди, ежели сіи Рижане беззаконніи, видя
„наше состояніе смиренное и любовное, позна-
„ютъ истину, и обратятся на путь спасенія,
„то намъ есть честно и полезно; естьли хо-
„тя и пребудутъ въ томъ какъ они есть, намъ
„нѣтъ отъ нихъ ни вреда, ни безчестія.“

Какая увѣренность въ самихъ себѣ и въ своихъ добродѣтеляхъ! не боялись они повре-

жденія своей нравственности отъ чуждаго народа, не опасались уничижиться и стать ихъ обезьянами, но думали, что другіе народы, видя ихъ состояніе *смиренное и любовное*, отъ нихъ просвѣтятся, отъ нихъ сдѣлаются добронравными. Далѣе:

„Вы же насъ много обидѣли, къ Колываню „ходя взяли сребро, сами возвратились не учиня правды; по общему согласію города не взяли, и намъ ничего не дали. Такожъ у Кеси и „Медвѣжьей головы вы учинили, а они братію „нашу за то на озерѣ побили. Вы токмо начавъ „войну и получа добычу отходите, а мы всегда „остаемся съ ними во враждѣ."

Весьма справедливая жалоба и укоризна. Изъ сего видно, что Псковитяне огорчены были Новогородцами, содинились съ Рижанами, и взяли всѣ должныя мѣры къ своей безопасности, но дѣлая сіе забыли ль они, что Новгородцы ихъ братья, и что они составляютъ съ ними единое семейство? Нѣтъ. Мы уже отчасти видѣли то изъ ихъ съ Рижанами союза, а здѣсь еще и болѣе увидимъ. Они письмо свое окончеваютъ сими словами:

„Ежели вы вздумали итти на насъ, мы „противъ васъ со святою Богородицею и поклономъ, а не съ оружіемъ и злобою; понеже Но-

„вогородцы издревле братія наши. Тако вы насъ „посѣките, а женъ и дѣтей плѣните, ежели „вы беззаконніи.“

Можно ли что нибудь сказать сего почтительнѣе, благоразумнѣе, чувствительнѣе? по симъ изъявленнымъ ими чувствованіямъ безъ всякаго сомнѣнія можно повѣрить, что состояніе ихъ было подлинно, какъ они выше сего сказали, *смиренное* и *любовное*. Какая твердая связь и уваженіе къ соотечественникамъ! какая воздержность и обузданіе естественнаго гнѣва посреди обидъ о огорченій! какое глубокое почтеніе и покорность къ старѣйшему себя! повторимъ сіи достопамятныя слова. Ихъ мало одинъ разъ повторить. Ихъ можно тысячу разъ прочитать, и всегда съ новымъ удовольствіемъ: „*ежели вы вздумали итти на насъ, мы противу васъ со святою Богородицею и поклономъ, а не съ оружіемъ и злобою; понеже Новогородцы издревле братія наши.* (Господа иностранцы! покажите мнѣ, ежели можете, не говорю въ дикихъ народахъ, но посреди васъ, просвѣщенныхъ, подобныя сему чувствованія). *Тако вы насъ посѣките, а женъ и дѣтей плѣните, ежели вы беззаконніи.*“ (Безсомнѣнія Псковитяне, изъявляя таковую покорность, знали нравы своихъ собратій и соотечественниковъ, знали, что выраженіе *ежели вы беззаконніи* удобно

было удержать ихъ отъ всякихъ несправедливыхъ поступокъ. Слово беззаконіе было тогда гораздо страшнѣе, нежели нынѣ.

Одно таковое произшествіе показываетъ уже, какую нравственность имѣли предки наши, и какъ далеко были они отъ варваровъ и дикихъ, за долго до того времени, съ котораго иностранцы насъ, и мы за ними сами себя начали полагать въ числѣ людей.

ПРИМѢЧАНІЯ ДОСТОЙНОЕ НАЧАЛО ПРОПОВѢДИ.

Нѣкоторый Французскій священникъ отправленъ былъ по деревенскимъ церквамъ для проповѣдыванія слова Божія поселянамъ. Онъ исполнялъ должность свою съ великимъ раченіемъ и прославился краснорѣчіемъ своимъ. По долговременномъ отсутствіи наконецъ возвращается онъ въ Парижъ и приготовляется въ одинъ праздничный день говорить проповѣдь. Народъ, узнавъ о томъ, стекается въ великомъ множествѣ; весь дворъ и всѣ вельможи пріѣхали его слушать. Многіе опасались, что такое многолюдное собраніе, предъ которымъ онъ въ первый разъ говорить долженъ, приведетъ его въ робость и смятеніе. Напослѣдокъ онъ вышелъ на рекло и началъ проповѣдь свою сими словами:

„При воззрѣніи на толь новое для ме-„ня собраніе, казалось бы, братія, что не „иначе долженствую я отверсть уста мои, „какъ на испрошеніе благоснисхожденія ва-„шего къ бѣдному проповѣднику, не имѣю-

„щему ни единаго изъ талантовъ, кото-
„рыхъ требуете вы отъ того, кто вамъ о
„спасенiи вашемъ предлагать желаетъ. Я
„однакожъ въ сiе время совсѣмъ противное
„тому чувствую, и естьли я смущенъ, то
„не подумайте, чтобъ оное происходило
„отъ уничижительнаго безпокойства о са-
„молюбiи моемъ. Да не попуститъ Богъ,
„чтобъ священнослужитель Его имѣлъ нѣ-
„когда надобность извиняться предъ вами!
„Ибо кто бъ вы ни были, вы такiе же,
„какъ я, грѣшники. Не предъ вами, но предъ
„Богомъ моимъ хочу я днесь растерзать
„грудь мою. Доселѣ провозглашалъ я пра-
„восудiе Всевышняго въ храминахъ покры-
„тыхъ соломою; проповѣдовалъ угрызенiе
„раскаянiя нещастнымъ, не имѣющимъ на-
„сущнаго хлѣба; возвѣщалъ смиреннымъ
„сельскимъ жителямъ ужаснѣйшiя истин-
„ны вѣры. Что я дѣлалъ? нещастный! Опе-
„чаливалъ бѣдныхъ, лучшихъ друзей Бога
„моего; водворялъ страхъ и скорбь въ сiи
„души простыя и вѣрныя, которыя надле-
„жало бы мнѣ утѣшать и сожалѣть объ
„нихъ. Не тамъ, но здѣсь, гдѣ взоры мои
„не встрѣчаютъ никого, кромѣ знатныхъ,
„кромѣ богачей, кромѣ притѣснителей
„страждущаго человѣчества, или дерзкихъ
„окаменѣлыхъ грѣшниковъ; ахъ! здѣсь-то

„надлежало бы мнѣ ударить всесильнымъ
„громомъ Божіяго слова, и поставить подлѣ
„себя, на семъ реклѣ, по едину страну
„смерть грозящую намъ, а по другую ве-
„ликаго Бога моего, грядущаго васъ судить.
„Приговоръ вашъ въ моихъ рукахъ. Воспре-
„пещите предо мною, люди кичливые и
„гордые, слушающіе меня! Нужда спасенія,
„неизбѣжность смерти, неизвѣстность на-
„ступленія сей толико страшной для васъ
„минуты, кончина безъ покаянія, страшный
„судъ, малое число праведниковъ, адъ, а
„паче всего вѣчность, вѣчность! вотъ о
„чемъ я вамъ возвѣщать буду, и для васъ
„однихъ должно бы мнѣ было предоста-
„вить сіе зрѣлище. Какая мнѣ нужда въ
„вашихъ одобреніяхъ, для которыхъ могу я
„погубить душу мою не спася вашей? Богъ
„поколеблетъ сердца ваши словами недо-
„стойнаго служителя Своего; ибо благодать
„Его со мною. Тогда пораженные ужасомъ
„содѣянныхъ вами нечестій, повергнетесь
„вы въ объятія мои, проливая слезы уми-
„ленія и раскаянія, и сила растерзанной
„совѣсти вашей найдетъ меня достато-
„чно краснорѣчивымъ."

Переводъ съ Французскаго.

РАЗСМОТРѢНІЕ ПСАЛМОВЪ, ПРЕЛОЖЕННЫХЪ ЛОМОНОСОВЫМЪ.

Не для того хотимъ мы разсматривать здѣсь Ломоносова, чтобъ помрачить честь и славу сего великаго стихотворца; отнюдь нѣтъ! таковое желаніе было бы несправедливо, и столько же суетно и безразсудно, какъ хотѣть слабою тростію сокрушить камень. И такъ не для сысканія въ немъ недостатковъ предпріемлемъ мы сличеніе стиховъ его съ Славенскою прозою, но чтобъ чрезъ то показать, какъ много древній нашъ языкъ преимуществуетъ предъ нынѣшнимъ. Когда такому писателю, каковъ Ломоносовъ, трудно было простымъ нарѣчіемъ своимъ вознестись до высоты Славенскаго языка, то уже конечно должно почитать сіе невозможнымъ. Отсюду по непреложному убѣжденію ума заключить слѣдуетъ, что чѣмъ ближе будемъ мы придерживаться къ коренному языку

нашему, Славенскому, тѣмъ нынѣшній языкъ нашъ будетъ богатѣе и великолѣпнѣе; а чѣмъ далѣе станемъ уклоняться отъ онаго, тѣмъ скуднѣе будетъ онъ становиться и словами и мыслями.

Для избѣжанія повтореній, переводъ прозою съ Греческаго на Славянскій языкъ станемъ мы называть подлинникомъ, и предложимъ сперва оный, потомъ преложенѣе онаго въ стихи, а потомъ уже разсмотреніе.

ПСАЛОМЪ I.

„Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ, и на пути грѣшныхъ не ста, и на сѣдалищи губителей не сѣде:

„Блаженъ, кто къ злымъ въ совѣтъ не ходитъ,
Не хочетъ грѣшнымъ въ слѣдъ ступать,
И съ тѣмъ, кто въ пагубу приводитъ,
Въ единомъ мѣстѣ засѣдать.“

Стихи сіи хороши, но не досязаютъ до краткости и важности подлинника. Краткостію называется, когда рѣчь, безъ всякаго убавленія въ мысли, сказана будетъ меншимъ числомъ словъ: въ подлинникѣ оныхъ менше, чѣмъ въ преложеніи. Важность состоитъ въ томъ, когда въ рѣчи мѣсто простыхъ словъ заступаютъ важныя слова: въ подлинникѣ слово *мужъ* гораздо важнѣе,

чѣмъ въ преложеніи замѣняющее его мѣстоименіе *кто*. Реченіе *блаженъ мужъ иже не иде* плавнѣе реченія *блаженъ кто къ злымъ*. Выраженіе *сѣсть на сѣдалищи* величавѣе выраженія *въ единомъ мѣстѣ засѣдать*.

„Но въ законѣ господни воля его, и въ законѣ его поучится день и нощь:

„Но мысль и волю подвергаетъ
Закону божію во всемъ,
И точно оный наблюдаетъ
Во всемъ теченіи своемъ."

Въ рѣчи *мысль и волю подвергаетъ закону божію во всемъ*, нѣтъ ничего худаго; она очень хороша; но выраженіе, *въ законѣ господни воля его*, короче и сильнѣе; въ словахъ: *поучится день и нощь*, мысль лучше и чище, нежели въ словахъ: *наблюдаетъ во всемъ теченіи своемъ*. Сверхъ сего *теченіе* натянутымъ образомъ взято здѣсь за *жизнь*; надлежало бы сказать *во всю жизнь свою*, или *во все теченіе своей жизни*. Близкое повтореніе слова *во всемъ* для чувствительнаго уха также замѣтно.

„И будетъ яко древо насажденное при исходищахъ водъ, еже плодъ свой дастъ во время свое, и листъ его не отпадетъ.

„Какъ древо онъ распространится,
Что близъ текущихъ водъ растетъ;

Плодомъ своимъ обогатится
И листъ его не отпадетъ."

Стихи сіи хороши, гладки; но мысль въ нихъ не такъ чисто изображена, какъ въ подлинникѣ: тамъ мѣстоименіе *еже* относится точно къ древу; а здѣсь глаголы *распространится*, *обогатится*, оба скорѣе относятся къ мѣстоименію *онъ*, нежели къ слову *древо*. И такъ выходитъ, что *человѣкъ* плодомъ своимъ обогатится и листъ его не отпадетъ; но у *человѣка* нѣтъ *листовъ*.

„И вся, елика аще творитъ, успѣетъ. Не тако нечестивіи, не тако: но яко прахъ, егоже возметаетъ вѣтръ отъ лица земли.

„Онъ узритъ слѣдствія поспѣшны
Въ незлобивыхъ своихъ дѣлахъ;
Но пагубой смятутся грѣшны,
Какъ вихремъ восхищенный прахъ."

Выраженіе: *онъ узритъ слѣдствія поспѣшны въ незлобивыхъ своихъ дѣлахъ*, гораздо больше растянуто, и нѣтъ въ немъ той пріятной простоты, какая заключается въ выраженіи: *и вся, елика аще творитъ, успѣетъ*. Послѣдніе два стиха, *но пагубой смятутся грѣшны, какъ вихремъ восхищенный прахъ*, прекрасны; но могутъ ли они сравниться съ силою подлинника: *не тако*

нечестивіи, *не тако* — Сіе одно повтореніе слова *не тако* напрягаетъ уже воображеніе мое, которое потомъ сими поражается словами: *но яко прахъ*, *егоже возметаетъ вѣтръ отъ лица земли.*

„Сего ради не воскреснутъ нечестивіи на судъ, ниже грѣшницы въ совѣтъ праведныхъ:

„И такъ злодѣи не возстанутъ
Предъ вышняго Творца на судъ,
И праведны не воспомянутъ
Въ своемъ соборѣ ихъ отнюдъ."

Здѣсь смыслъ какъ въ подлинникѣ, такъ ивъ преложеніи, нѣсколько теменъ; да и въ другихъ извѣстныхъ мнѣ библіяхъ онъ не больше ясенъ. Во Французской сказано: *c'est pourquoi les méchans ne subsisteront point dans le jugement.* Въ Нѣмецкой по одному переводу: *werden nicht aufstehen*, по другому *bleiben nicht im gerichte*, по третьему *werden nicht bestehen.* Всѣ сіи выраженія почти тоже значатъ, что и наше *не воскреснутъ*, *не возстанутъ.* Но нѣкоторые знатоки утверждаютъ, что мысль, заключающаяся въ Еврейскомъ выраженіи не та, что грѣшники *не появятся* предъ судомъ Божіимъ, но что они *не устоятъ* предъ нимъ. Разумъ сего выраженія основанъ на слѣдующемъ разсужденіи: грѣшникъ, предстоящій предъ лицемъ праведника, хотя и чувствуетъ нѣкоторое убѣжденіе въ

неправости своей, нѣкоторый стыдъ, нѣкоторое укоренiе совѣсти; однако жъ увлекаемый заблужденiями, или окаменѣлый сердцемъ, видя предъ собою подобнаго себѣ человѣка, упорствуетъ еще, лжемудрствуетъ, противустоитъ обличенiямъ его, состязается съ нимъ; но когда предстанетъ онъ предъ судъ Вышняго, гдѣ во всемъ великолѣпiи, во всей славѣ предсѣдательствуетъ сама благость, сама истинна и премудрость, самъ сердцевѣдецъ, Богъ; то пораженный сiянiемъ солнца правды, сожженный весь совѣстiю, можетъ ли онъ хотя единое мгновенiе ока пребыть твердъ, упоренъ? можетъ ли устоять предъ лицемъ сего страшнаго, неумытнаго суда? Таковъ, сказываютъ, есть разумъ словъ Еврейскаго подлинника, и въ семъ-то смыслѣ надлежитъ понимать слово *не воскреснутъ*.

„Яко вѣсть господь путь праведныхъ, и путь нечестивыхъ погибнетъ:"

„Господь на праведныхъ взираетъ,
И ихъ въ пути своемъ хранитъ;
Отъ грѣшныхъ взоръ свой отвращаетъ
И злобный путь ихъ погубитъ."

Въ подлинникѣ не сказано, что Богъ *злобный путь грѣшниковъ погубитъ*; но что путь сей, о которомъ Богъ не хочетъ вѣ-

дать, самъ собою погибнешь. Между выраженіемъ: *я погублю тебя*, и выраженіемъ: *я оставляю тебя и ты погибнешь*, нѣтъ разности въ дѣйствіи, но въ образѣ возвѣщенія великая разность.

ПСАЛОМЪ XIV.

„Господи! кто обитаетъ въ жилищи твоемъ? или кто вселится во святую гору твою?

„Господи, кто обитаетъ
Въ свѣтломъ домѣ выше звѣздъ?
Кто съ тобою населяетъ
Верхъ священный горнихъ мѣстъ?“

Весьма хорошо.

„Ходяй непороченъ, и дѣлаяй правду, глаголяй истину въ сердцѣ своемъ:

„Тотъ, кто ходитъ непорочно,
Правду завсегда хранитъ,
И нелестнымъ сердцемъ точно,
Какъ языкомъ говоритъ.“

Выраженіе *тотъ кто ходитъ не порочно*, уступаетъ въ краткости выраженію *ходяй непороченъ*. Рѣчь: *и нелестнымъ сердцемъ точно какъ языкомъ говоритъ*, больше растянута и слабѣе, чѣмъ рѣчь: *глаголяй истину въ сердцѣ своемъ*. Впрочемъ какъ дол-

жно сказать: *языкомъ* или *языкомъ*? мнѣ кажется и то и другое позволительно. Въ простонародныхъ выраженіяхъ приличнѣе удареніе дѣлать на послѣднемъ слогѣ, какъ напримѣръ: *дразнить языкомъ*.

„*Иже* не ульсти языкомъ своимъ, и не сотвори искреннему своему зла, и поношенія не пріять на ближнія своя:

„Кто устами льстить не знаетъ,
Ближнимъ не наноситъ бѣдъ,
Хитрыхъ сѣтей не сплѣтаетъ,
Что бы въ нихъ увязъ сосѣдъ."

Послѣдніе два стиха, заступающіе мѣсто словъ: *и поношенія не пріятъ на ближнія своя*, заключаютъ въ себѣ совсѣмъ иной смыслъ, и потому могутъ названы быть прибавленіемъ, но прибавленіемъ весьма хорошимъ. Здѣсь также встрѣчается слово, могущее имѣть двоякое удареніе: *сѣтей* и *сѣтей*. Я нарочно замѣчаю сіе; ибо не худо есть ли бъ таковыя слова для свободности въ стихахъ особо выписаны были и признаны за двояко ударяемыя.

„Уничиженъ есть предъ нимъ лукавнуяй, боящыяжеся господа славитъ: кляныйся искреннему своему, и не отметаяся:

„Презираетъ всѣхъ лукавыхъ,
Хвалитъ вышняго рабовъ,

И предъ нимъ душею правыхъ
Держится присяжныхъ словъ."

Въ выраженія *презираетъ всѣхъ лукавыхъ* нѣтъ той нравоучительной мысли, какая заключается въ словахъ: *уничиженъ есть предъ нимъ лукавнуяй;* ибо въ первомъ случаѣ означается только дѣйствіе праведника: *презираетъ*; во второмъ изъявляется состояніе предъ нимъ грѣшника: *уничиженъ*. Не знаю для чего во второмъ стихѣ глаголъ *хвалитъ* предпочтенъ глаголу *славитъ*: кажется сей гораздо знаменательнѣе перваго. Въ послѣднихъ двухъ стихахъ мысль не точно та, какая въ подлинникѣ. Тамъ сказано: *кляныйся искреннему своему, и не отметаяся*, то есть: не нарушаетъ клятвы данной искреннему своему. А стихотворецъ въ преложеніи говоритъ, что онъ не нарушаетъ обѣщанія даннаго Богу: *и предъ нимъ* (то есть предъ Вышнимъ) *душею правыхъ держится присяжныхъ словъ*. Сверхъ сего *держаться присяжныхъ словъ* есть выраженіе болѣе приличное простому, нежели важному слогу.

„Сребра своего не даде въ лихву, и мзды на неповинныхъ не пріятъ. Творяй сія не подвижится во вѣкъ:

„Въ лихву дать сребо стыдится,
Мзды съ невинныхъ не беретъ.

Кто такъ жить на свѣтѣ тщится,
Тотъ во вѣки не падетъ."

Стихи сіи хороши, нѣтъ въ нихъ ничего похуленія достойнаго; однако со всѣмъ тѣмъ естьли мы послѣдніе два стиха сличимъ съ подлинникомъ, то найдемъ, что они силѣ и крапкости онаго уступаютъ. Которое выраженіе лучше, ето ли: *кто такъ жить на свѣтѣ тщится, тотъ во вѣки не падетъ*, или ето: *творяй сія не подвижится во вѣкъ?* Послѣднее лучше: нѣтъ здѣсь ни *кто*, ни *такъ*, ни *тотъ*; четырмя словами тожъ самое сказано, что осмью. Сверхъ сего глаголъ *не подвижится* гораздо больше значитъ, чѣмъ глаголъ *не падетъ*; ибо что *не движится*, то уже конечно *не падетъ*; а что *не падетъ*, то еще можетъ *двигаться*. Толико-то самому Ломоносову трудно было достигать до высоты и силы Славенскаго языка!

ПСАЛОМЪ XXVI.

„Господь просвѣщеніе мое и спаситель мой, кого убоюся? господь защититель живота моего, отъ кого устрашуся?

„Господь спаситель мнѣ и свѣтъ:
Кого я убоюся?
Господь самъ жизнь мою блюдетъ:
Кого я устрашуся?"

Почти точныя слова подлинника; не знаю только для чего Ломоносовъ въ первомъ стихѣ мѣстоименіе *мнѣ* предпочелъ мѣстоименію *мой*.

„Внегда приближатися на мя злобующимъ, еже снѣсти плоти моя, оскорбляющіи мя и врази мои, тіи изнемогоша и падоша:"

„Чтобъ въ злобѣ плоть мою пожрать,
Противны устремились;
Но злой навѣтъ хотя начать,
Упадши, сокрушились."

Сокращеніе *противны* вмѣсто *противные* или *противники* въ стихахъ терпимо.

Въ прежнихъ изданіяхъ вмѣсто слова *навѣтъ* стояло слово *совѣтъ*. Кажется поправлено къ лучшему. Замѣтимъ здѣсь тонкости нашего языка: *упадши*, хорошо; но *упавши*, было бы худо, потому что послѣдующее слово *сокрушились* требуетъ возвышеннаго слога, тогда, какъ въ рѣчи, напримѣръ: *я упавши зашибъ себѣ ногу*, не годилось бы сказать *упадши*.

„Аще ополчится на мя полкъ, не убоится сердце мое: аще востанетъ на мя брань, на него азъ уповаю:

„Хоть полкъ противъ меня возстань,
Но я не ужасаюсь;

Пускай враги воздвигнутъ брань,
На Бога полагаюсь.“

Преложеніе прекрасное, однако же уступаетъ подлиннику. Во первыхъ я люблю лучше выраженіе *не убоится сердце мое* нежели *но я не ужасаюсь*: слово *сердце*, говоря о твердости противу страха, производитъ во мнѣ больше чувствованія, нежели мѣстоименіе *я*. Во вторыхъ мнѣ лучше нравится *аще востанетъ на мя брань*, нежели *пускай враги воздвигнутъ брань*, для того что въ первомъ изъ сихъ выраженій больше стихотворства: не *враги воздвигаютъ брань*, но *брань сама возстаетъ*.

„Едино просихъ отъ господа, то̀ взыщу: еже жити ми въ дому господни вся дни живота моего, зрѣти ми красоту господню, и посѣщати храмъ святый его:

„Я только отъ Творца прошу,
Чтобъ въ храмъ его вселиться;
И больше въ свѣтѣ не ищу,
Какъ въ ономъ веселиться.“

Мысль, заключающаяся въ стихахъ сихъ, далеко отходитъ отъ мысли, заключающейся въ подлинникѣ. Выраженіе *жить въ дому господнемъ вся дни живота своего*, гораздо больше значитъ, нежели выраженіе *вселиться въ храмъ его*. Сверхъ того въ по-

слѣднихъ двухъ стихахъ мѣстоименіе *въономъ* по связи относится больше къ *свѣту*, нежели къ *храму*. Тогда рѣчь сія: *больше въ свѣтѣ не ищу, какъ веселиться въономъ*, не будетъ содержать въ себѣ той набожной мысли, какая заключается въ словахъ подлинника: *то взыщу, еже зрѣти ми красоту господню, и посѣщати храмъ его святый.*

„Яко скры мя въ селеніи своемъ въ день золъ моихъ, покры мя въ тайнѣ селенія своего, на камень вознесе мя:“

„Въ селеніи своемъ покрылъ
Меня онъ въ день печали,
И неподвижно укрѣпилъ,
Какъ злые окружали.“

Выраженіе *вознесъ меня на камень* величавѣе выраженія *неподвижно укрѣпилъ*.

„И нынѣ се вознесе главу мою на враги моя: обыдохъ, и пожрохъ въ селеніи его жертву хваленія, и воскликновенія: пою и воспою господеви:

„Возвысилъ онъ мою главу
Надъ всѣхъ враговъ ужасныхъ:
Я жертву принося, зову
Ему въ псалмахъ согласныхъ.“

Мнѣ кажется предлогъ *на* даетъ больше выраженію силы, нежели предлогъ *надъ*.

Глаголъ *зову* уступаетъ выраженію *пою и воспою*, которое показываетъ не оконченному еще дѣлу опять новое начало, и чрезъ то дѣлаетъ его какъ бы безконечнымъ.

„Услыши господи гласъ мой, имже воззвахъ, помилуй мя, и услыши мя: тебѣ рече сердце мое:"

„Услыши, господи, мой гласъ,
Когда къ тебѣ взываю,
И сохрани на всякой часъ;
Къ тебѣ я прибѣгаю."

Въ подлинникѣ больше движенія и жару: *помилуй мя, услыши мя, тебѣ речетъ сердце мое.*

„Господа взыщу, взыска тебе лице мое, лица твоего Господи взыщу:

„Я къ свѣту твоего лица
Вперяю взоръ душевный,
И отъ всещедраго творца
Пріемлю лучь вседневный."

Мысль въ подлинникѣ темнá. Мысль въ стихахъ яснà и хороша.

„Не отврати лица твоего отъ мене, и не уклонися гнѣвомъ отъ раба твоего: помощникъ мой буди, не отрини мене, и не остави мене Боже спасителю мой:

„Отъ грѣшнаго меня раба
Творецъ не отвратися;

Да взыдетъ предъ тебя мольба,
И въ гнѣвѣ укротися.“

Въ стихахъ мысль точно таже, и хорошими словами выражена; но не видно въ нихъ того усерднаго, неотступнаго моленія, какое въ подлинникѣ чрезъ повтореніе: *будь мой помощникъ, не отринь меня, не оставь меня*, чувствуется.

„Яко отецъ мой и мати моя остависта мя, Господь же воспріятъ мя:

„Меня оставилъ мой отецъ
И мать еще въ младенствѣ;
Но воспріялъ меня Творецъ
И далъ жить въ благоденствѣ.“

Стихи сіи равносильны подлиннику. Примѣтимъ здѣсь, что Ломоносовъ часто, сообразуясь съ мѣрою стиховъ, сокращалъ тѣ слова, которыя терпятъ сокращеніе, какъ напримѣръ: *младенство* вмѣсто *младенчество, воззрѣла матерски къ нему*, (ода 10) вмѣсто *матерински*.

„Законоположи ми Господи въ пути твоемъ, и настави на стезю правую врагъ моихъ ради:

„Настави, Господи, на путь
Святымъ твоимъ закономъ,
Чтобъ врагъ не могъ поколебнуть
Крѣпящагося въ ономъ.“

Законоположи ми въ пути твоемъ, сдѣлалось уже для насъ темнымъ выраженіемъ. Мнѣ кажется оно значитъ: *веди меня закономъ твоимъ по пути твоему*. Въ стихахъ тажъ мысль сохранена, но выраженіе *настави на путь* не показываетъ *кого* и на *какой* путь наставить. Здѣсь мѣстоименія необходимо нужны: *наставь меня на путь твой*, то есть, которымъ ты самъ идешь. Смыслъ безъ того не будетъ имѣть полной ясности.

„Не предаждь мене въ душы стужающихъ ми: яко возсташа на мя свидѣтели неправедніи, и солга не правда себѣ:“

„Меня въ сей жизни не отдай
Душамъ людей безбожныхъ,
Твоей десницей покрывай
Отъ клеветаній ложныхъ.“

Выраженія: *не предаждь мене въ душы* и *солга неправда себѣ*, темны. Въ стихахъ же сказано: *отъ клеветаній ложныхъ*; но *клеветанія* иначе не могутъ быть какъ *ложныя*.

„Вѣрую видѣти благая господня на земли живыхъ:

„Я чаю видѣть на земли
Всевышняго щедроты,

И не лишиться николи
Владычнія доброты."

Земля живыхъ, есть также весьма темное выраженіе.

„Потерпи Господа: мужайся, и да крѣпится сердце твое, и потерпи Господа:

„Ты сердце духомъ укрѣпись,
О Господѣ мужайся,
И бѣдствіемъ не колеблись;
На Бога полагайся."

Въ подлинникѣ глаголъ *потерпи* не имѣетъ нынѣ того знаменованія, въ какомъ онъ здѣсь употребленъ. Въ стихахъ же глаголъ *не колеблись* должно ударить вмѣсто средняго на послѣднемъ слогѣ, но сіе удареніе нѣсколько дико.

ДѢВИЦЫ.

Веселая и унылая.

(Переводъ съ Италіянскихъ стиховъ, изъ сочиненій Бонди).

Обѣихъ цвѣтущею красотою, обѣихъ любезнымъ добронравіемъ, но различными свойствами души одарило небо. Кларина пляшущими стопами протекаетъ путь жизни: предъ нею высоко на златыхъ крыльяхъ летаютъ всегда веселыя мечты, и всѣ предметы въ очахъ ея смѣются. Она ищетъ обитаемыхъ холмовъ, открытыхъ полей, прелестныхъ видовъ; или на пестрыхъ лугахъ плететъ себѣ разноцвѣтные вѣнки, не изъ блѣдныхъ лилей, не изъ темныхъ гіацинтовъ, но выбирая изъ цвѣтовъ болѣе блестящіе и веселые. Нѣтъ такаго мрачными облаками покрытаго дня, который не казался бы ей ясенъ. Надѣется больше, нежели боится; и когда слушаетъ кого, расказывающаго о печальныхъ въ жизни приключеніяхъ, то думаетъ, что онъ многое къ правдѣ прибавилъ, и хочетъ, какъ сочинители трагедій, растрогать сердца зрителей

Заросших долин, густых и безмолвных лѣсов ищет Лаурета. На погружающееся въ море солнце пристально смотрит. Там, гдѣ съ глухим шумом падают волны, останавливается, и жадный слух свой преклоняет; или, поднявъ главу и возвыся взоръ, любуется разно-свѣтящимися облаками, на лицѣ ея играющими; или, встрѣтясь съ бродящею безъ пристанища женщиною, слушает съ соболѣзнованіемъ плачевную ея повѣсть; или внемлет трубящему на горѣ рогу охотников и съ сожалѣніемъ видит гонимаго псами зайца; или когда въ лѣтнюю ночь полная на нѣбѣ блистает луна, очами и сердцем слѣдует за текущею тихо сребреною ея колесницею, и забывает сама себя.

СТИХИ

на смерть Государя Императора Александра Перваго.

Тебя, Монархъ, не столь еще въ годинѣ давной,
Воююща въ войнѣ преславной,
Повсюду я сопровождалъ,
И гласъ Твоихъ велѣній сильныхъ,
И громъ побѣдъ Твоихъ предивныхъ,
Народамъ возвѣщалъ;
А днесь . . . . . . О что сказать дерзаю!
Останки тлѣнные Твои
(Теките слезъ ручьи!)
Въ могилу темную препровождаю!
Создатель неба и земли,
Моленью нашему внемли;
Разставшись съ жизнію земною
Да будетъ Онъ съ Тобою.

СТИХИ

на смерть Императрицы Елисаветы Алексѣевны.

И Твой, о кроткая *Елисавета*!
Ударилъ смертный часъ,
И Ты, отшедъ отъ здѣшня свѣта,
Сокрылася отъ насъ.
Ты кедры саномъ превышала,
И какъ цвѣтокъ простой,
Растущій межъ травой,
Ни гордости, ни пышности не знала.
Съ Тобою нѣкогда я дни,
(о какъ мнѣ памятны они!)
Въ обители смиренной,
У матери Твоей почтенной,
Отрадно провождалъ,
Тогда, какъ предъ Твоимъ Супругомъ ополченнымъ,
Парижъ съ царемъ своимъ надменнымъ
Уничиженно палъ. *)

---

*) Въ 1814 году оставался я, по случаю болѣзни моей, при *Императрицѣ*, и жилъ то въ Карлсругѣ, то въ Бруксалѣ.

А днесь — что вижу я и внемлю?
Печальну пѣснь поютъ!
Куда Тебя несутъ?
Увы! со трона въ землю! . . . . .
Но то не Твой чертогъ:
Ты тамъ, гдѣ Ангелы, гдѣ Богъ.

СТИХИ

НА СМЕРТЬ

Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Ступай на небеса, Марія!
Туда, гдѣ души царствуютъ благія,
Гдѣ скорбей и печалей нѣтъ,
Гдѣ вѣчный блещетъ свѣтъ!
Тебѣ отворятъ райски двери,
И дѣвы, и отцы, и матери, и дщери,
И бѣдные, и сироты,
О коихъ здѣсь, какъ Мать, пеклася Ты,
Питала ихъ и согрѣвала,
Съ неутомимостью въ жилища ихъ летала,
И щедрою и ласковой рукой
Хранила ихъ и ихъ семействъ покой:
Тамъ тѣни ихъ блаженны,
Къ Тебѣ любовію возженны,
Съ усердною къ Царю небесъ мольбой,

Пойдутъ передъ Тобой;
А здѣсь со стономъ и слезами,
И старъ и младъ изъ насъ,
Благословя Тебя, падетъ предъ небесами,
И Богъ услышитъ общій гласъ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПРИНОШЕНІЯ,

изъ Италіянской книги, поднесенной Императрицѣ Екатеринѣ Второй.

Тебѣ, непобѣдимая и славная жена, держащая болѣе чѣмъ мужескою рукою бразды толь обширнаго и могущественнаго Царства; Тебѣ, въ покровительствѣ наукъ подражающей Августу, въ милосердіи же и добродѣтеляхъ равняющейся Титу и Антонію; Тебѣ, въ великихъ намѣреніяхъ и побѣдахъ не уступающей Траяну, дерзаетъ безвѣстный чужестранецъ посвятить новую книгу, плодъ его трудовъ, яко единственный даръ, какой можетъ онъ принесть Той, которая имѣетъ право царствовать въ сердцѣ каждаго человѣка, умѣющаго цѣнить истинное величіе и твердую добродѣтель.

Тебя, Великая Царица, боготворятъ подданные Твои народы; Тебѣ удивляются всего свѣта державы; и тогда ли, когда всѣ о тебѣ говорятъ и всякой у подножія престола Твоего находитъ честь и покро-

вительство, я один боятъся буду положить къ священнымъ стопамъ Твоимъ мою книгу?

Тебѣ, Всемилостивѣйшая Государыня, она принадлежитъ; тебѣ, Владычицѣ Черного моря: позволь, да посвящу Тебѣ Исторію мореплаванія, торговли, и поселенія древнихъ народовъ на семъ морѣ. Повергаю ее къ стопамъ Твоего Величества; да будетъ ей судьбою Твоя Царская милость.

Наука древности, сама собою похвальная, становится совершенно корыстною, *) когда открываетъ намъ полезную истину, и ведетъ насъ шествовать въ слѣдъ предковъ нашихъ по пути благоденствія и величія. Въ семъ сочиненіи, весьма достойномъ любопытства, какъ по новости необыкновеннаго содержанія своего, такъ и по обстоятельствамъ, намѣренъ я собрать всѣ отъ древнихъ писателей оставшіяся намъ о Черномъ морѣ свѣденія, поколику всеснѣдающее время пощадило ихъ источники.

---

*) Тѣ, кои захотятъ, чтобъ вмѣсто *корыстною* стояло здѣсь *занимательною*, могутъ подъ словомъ *корысть* прочитать, которое изъ нихъ лучше и свойственнѣе нашему языку, а ежели больше любятъ перенимать новое, нежели разсуждать о старомъ, то пусть остаются при своихъ *интересностяхъ* и *занимательностяхъ*.

НѢЧТО О СОСЛОВАХЪ.

Объясненіе сословов есть весьма трудное дѣло, требующее великихъ соображеній и точныхъ опредѣленій, безъ чего неясность больше затмитъ, нежели просвѣтитъ умъ читателя. Многіе покушаются объяснять ихъ, но рѣдко успѣваютъ, и почти всегда впадаютъ больше или меньше въ погрѣшности. Желаніе найти разность въ томъ, что такъ много сходствуетъ между собою, заводитъ обыкновенно въ такія тонкости разсужденій, которыя удобно разрываются, и престаютъ быть тою нитію, по коей умъ слѣдовать долженъ. Выставимъ хотя одинъ примѣръ, не для осужденія написавшаго оный, но только для показанія, какъ трудно ихъ сочинять.

Слабость, безсиліе.

Вотъ что находимъ мы въ объясненіи сихъ двухъ словъ:

„*Слабость* есть относительный недостатокъ силы" . . . . . .

Сіе первое опредѣленіе тотчасъ останавливаетъ насъ, и еще по двумъ причинамъ: 1-е) *относительный* къ чему? ибо

безъ сего рѣчи сей разумѣть не можно. 2-е) Ежели *слабость* есть недостатокъ силы, то и *безсиліе* тоже. Определеніе сіе не определяетъ разности между сими словами. Посмотримъ далѣе:

„*Безсиліе* есть крайняя степень слабости" ....

Безсиліе и *слабость* (когда мы сіи два слова возмемъ особенно, не сопрягая ни съ какимъ другимъ понятіемъ) конечно суть два состоянія, изъ которыхъ первое значитъ нѣчто болѣе, нежели второе; но *крайняя степень* какъ у того, такъ и у другаго, есть одна и таже, то есть совершенное ихъ уничтоженіе: въ семъ случаѣ они дѣлаются равными между собою, и ни которое изъ нихъ не можетъ быть *крайнею степенью* другаго.

„Въ *слабомъ* предполагается нѣкоторая сила въ отношеніи къ слабѣйшему" ......

Хорошо; но и въ *безсильномъ* предполагается нѣкоторая сила въ отношеніи къ безсильнѣйшему.

„Въ *безсильномъ* отрицается и малѣйшая сила" .....

Напротивъ, тоже что въ *слабомъ*, предполагается нѣкоторая сила; ибо *безсильный* не есть еще лишившійся всѣхъ силъ, мертвый. Притомъ же мы оба сіи слова (сла-

бость и безсиліе) обыкновенно берем въ сравнительномъ смыслѣ, и тогда значеніе ихъ перемѣняется смотря по предмету, къ которому ихъ относимъ: въ *крайней степени* слабости, и безсилія, левъ, волкъ, и овца, равны между собою; но въ обыкновенномъ понятіи о сихъ словахъ, волкъ *безсиленъ* противу льва, но *силенъ* растерзать овцу: въ *безсиліи* его отрицается сила противу льва, но не противу овцы.

„Ежели слабые соединятся въ общество согласіемъ и единодушіемъ, то могутъ противиться и величайшей силѣ" ......

Справедливо; но ежели сильные также соединятся въ общество согласіемъ и единодушіемъ, то прежнее обстоятельство ни мало не перемѣнится.

Вотъ все, что сказано для показанія разности между словами *слабость* и *безсиліе*. Что жъ мы изъ сего поняли? умнѣе ли стали, чѣмъ были? знаніе языка, гдѣ какое слово употреблять, прибавилось ли въ насъ хоть не много? мы взяли одинъ примѣръ, но ежели возмемъ ихъ и болѣе, то конечно въ рѣдкомъ изъ нихъ не найдемъ много погрѣшительныхъ, и мало-справедливыхъ, на истинѣ вещей основанныхъ умствованій. Сіе ведетъ насъ къ заключе-

нію, что гораздо лучше и полезнѣе выводить значеніе сослововъ изъ разсмотрѣнія корней ихъ, тогда разумъ и свойство языка покажутъ, гдѣ они сходствуютъ, и гдѣ разнятся между собою. Возмемъ тѣжъ самые сословы:

Слабость, безсиліе.

Предлогъ *без*, соединенный съ именемъ *сила*, показываетъ въ словѣ *безсиліе* отрицаніе силы; но въ словѣ *слабость*, разсуждая объ одномъ токмо его составѣ, мы того не видимъ. Итакъ посмотримъ, откуду оно происходитъ, почему и всегда ли значитъ тоже, или подобное, что и *безсиліе*. Сравнимъ слово *слабость* съ словомъ *свобода*, и мы найдемъ, что оба онѣ имѣютъ одинъ и тотъ же корень, или лучше сказать, второе изъ нихъ есть измѣненіе перваго. Малороссіяне и простой народъ по сіе время вмѣсто *свободный, освободить*, говорятъ *слободный, ослободить*. Они правы. Вообразимъ звѣря, привязаннаго на веревкѣ къ столбу: доколѣ веревка *слаба*, онъ *свободенъ*, но съ напряженіемъ ея лишается свободы; ибо далѣе идти не можетъ. Изъ сего явствуетъ что сіи два понятія смежны между собою и что понятіе о *свободѣ*, или правильнѣе

слабодѣ, родилось отъ понятія о *слабости*. До сихъ поръ слово *безсиліе* не имѣетъ ни какого сходства съ словомъ *слабость*, и мы не поймемъ, ежели вмѣсто *веревка ослабла*, скажутъ *веревка обезсилѣла*; но о человѣкѣ или какомъ животномъ безъ всякой темноты можемъ сказать: онъ очень *ослабъ* или *обезсилѣлъ*; въ семъ случаѣ оба сіи слова пріемлемъ мы почти за одно и тоже. Слѣдовательно понятія, изъявляемыя словами *слабость* и *безсиліе*, не всегда бываютъ смежны, а потому и слова сіи не вообще, но токмо въ нѣкоторомъ смыслѣ могутъ называться *сословами*. Гдѣжъ, почему и когда отдаляются и сближаются онѣ одно съ другимъ? для сего надлежитъ прежде сообразить ихъ съ тѣми, хотя отъ иныхъ корней словами, но кои нѣкоторымъ образомъ участвуютъ въ опредѣленіи ихъ смысла. Что значитъ *тугость* или *напряженіе*? то, что вытянуто, не *слабо*. Почему *слабость* есть состояніе противное состоянію *тугости* или *напряженія*? На сіе не можемъ мы иначе отвѣтствовать, какъ да и нѣтъ. Какимъ это образомъ? вотъ какимъ: въ словѣ *напряженіе* представляется намъ два дѣйствія, изъ коихъ одно относится къ вещи *напрягаемой*, а другое къ человѣку, *напрягающему* оную. Отъ сихъ двухъ дѣйствій

раждаются въ насъ два разныя понятія: когда мы *напрягаемъ*, напримѣръ, веревку, то 1-е) веревка сія вытягивается, становится туже; и 2-е) мы не можемъ дѣлать сего безъ употребленія нѣкоторой силы. Ломоносовъ, изображая подземный огонь въ видѣ исполина, силящагося поднять великую тягость, говоритъ: *напрягся мышцами и рамена подвигнулъ*. Въ семъ, и во многихъ другихъ подобныхъ выраженіяхъ, слово *напряженіе* скорѣе говоритъ намъ о *силѣ* дѣйствующаго лица, нежели о прехожденіи ослабшей вещи въ состояніе тугости. По сей причинѣ (то есть, что слово *напряженіе* имѣетъ два смысла) и противуположное ему слово *слабость* получаетъ также два значенія, изъ коихъ одно относится къ *напряженію*, когда оно просто значитъ *тугость*, а другое къ *напряженію*, когда оно значитъ *силу*. Для различенія сихъ двухъ отношеній, изъ корня *слаб* произведено двѣ съ разными окончаніями вѣтви: *слабина* и *слабость*. Такимъ образомъ говорится: вытянуть *слабину* веревки (а не *слабость*), и напротивъ того: онъ отъ великаго изнуренія пришелъ въ *слабость* (а не въ *слабину*.) Сіе различіе чувствительно при словахъ *слабина* и *слабость*, но когда мы иными оборотами тожъ понятіе выражаемъ, то-

гда и мысли наши смѣшиваются, или приходятъ въ сомнѣніе. Напримѣръ, я не назову *слабины* веревки *слабостію*, но какимъ образомъ въ выраженіи: *веревка эта слаба*, могу знать, что̀ значитъ слово *слаба? слабину* ли, или *слабость* веревки? ибо оно можетъ значить и то и другое. Сіе не прежде объяснится намъ, какъ полною рѣчью. Когда мнѣ скажутъ: *веревка эта слаба, надобно ее натянуть*, тогда я буду разумѣть, что это говорится о *слабинѣ* ея (здѣсь слово *слаба* отрицаетъ въ веревкѣ *тугость*, а не *силу*, и потому не имѣетъ одинакаго значенія съ словомъ *безсильна*, не есть сословъ оному); когда же скажутъ: *веревка эта слаба, не выдержитъ повѣшенной на ней тягости*, тогда я буду разумѣть, что это говорится о *слабости* ея, или *безсиліи*, (ибо здѣсь слово *слаба* есть тоже, что *безсильна*, не имѣетъ довольно твердости, крѣпкости, *силы*). Вникая такимъ образомъ въ языкъ, то есть въ силу смысла, какую корень сообщаетъ вѣтвямъ, я могу лучше пріучить себя къ вѣрнымъ и безошибочнымъ соображеніямъ, гдѣ и въ какихъ случаяхъ слова̀ *слаботсь* и *безсиліе* имѣютъ между собою больше или менше смежности; ибо онѣ иногда почти одно и тоже значатъ, а иногда весьма разли-

чное. На примѣръ выраженіе: *я слабъ предъ нимъ*, есть тоже, что *безсиленъ*; или *разслабленіе членовъ*, есть тоже, что лишеніе силъ, *безсиліе*; но въ иныхъ случаяхъ *безсиліе* значитъ гораздо больше, нежели *слабость*: говоря о болѣзняхъ, на примѣръ, изъ *слабости* приходитъ въ *безсиліе*, значило бы умноженіе, а изъ *безсилія* приходитъ въ *слабость*, значило бы уменшеніе болѣзни. Сверхъ сего и въ подобіяхъ навыкли бы мы лучше различать справедливое отъ несправедливаго. Напримѣръ, ежели бы кто сказалъ: *силы мои такъ слабы, какъ слаба не туго натянутая нить*, то бы мы тотчасъ почувствовали худость сего уподобленія, потому что здѣсь одна *слабость* неподобна другой, или что несходныя понятія о *слабинѣ* и *слабости* смѣшаны между собою.

Я думаю симъ или подобнымъ образомъ разбирать значеніе сослововъ гораздо меньше подвержено ошибочнымъ сужденіямъ, и для пріученія себя къ свойственнѣйшему въ рѣчахъ употребленію ихъ гораздо полезнѣе, нежели вышеприведенныя нами опредѣленія, *что слабость есть относительный недостатокъ силы*, что *безсиліе есть крайняя степень слабости*, что *въ слабомъ предполагается нѣкоторая сила въ отноше-*

ніи къ слабѣйшему, что *въ безсильномъ отри-цается и малѣйшая сила*, и проч. Всѣ сіи опредѣленія не показываютъ ни начала и порядка мыслей, ни смежности понятій, ни свойствъ языка, а только видомъ учености затмѣваютъ простоту разсудка. Хотя бы мы и узнали чрезъ нихъ нѣкоторыя замѣчанія, когда должно сказать *слабость* и когда *безсиліе*, но сіи замѣчанія простирались бы только на сіи два слова, а не на всѣ отъ сего корня произведенныя вѣтви. Напротивъ того вышеприведенное нами о сихъ словахъ разсужденіе ведетъ насъ къ соображенію по оному всѣхъ сего семейства словъ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ

Сравненія Славенскихъ словъ съ словами другихъ языковъ. (см. въ семъ собраніи сочиненій и переводовъ опытъ разсужденія о первоначаліи, единствѣ и разности языковъ. Часть XI, стран. 28 и послѣдующія за нею.

XVI. *) Нѣмецкое слово *wachs*, по Голландски *wasch*, по Англински и Шведски *wax*, по Датски *vox*, по Руски *воскъ*, и проч.

---

*) Вышеозначенный опытъ окончевается XV-мъ словомъ.

Разсмотримъ сіи слова, или лучше сказать одно и тоже слово, въ одномъ языкѣ нѣсколько различно произносимое, чѣмъ въ другомъ. Единство ихъ очевидно. *) Главная разность состоитъ въ перестановкѣ буквъ, толь часто во всѣхъ языкахъ и во многихъ словахъ примѣчаемой. Скажемъ сперва о единствѣ сихъ словъ, и потóмъ о происхожденіи оныхъ. Нѣмецъ говоритъ *wachs*, Голанецъ (ближе къ Рускому) *wasch*. Въ Англинскомъ и Шведскомъ *wax*, или Датскомъ *wox*, буква *x* произносится какъ наши *кс*: слѣдовательно и здѣсь не иное что видимъ, какъ туже перестановку буквъ, измѣ-

---

*) Аделунгъ подъ словомъ своимъ *wachs* говоритъ: „Еще нерѣшено, Славенское ли слово „сіе, пришедшее къ предкамъ нашимъ вмѣстѣ „съ ульями пчелъ изъ Польскихъ и Рускихъ лѣ„совъ, или происходитъ оно отъ *weich* (мягко), „или отъ *wachsen* (расти), или отъ инаго подо„бнаго корня“ — Естьли бы зналъ онъ Славенскій языкъ, то не сталъ бы искать названія воску (или своему *wachs*) въ толь отдаленномъ отъ онаго понятіи, какое представляется въ имени *weich* (ибо *мягкость* есть случайное въ воскѣ качество, когда онъ согрѣтъ теплотою), ниже въ отдаленнѣйшемъ еще глаголѣ *wachsen*, которой не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ *воску*, никогда не *растущему*; но увидѣлъ бы, что Славенское слово, отъ котораго онъ такъ названъ, выражаетъ точно существенную ему принадлежность.

нившую Славенское слово *воскъ* въ *ваксъ.* *) Итакъ нѣтъ сомнѣнія, что слово сіе есть одно и тоже, общее всѣмъ вышеозначеннымъ языкамъ. Но которому жъ оно изъ нихъ собственно принадлежитъ? безсомнѣнія тому, который качество сей вещи сблизитъ съ даннымъ ей наименованіемъ. „*Воскъ*, сказано въ Академическомъ словарѣ, есть вещество *вязкое*, и проч.“ Отселѣ тотчасъ видѣть можно, что *воскъ* (подобно другимъ отъ сего же корня, то есть отъ глагола *вязать*, вѣтвямъ, таковымъ, какъ *вязко*, *вязнуть*, и проч.) по *вязкости* качества своего названъ сперва *вязкъ* или *вяскъ*, а потомъ *воскъ*, поелику буквы *з* и *с*, также *я* или *а* и *о*, удобно одна вмѣсто другой произносятся. Напротивъ сего Нѣмецкія слова *klebrigkeit* или *zahigkeit*, соотвѣтствующія Рускому *вязкость*, не могли подать повода къ произведенію отъ нихъ имени *wachs*. Пусть покажутъ мнѣ ближайшее чемъ въ семъ названіи сходство съ качествомъ сего вещества, тогда повѣрю я, что Славенское слово произошло отъ ихъ словъ.

XVII. Посмотримъ какъ въ Италіянскихъ словаряхъ толкуется слово ихъ *stan*-

---

*) Отсюду мы изъ своего *воскъ*, переставя буквы по образцу Нѣмецкаго произношенія *wachs*, или Англинскаго *wax*, сдѣлали слово *вакса*.

za. „1-е, имя общее раздѣленныхъ промежу„точными стѣнами мѣстъ дома: *chambre*, „*appartement*, Фр. (горница, покой, комната). „2-е, Нѣкоторая часть пѣсни, называемая „иначе *strofa*, а по Фр. *stance*, *strophe*, *couplet*, „(стансъ строфа, куплетъ)" — такъ, послѣдуя иностранцамъ, пріемлемъ мы въ языкъ свой слова́ ихъ, происходящія отъ корней нашихъ Славенскихъ словъ. Для удостовѣренія въ томъ, разсмотримъ сіи слова́ въ коренномъ ихъ смыслѣ и значеніи. Мы видѣли (см. часть XI, стран. 76), что всѣ вѣтви, производимыя изъ корня *ст*, какъ наши, такъ и чужеязычныя, изъявляютъ понятіе о *стояніи* (то есть о неподвижности, непоступности, пребываніи на одномъ и томъ же мѣстѣ). Слѣдовательно Италіянское слово *stanza*, (горница, комната) означаетъ по коренному смыслу *(ST)*, вещь *стоячую*, неподвижную, подобно какъ наши отъ того же корня происходящія слова̀, таковыя, какъ *стойло*, *станъ*, *столбъ*, и проч., означаютъ, также по коренному смыслу, тожъ *стоячія*, неподвижныя вещи. Италіянецъ потому горницу называетъ *stanza*, что она неподвижна, и что въ ней *стоятъ* или живутъ люди. (Надлежитъ здѣсь замѣтить, что глаголы *стоять* и *жить* по смѣжности понятій часто употребляются въ одинакомъ смыслѣ, какъ напримѣръ: *я*

стою у краснаго моста, то. е. живу, пребываю). Мы для означенія горницы или покоя не произвели слова отъ корня *ст* (т. е. отъ понятія *стоять*), но произвели отъ него подобную же вѣтвь, *стойло*, то есть отгороженное для *стоянія* лошади мѣсто. Итакъ Италіянское слово *stanza*, и наше *стойло* суть двѣ отъ одного и того же корня произведенныя вѣтви, и слѣдовательно по коренному смыслу одинакія (поелику обѣ происходятъ отъ понятія, заключающагося въ одинакаго значенія глаголѣ *stare*, *стоять*); но по частному или вѣтвенному различныя; ибо хотя обѣ означаютъ мѣсто для *стоянія* (пребыванія), но у нихъ для *стоянія* людей, а у насъ для *стоянія* лошадей. Вотъ въ чемъ состоитъ вмѣстѣ и разность и единство ихъ языка съ нашимъ. — Пойдемъ теперь далѣе искать сего единства или сходства языковъ. Италіянецъ подъ тѣмъ же самымъ словомъ *stanza* разумѣетъ еще и родъ стихотворенія, въ которомъ стихи раздѣляются на нѣсколько частей, съ перерывомъ или разстановкою часть отъ части. Итакъ ясно, что онъ потому называетъ и горницу и часть стиховъ *stanza*, что въ горницѣ *стоятъ* (живутъ), а стихи имѣютъ *разстановку*, то есть не сдвинуты вмѣстѣ, *стоятъ* отдѣльно одни отъ другихъ; иначе по какому сход-

ству или подобію могъ бы онъ обѣ сіи вещи называть одинакимъ именемъ? Названіе *stanza* (въ смыслѣ *часть стиховъ*) объясняетъ онъ еще другимъ словомъ *strofa*, а Французъ для выраженія того жъ самаго употребляетъ три слова: *stance*, *strophe* и *couplet*. Всѣ сіи названія по какому нибудь подобію должны сходствовать между собою; ибо не свойственно, чтобъ умъ человѣческій, безъ всякаго соображенія, одну и ту же вещъ называлъ разными именами. Я не знаю можно ли на другихъ языкахъ вывести сіе сходство или соотношеніе между вышеозначенными тремя названіями; но Славенскій языкъ безъ всякаго сомнѣнія намъ оное покажетъ. Мы видѣли, что Италіянское *stanza*, произведенное отъ глагола *stare*, *стоять*, потому уподобленію означаетъ и горницу и часть стиховъ, что какъ горница *стоитъ* неподвижно и отдѣляется отъ другихъ горницъ стѣнами, такъ и части (въ пѣснѣ или иномъ чѣмъ) стиховъ, состоящія изъ нѣкотораго равнаго числа строкъ, *стоятъ* неподвижно жъ, и отдѣляются отъ другихъ частей промежутками. Обратимся теперь къ слову *strofa*, и посмотримъ, какое сходство (то есть въ смежности понятій) имѣетъ оно съ словомъ *stanza* (stance Фр). Въ имени *strofa*, (Греч.

ςροφη, Лат. *stropha*, Фр. *strophe)*, коренной слогъ *rof* или *roph* единозвученъ съ Славенскимъ *ров*, *рв*, *) *рыв*, *рыт*, въ словахъ *ровъ*, *рвать*, *вырывать*, *рыть*, **) и проч. Многія иностранныя слова, произведенныя отъ сего корня (разумѣется съ нѣкоторыми, какъ и у насъ, измѣненіями остальныхъ, кромѣ первоначальной, буквъ его) показываютъ такое же, какъ и Славенскія, или подобное имъ значеніе. Напримѣръ, Французскія *rompre* (изломать, изорвать), ***) *rupture* (разрывъ); Латинское *ruere*, Нѣмецкія *rupfen*, *ausraufen* (вырывать), и проч. Слѣдователь-

*) Прошу Рускаго благосклоннаго читателя называть буквы по руски: *рцы*, *веди*, а не по Французски: *эрь*, *ве*, какъ по нещастію, портя языкъ свой, обучаютъ юношей въ нашихъ училищахъ. Неужъ ли дойдемъ мы до того, что, перемѣня древнее названіе буквъ, напослѣдокъ и самыя буквы свои промѣняемъ на ихъ буквы? чего добраго!

**) Хотя глаголы *рвать* и *рыть* различное значатъ, но происхожденіе ихъ отъ одного и того же корня видно потому, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ сближаются они заключающимися въ нихъ понятіями. Напримѣръ, *рыть* землю нельзя иначе, какъ *рвать*, *отрывать* ее отъ матерука.

***) Глаголы *изломать*, *изорвать*, тожъ хотя различное значатъ, но представляютъ одинакое дѣйствіе. Разность между ими только та, что, *изломать* говорится о твердыхъ, а *изорвать* о мягкихъ вещахъ.

но и здѣсь, по единству значенія словъ *stanza* и *strofa*, должно полагать, что естьли первое изъ нихъ, происходя отъ глагола *stare* (*стоять*), означаетъ *разстановку*, то надлежитъ, чтобъ и второе, по корню своему *rof* или *roph*, значило нѣчто подобное же, то есть *разрывъ* или *отрывокъ*; ибо что *разстановлено*, то и *оторвано* одно отъ другаго. — Французское *couplet*, происходитъ отъ глагола *couper*, соотвѣтствующаго нашимъ нынѣшнимъ словамъ: рубить, рѣзать, сѣчь, а старинному *кепать* (см. въ лѣтописяхъ и древнихъ книгахъ). Слѣдовательно и въ сихъ двухъ глаголахъ: *couper*, *кепать*, при одинакомъ ихъ значеніи находимъ и корень одинакій (*coup*, *кеп*). — Сообразимъ теперь всѣ три слова: *stanza*, *strofa*, *couplet*; переложимъ ихъ на такія Славенскія, которыя имѣли бы тѣжъ самые корни: *разстановка*, *перерывка*, *перекепъ*. *)

*) Глаголъ *кепать* вышелъ изъ употребленія, а потому и нѣтъ у насъ слова *перекепъ*; но естьли бы произвели мы отъ него сію вѣтвь, то бы она тожъ самое значила, что произведенныя отъ сословствующихъ или единозначащихъ съ нимъ глаголовъ *рубить*, *рѣзать*, *сѣчь*, значатъ вѣтви *отрубокъ*, *отрѣзокъ*, *отсѣкъ*, или *пересѣчка*. Впрочемъ хотя и неупотребляемъ мы болѣе глагола *кепать*, однако жъ имѣемъ оставшіяся отъ него вѣтви; ибо говоримъ: разщепъ (у пера) вмѣсто *раскепъ*; *щепать* (лучину) вмѣсто

Не всѣ ли слова сіи одинакое понятіе изъявляютъ, и не означаетъ ли сіе понятіе то самое, что, говоря о стихахъ, разумѣютъ въ нихъ подъ словомъ *stanza*, или *strofa*, или *couplet*?

XVIII. *Гнѣздо* (по Нѣм. и Голланд. *nest*; по Швед. *naesta*, по Греч. *νεοσσια* или *νεοττια*; по Латин. *nidus*; по Итал. *nido*; по Франц. *nid*; по Ирланд. *nead*; по Вальски *nith*), и проч. Аделунгъ производитъ слово свое *nest* отъ глагола *nähen* (шить), приводя въ доказательство тому, что вещь, названная симъ именемъ, обыкновенно бываетъ плотная, какъ бы сшитая. Онъ подтверждаетъ это еще тѣмъ, что подъ словомъ *nestel* разумѣютъ разнаго рода плетешки, снурки, ремешки для связыванія или привязыванія чего нибудь, отколѣ и различаютъ ихъ именами *schnurnestel, schuhnestel, hosennestel*, смотря потому, на прикрѣпленіе какой вещи они употребляются. Отсюду же (т. е. отъ *nähen*, шить) производитъ онъ слово свое *netz*, сѣть, сѣтка, (по многимъ другимъ языкамъ *nett, net, nati, naet*, и проч.). О нашемъ же словѣ *гнѣздо*, видя въ немъ тотъ же корень *nest*, говоритъ, что оно приняло букву *г*; но я думаю напротивъ, что какъ его, такъ и другіе упоминаемые имъ языки, отъ нашего

скепать; *щепки* вмѣсто *скепки*, то есть срубки или срѣзки.

слова отбросили сію букву, можетъ быть по нѣкоторой для нихъ трудности выговаривать ее вмѣстѣ съ буквою *н*. Доказательства на это ясны и суть слѣдующія: Славенское слово *гнѣздо* составлено изъ двухъ слоговъ *гнѣ* и *здо*, изъ которыхъ первой очевидно есть отрывокъ отъ глагола *гнѣту*, а второй имя (такое же, какъ *зданіе*), произведенное отъ глагола *зду*, (т. е. зижду, созидаю); ибо птица (или звѣрь), дѣлая *гнѣздо* свое, скорѣе *гнѣтетъ*, утаптываетъ, *зиждетъ* оное ногами и носомъ, нежели *шьетъ*. Итакъ Славенское слово, выражая въ точности то дѣйствіе какимъ вещъ сія устроивается, не имѣло надобности заимствовать сего названія отъ другихъ языковъ. Что жъ принадлежитъ до Нѣмецкихъ словъ *nestel* (снурокъ или веревочка) и *netz*, или по другимъ языкамъ: *nett, net, nati, neat*, и проч. (сѣть, сѣтка), то и здѣсь очевидно, что слова сіи, равно какъ и самое *nähen* (шить) и *nadel* (игла), *)

---

*) По Нижнесаксон. *natel*, по Англосаксон. *naedl*, по Англин. *needle*, по Верхненѣмец. *naild*, по Исланд. и Дат. *naal*, по Швед. *nal*, по Финлянд. *neula*, по Эстлянд. *nekla*: всѣ имена сіи, по сходству буквъ и смежности понятій *нитки* съ *иглою*, могли произойти отъ Славенскаго *нить*, такъ какъ бы по нашему, производя имя *иглы* отъ сего слова, назвать ее *нитеница* или *нительница*, разумѣя чрезъ то, что она всегда во время шитья влечетъ за собою *нитку*.

произошли отъ Славенскаго *нить*, *нитка*; ибо она употребляется какъ для сшиванія, такъ и для завязыванія чего нибудь, или плетенія сѣтокъ. Названіе на Нѣмецкомъ языкѣ *нитки* словомъ *zwirn* не мѣшаетъ сему производству: ибо часто примѣчается въ языкахъ, что коренное слово, пустя отъ себя вѣтви, само исчезаетъ, или замѣняется инымъ словомъ. Аделунгъ имя *zwirn* производитъ отъ числа *zwei* (два), по той будто бы причинѣ, что нитку сдваиваютъ; но она не сдваивается, а свертывается (крутится, сучится), и потому скорѣе слово ихъ *zwirn* могло произойти отъ Славенскаго *свернуть* или *свить*; ибо къ понятію о *ниткѣ* подходитъ ближе дѣйствіе *свертыванія*, *свиванія*, нежели *сдваиванія*. Мы по такому жъ соображенію отъ глаголовъ *вертѣть*, *сопрягать*, произвели имена относящихся къ сему вещей, какъ то: *веретено*, *веревка* (ибо оная дѣлается посредствомъ свертыванія, свиванія), *пряду*, *прядь*, *пряжа*, и проч. — Да не подумаетъ кто, что я оговариваю Аделунга отъ неуваженія къ сему писателю. Нѣтъ! я удивляюсь трудолюбію сего ученаго и достопочтеннаго мужа; цѣню высоко словарь его, принесшій Нѣмецкому языку великую пользу, и всеусердно желаю, чтобъ

нѣкогда и на нашемъ языкѣ появилось подобное произведеніе; но отдавая труду и глубокимъ свѣденіямъ его полную справедливость, не могу согласиться на нѣкоторыя его словопроизводства, и совершенно увѣренъ, что ежели бы ему извѣстенъ былъ Славенскій языкъ, то и самъ онъ многія мысли и добирательства свои поправилъ бы, находя въ немъ несравненно вѣрнѣйшія начала ко всеобщему изслѣдованію языковъ. Я весьма увѣренъ также и въ томъ, что ежели бы всѣ въ Европѣ ученые мужи такое же о познаніи Славенскаго языка прилагали попеченіе, какое о Греческомъ и Латинскомъ, то конечно, не говорю вообще для наукъ, но собственно для откровенія порождавшаго языки человѣческаго ума, (наука, на коей всѣ прочія науки основываются), признали бы справедливость моего мнѣнія, не по пристрастію къ моему отечественному языку, но по долговременному въ немъ упражненію во мнѣ утвердившагося.

XIX. Нѣмецкое слово *büffel*, (по Нижнесаксон. *buffel*, по Англин. *buffle*, по Франц. *bufle*, по Итал. *buffalo*, по Гишпан. *bufano*, по Дат. *byffel*, по Латин. *bubalus*, по Греч. *βυβαλος*,) означаетъ буйвола *). Аделунгъ про-

*) Мы въ иномъ мѣстѣ сказали уже о семъ кратко; повторимъ здѣсь пространнѣе.

изводитъ слово свое отъ Гальскаго или Бретанскаго *bu*, или Французскаго *bœuf*, или Англійскаго *beef*, (быкъ), говоря притомъ, что Нѣмецкія выраженія *büffelhaft*, *büffelicht*, означаютъ въ человѣкѣ грубое, дикое свойство. Разсужденія его справедливы; но ежели бы зналъ онъ Славенской языкъ, то увидѣлъ бы, что его *büffel*, равно какъ и всѣ другихъ языковъ названія, суть не иное что, какъ испорченныя повторенія Славенскаго слова *буйволъ*; которое составлено изъ двухъ словъ *буй* и *волъ*, изъ коихъ одно есть прилагательное, а другое существительное имя, и каждое имѣетъ свое значеніе: *буй* (отколѣ вѣтви *буйство*, *буйный*, *буянъ*, и проч.) значитъ дикаго, необузданнаго, звѣронравнаго; а *волъ* есть большой быкъ. Какимъ же образомъ Славенское слово *буйволъ*, заключающее въ себѣ полный смыслъ, какъ о звѣрѣ, названномъ симъ именемъ, такъ и о свойствѣ его, могло происходить или заимствовано быть отъ словъ другихъ языковъ, *büffel*, *buffalo*, *bubalus*. и проч., не выражающихъ сего полнаго смысла, но заключающихъ въ себѣ одно только вѣтвенное безъ кореннаго значеніе? Изъ сего ясно видѣть можно, что не Славенское слово отъ нихъ, но онѣ отъ него пошли, и что приставленный въ нихъ къ слогу *bu* или *buf* слогъ *fel*, *falo*, и проч., измѣнясь изъ

имени *воль* (vol), потерялъ свое значеніе и сдѣлался простымъ окончаніемъ.

XX. Нѣмецъ *холодъ* и *тепло* называетъ словами *kalt* и *warm*. Аделунгъ говоритъ, что первое изъ сихъ словъ у древнихъ Нѣмцовъ писалось *kald* и *chalt*. Онъ производитъ его отъ Еврейскаго подобозвучнаго слова, означающаго *мученіе*, выводя сіе изъ того, что излишній холодъ и теплота, обезпокоиваютъ, мучатъ наши чувства, и что потому Латинское *calidus*, Итальянское *caldo*, и Французское *chaud*, значатъ противное, а имянно теплоту. О второмъ же словѣ *warm*, сказываетъ, что оно весьма древнее; и сличаетъ его съ Греческимъ *φερμος* или Персидскимъ *Karm*, значащими теплоту. Посмотримъ, не ближе ли подходятъ онѣ къ Славенскому языку: переставимъ въ словѣ *kalt*, или *chalt*, или *kald*, только буквы *al* въ *la*, (обстоятельство въ тысячахъ словахъ примѣчаемое), тогда будетъ чистое Славенское *хладъ* (chlad); а когда одно изъ сихъ словъ толь очевидно и совершенно сходствуетъ съ Славенскимъ, то уже весьма вѣроятно, что и другое должно съ нимъ сходствовать. Нѣмецкое *warm*, не ближе ли съ Славенскимъ *варъ* (означащимъ горячую воду), чѣмъ съ Греческимъ *φερμος*, или Персидскимъ *Karm*, которыя и сами по корню *er*, *ar*, вѣроятно принадлежатъ къ обще-

язычному семейству словъ, означающихъ теплоту, какъ то Славенскія: *жарЪ*, *варЪ*, *парЪ*, *ярость*, *яро*, (весна, отколѢ и НѢмецкое *jahr*, годъ); Латинскія: *ardere*, *ardore*, ec; Италіянскія: *ardire*, *ardimente*, *etc*; Французскія: *hardiesse*, *hardiment*, *etc.*, и также множество въ другихъ языкахъ. Что жъ принадлежитъ до Латинскаго слóва *calidus*, или Италіянскаго *caldo*, или Французскаго *chaud*, означающихъ противное НѢмецкому *kalt*, или Рускому *хладЪ*, а именно теплоту, то сіе слово ихъ не отъ мысли о *мученіи*, но просто могло перейти въ противное съ нашимъ значеніе, потому что у нихъ для выраженія того, что мы разумѢемъ подъ словомъ *хладЪ* или *kalt*, принято ужé было отъ инаго корня слово: *frigor*, Лат., *freddo*, Итал., *froid*, Фр.

XXI. НѢмецкое *nacht*, (ночь). Посмотримъ какъ Аделунгъ толкуетъ сіе слово. По исчисленіи онаго на многихъ языкахъ: *(naht*, *nagt*, *natt*, *niht*, *notte*, *noche*, *nuit*, *nuccht*, *nayt*, *noig*, *neut*, *nos*, *nox*, *nax*, *noy)* говоритъ онъ: „весьма вѢроятно, что оное съ находящимся у Гезихія словомъ *Noxos*, темнота, и съ Латинскимъ *niger*, черное, можетъ также и съ *ater*, у котораго не достаетъ только существенной буквы *n*, великое имѢетъ сходство.“ — Вотъ какъ и самые трудолюбивѢйшіе изслѢдователи словъ не могутъ

безъ знанія Славенскаго языка добираться до кореннаго ихъ значенія! Производя оное отъ слова *Noxos,* извѣстно намъ токмо вѣтвенное его значеніе (ночь, темнота), которое и безъ того знаемъ; но отъ какой коренной мысли произошло Греческое *Noχος,* или *ночь*, или другія сходныя съ ними *nacht*, *notte*, *nuit*, и проч., о томъ остаемся мы въ томъ же невѣденіи, въ какомъ и прежде были. Итакъ для открытія онаго прибѣгнемъ къ Славенскому языку; онъ лучше объяснитъ намъ это. 1-е, Греки и Латинцы не имѣютъ буквы *ч*, и потому не могли Славенскаго слова *ночь* написать и произносить иначе, какъ *Νυξ*, *nox*. 2-е, естьли ночь по Гречески называется *Νυξ*, а темнота *Noχος*, то очевидно, что сіе послѣднее слово произошло отъ перваго, подобно какъ бы мы вмѣсто *темнота*, произведя слово сіе отъ *ночь*, говорили *ночнота*. Слѣдовательно сіе происхожденіе ихъ одного отъ другаго не показываетъ кореннаго или первоначальнаго въ нихъ смысла. 3-е, другіе языки (тожъ не имѣющіе буквы *ч*) замѣняли ее буквою *c* или *s* или *ch* (*noc*, *nos*, *noche*) а иные прибавили къ тому букву t (*nacht*, *niht*, *notte*, и проч.) Сей ходъ измѣненія буквъ, по неимѣнію буквы ч, не обходимъ и ясенъ, но онъ показываетъ только сдѣланную въ

каждомъ языкѣ перемѣну, а не коренное значеніе употребляемыхъ въ сихъ языкахъ словъ. Итакъ остается сыскать, на какомъ языкѣ слово *ночь* или *Νυξ*, *nacht* или *notte*, и проч., изъ кореннаго значенія перешло въ вѣщвенное, то есть стало означать вещь по смыслу, описующему оную. Изъ Славенскаго слова явствуетъ, что оно составлено изъ отрицательной частицы *не*, и множественнаго числа имени *очи*, то есть изъ *не·очь* (нѣтъ очей) сократилось въ *ночь*. Вотъ его происхожденіе! Пусть на другомъ языкѣ покажутъ мнѣ заключающееся въ употребляемомъ имъ словѣ коренное понятіе ближайшее, чѣмъ *нѣтъ очей*; тогда я повѣрю, что не другіе языки взяли слово сіе отъ Славенскаго, но Славенскій языкъ отъ одного изъ нихъ.

XXII. Нѣмцы *иглу* называютъ *nadel*, (см. выше сего слово *гнѣздо*), а ежа (извѣстнаго звѣрька) *igel*, (по Голланд. *egel*). По какой причинѣ сіе Нѣмецкое слово такъ сходно съ Рускимъ *игла*? можно ли приписать это простой случайности? нѣтъ. какая случайность тамъ, гдѣ причина такъ явственна? тѣло звѣрька сего (подобно какъ и нѣкоторыхъ колючихъ растеній, называемыхъ *igel-Aloe*, *igelklette etc)* покрыто щетинками, которыя такъ тверды и остры,

какъ игла, и потому называютъ ихъ *иглами*. Отселѣ явствуетъ, что Нѣмецкое имя *igel*, взято не отъ ихъ слова *nadel*, но отъ Славенскаго *игла*. Посмотримъ теперь вообще, какое семейство словъ произошло отъ слова *игла*, или лучше сказать отъ корня *игл* или *иг*, который во всѣхъ произшедшихъ отъ него нашихъ и чужеязычныхъ вѣтвяхъ показываетъ главное понятіе о чемъ-либо *остромъ*, какъ то въ Латинскомъ языкѣ *acutia*, остроконечность; *acus*, игла; *acre*, *acutus*, острый (*иг*, *ag*, *ac*, и проч., не иное что суть, какъ измѣненія буквъ, поелику смыслъ чрезъ то не измѣняется); *acer* тожъ острый или кислый (здѣсь понятіе объ *остротѣ* перенесено къ понятію о *кислотѣ*, по той причинѣ, что кислота щиплетъ, или какъ бы какими-либо острыми иглами колетъ языкъ. Отъ сего понятія, то есть отъ приключенія чувствамъ нѣкоторой боли, и о больномъ говорятъ *aiger*, и о тяжелыхъ вздохахъ *aigra suspiratio*, и о чемъ-либо горькомъ или непріятномъ *acerbitas*); *acutare*, острить; *aquila*, орелъ (по причинѣ остроты клюва его), и проч. — во Французскомъ языкѣ: *aigu*, острый; *aiguille* игла; *aigiullon*, жало; *aiguillonner*, подстрекать, поощрять; *aiguiser*, точить, дѣлать острымъ; *aigle*, орелъ (по той же причинѣ, какъ и Латинское *aquila*); *aigrir*, огорчать, и проч.—

Въ Италіянскомъ языкѣ подъ тѣми же или подобными словами тожъ, напримѣръ: *ago*, *игла*; *aguzzare*, *acuire*, точить, острить, и проч. — Въ Нѣмецкомъ, Англинскомъ, Голландскомъ, Датскомъ, Шведскомъ, и другихъ языкахъ, тожъ можемъ многія отъ сего корня вѣтви находить; въ нашемъ языкѣ отсюдуже кажется происходятъ слова́: *уголъ* (поелику, хотя и называется иногда тупымъ, но всегда конецъ имѣетъ острый): *angulus*, Лат.; *angolo*, Итал.; *angle*, Фр.; *ecke*, Нѣм. и проч. — *Уксусъ* (по той же причинѣ остроты частицъ своихъ, по какой и въ другихъ языкахъ подобными же называется именами): *acetum*, Лат. *aceto*, Итал. *essig*, Нѣм., и проч. — Буква *v*, называемая *икъ* (поелику выходитъ изъ круга двумя острыми концами). — Слово *икать* кажется больше звукоподражательнымъ, нежели принадлежащимъ къ сему корню; однакожъ Нѣмцы подъ подобнымъ же словомъ *jucken* разумѣютъ то, что мы называемъ зудитъ, свербитъ — Впрочемъ, откол҄ѣ къ сему семейству словъ присоединилось понятіе объ *остротѣ*, отыскать трудно.

XXIII. Нѣмецъ отъ глагола *strömen* единокорненнаго и единозначащаго съ нашимъ *стремиться*, который въ обращеніи къ водѣ илижидкости значитъ течь, литься, про-

извелъ имя *strom* (рѣка, теченіе, быстрина). Подъ тѣмъ же корнемъ, не одинъ Нѣмецкой языкъ, но и другіе многіе языки, имѣютъ разныя слова, какъ то: Нѣмецкое *strasse*, Италіянское *strada*, Англинское *streat*, Датское *streade* (улица, путь, дорога); Нѣмецкое *strahl* (лучь), *strahlen* (испускать лучи); *streben*, *bestreben* (домогаться, стараться о чемъ); Италіянское *straniere*, Англинское *stranger*, Французское *étranger*, а по старинному правописанію *éstranger* (чужестранецъ), и проч. Всѣ сіи слова и другія происходящія отъ нихъ вѣтви, хотя и означаютъ разные предметы, но могутъ подведены быть подъ одно и тоже всѣмъ имъ общее понятіе, отъ котораго они произошли. Сіе общее понятіе изъявляется всѣмъ имъ общимъ корнемъ *str* (стр), означающимъ *стремленіе* или *простираніе*, иногда прямое, иногда разширяющееся во всѣ стороны. Сообразимъ теперь всѣ вышеозначенныя разныхъ языковъ слова съ симъ первоначальнымъ понятіемъ. Нѣмецкое *strömen* (течь) *strom* (теченіе); но течь, теченіе, есть тоже, что *стремиться*, *стремленіе*, какъ на примѣръ: die thränen *strömen* aus den augen, слезы *стремятся* (или текутъ) изъ очей. На разныхъ языкахъ *strasse*, *strada*, *streat*, *streade* (улица); но улица есть не иное что какъ *простертіе*, а *простертіе*, *простира-*

ніе не иное что, какъ *стремленіе* (движеніе) въ какую нибудь или во всѣ стороны. Нѣмецъ подъ словомъ *strahl* сверхъ луча разумѣетъ также и *стрѣлу*, а потому глаголъ его *strahle*, произведенный отъ понятія о *лучѣ*, хотя по значенію своему и соотвѣтствуетъ нашему неупотребительному *лучить* (т. е. испускать лучи, свѣтитъ: die sonne *strahlt*, солнце свѣтитъ); но по составу своему единокорненъ съ нашимъ *стрѣлять*, а значеніемъ смеженъ, поелику лучь обыкновенно уподобляется стрѣлѣ, откол̂ѣ испусканіе луча отъ свѣтящагося тѣла совершенно сходствуетъ съ испусканіемъ стрѣлы изъ лука. Италіянецъ Нѣмецкое слово *strahl*, или наше *стрѣла*, выражаетъ отъ того же корня именемъ *strahle*; Французъ тоже, откинувъ начальную букву *s*, говоритъ *trait*. (Въ другихъ многихъ неупомянутыхъ здѣсь языкахъ безъ сомнѣнія найдемъ подобное же сходство словъ и мыслей). Нѣмцы подъ словами *streben*, *bestreben*, разумѣютъ домогаться чего, *стараться* о чемъ либо; но домогательство, *стараніе* есть не иное что, какъ *устремленіе*, *простираніе* желаній своихъ къ чему нибудь. Италіянецъ, Англичанинъ, Французъ, говорятъ *straniere*, *stranger*, *étranger* или *éstranger* (чужеземецъ, *иностранецъ*). Мы отъ того же корня произвели слово *страна*, поелику *страна* есть

не иное что, какъ *пространство* земли, происходящее отъ глагола *струсь*, *простираюсь*, откол҄ѣ тоже слово изображаемъ отъ того же корня вѣтвію: *иностранецъ*. Наши отъ сего же корня вѣтви: *строю*, *строить*, *строеніе*, *устройство*, *строй*, и проч. суть купно и Латинскія, Италіянскія, Французскія, и другія, тожъ или подобное значащія, таковыя какъ: *struere* (Лат.); *construere*, *construsione* (Итал.); *construire*, *construction* (Франц.). Иныя хотя и кажутся быть не принадлежащими къ сему корню, какъ на примѣръ Французское *detruire* (разрушить); однакожъ не взирая на нѣкоторую разность въ составѣ и значеніи сего глагола, онъ къ сему же семейству словъ принадлежитъ. Мы можемъ это увидѣть изъ слѣдующаго: 1-е, въ составѣ его выпущена буква *s*, какъ то показывеътъ ихъ же отъ сего глагола произведенное имя *destruction* (*разрушеніе*), въ которомъ буква *s*, удерживается. 2-е, Хотя слово сіе переводимъ мы *разрушеніемъ*, но по корню соотвѣтствуетъ оно нашему *разстройство*, которое есть тоже, что *разрушеніе*. Сверхъ сего тотъ же самый глаголъ *detruire* по Италіянски пишется *distruggere*, т. е. сохраняя корень *str*. Въ нашемъ языкѣ отъ сего же корня произведены еще вѣтви: *струна*, *стружки*, и проч. И такъ всѣ вышеозначенныя

слова, какъ наши, такъ и чужеземныя, не взирая на означенiе ими различныхъ предметовъ, имѣютъ одинъ корень *(str)* и происходятъ отъ одного и того же первоначальнаго понятiя *простираюсь.* Теперь, по несомнѣнномъ доказательствѣ, что отъ корня сего произошло дерево съ разноязычными вѣтвями, надлежитъ изслѣдовать, въ которомъ изъ сихъ языковъ корень сего дерева или семейства словъ находится; ибо, поелику всѣ сiи вѣтви отъ него происходятъ, то и долженъ онъ быть въ одномъ которомъ нибудь изъ сихъ языковъ. Сличая однѣ иностранныя слова, какъ напримѣръ Нѣмецкое *strömen*, (течь), Италiянское *strada* (улица), Французскiя *destruction* (разрушенiе), *etranger* (чужеземецъ), и проч., хотя и находимъ въ нихъ одинакiй корень *(str)*, но едва ли возможно подвесть ихъ подъ одно начало, изъ котораго бы явствовало, что всѣ сiи различныя значенiя отъ одного первоначальнаго понятiя проистекаютъ. Въ нашемъ языкѣ напротивъ, начиная отъ глагола *тру*, породившаго глаголы *стру*, *простираю*, и проч., всѣ происходящiя отъ сего корня и понятiя разнозначащiя вѣтви, наши и чужiя, послѣдственно связуются и объясняются. (Для дальнѣйшаго въ томъ удостовѣренiя смотри еще въ XI части, стран. 220 извѣстiяхъ корень *тр.*)

XXIV. Нѣмецъ отдѣленную отъ цѣлаго частицу называютъ *stück* или *stuck*, Шведъ *stucke*, и проч. По нашему *кусокъ*, или уменшительно *кусочекъ*; но мы сверхъ сего названія говоримъ еще *штука*, *штучка*, почитая слово сіе Нѣмецкимъ, тогда, какъ и оно есть Славенское же. Аделунгъ производитъ свое *stück* отъ *stechen* (колоть) или *stock* (палка); но ни которое изъ сихъ трехъ словъ не есть коренное: всѣ оныя суть вѣтви, происходящія отъ первоначальнаго понятія, котораго Нѣмецкій языкъ безъ Славенскаго не покажетъ. Разсмотримъ сіе подробнѣе: Нѣмецкое *stück* (Шведское *stycke*, Датское *stykke*, и проч.), какъ составомъ своимъ изъ тѣхъ же буквъ, такъ и единствомъ значенія, соотвѣтствуетъ Славенскому *стыкъ*, т. е. *соткнутая* (тоже, что срубленная или срѣзанная) часть съ цѣлаго. Наше *кусокъ* отъ сего же понятія произошло, и хотя употребляется безъ предлога, однако жъ и съ предлогомъ *откусокъ* значило бы тоже (т. е. *откушенная* или отторженная, оторванная часть отъ цѣлаго). Другіе нѣкоторые языки при составленіи подобныхъ словъ своихъ тою же самою мыслію руководствовались: Нѣмецъ, напримѣръ, слово свое *bisschen* (кусочекъ) произвелъ отъ *beisen*, кусать; Французъ подобозначущее свое *morceau* тожъ отъ *mordre*,

кусать. (Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что Французское *mordre* весьма сходствуетъ съ Рускимъ, близкое значеніе имѣющимъ, *морда*, *museau*). Вышеозначенныя Нѣмецкія слова *stechen* и *stock*, равно какъ и *stossen* (толкать), идутъ отъ корня *тык*, произведшаго Славенскій глаголъ *тыкать*, и многія отъ него вѣтви: *ткать*, *тычка*, *точка*, *тынъ*, и проч. Какъ ни далеко отошелъ *stossen* отъ *тыкать*, однакожъ другія Нѣмецкія нарѣчія сближаютъ ихъ: Голанецъ вмѣсто *stossen* говоритъ *steeken*, Датчанинъ *at stikke*, въ которыхъ корень *teek*, *tik*, весьма ужé не далекъ отъ *тык*. Что жъ принадлежитъ до первоначальнаго понятія, которое глаголъ *тыкать* сообщаетъ всѣмъ произшедшимъ отъ него разноязычнымъ вѣтвямъ, то весьма не трудно примѣтить, что оное во всѣхъ въ нихъ сохраняется; ибо хотя Нѣмецкія словá: *stossen*, *stechen*, *stock*, выражаемъ мы словами, толкать, колоть, палка или посохъ; но толкать и колоть суть дѣйствія не разрывно сопряженныя съ дѣйствіемъ тыканія. Палка служитъ для опиранія, но опираться объ нее нельзя иначе, какъ утыкаясь ею въ землю. Другихъ языковъ соотвѣтствующія симъ словá идутъ не отъ корня *тык*, но отъ корня *пин*, какъ то Латинскія: *pinsere*, *pinsor*, *pistare*, *pugnare*, etc. Италіянскія: *pingo*,

spingere, *impulsione*, etc; Французскія: *pousser*, *impulsion*, *piquer*, etc. По какой причинѣ всѣ сіи имена и глаголы, происходящіе отъ инаго корня, сходствуютъ значеніями своими съ прежде упомянутыми? безсомнѣнія по тому, что идутъ отъ двухъ словъ, имѣющихъ одинакое или смежное значеніе; ибо два первоначальныя понятія, совершенно между собою различныя, не могутъ и въ вѣтвяхъ своихъ произвесть единства или согласія мыслей. Посмотримъ же, отъ чего сіи разнокорненныя въ разныхъ языкахъ вѣтви такъ между собою сходствуютъ, какъ бы мысль, породившая ихъ, была одна и та же. Славенскій языкъ намъ это покажетъ. На немъ глаголы *тыкать* и *линать* изъявляютъ смежное или почти одинакое понятіе, поелику дѣйствія, ими означаемыя, не разрывны между собою, то есть одно безъ другаго быть не могутъ. Слѣдственно и вѣтви, отъ нихъ происходящія, должны имѣть тужъ подобозначительность, какъ бы отъ одной и той же мысли истекали. (Для подробнѣйшаго еще объясненія о семъ см. въ VI части стран. 38 и 64 корень *лин*).

Конецъ четырнатцатой части.